

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол № 1 от 25.01.2022 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф.

(главный редактор)

Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.

(заместитель главного редактора)

Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц.

(заместитель главного редактора)

Александрова И. В. – д. филол. н., доц.

Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.

Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.

Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.

Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.

Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.

Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.

Керимов И. А. – д. филол. н., проф.

Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.

Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.

Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.

Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.

Меметов А. М. – д. филол. н., проф.

Ненарокова М. Р. – д. филол. н.

Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.

Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.

Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.

Петров А. В. – д. филол. н., проф.

Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.

Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.

Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.

Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.

Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.

Супрун В. И. – д. филол. н., проф.

Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.

Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.

Федотов О. И. – д. филол. н., проф.

Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.

Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.

Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.

Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литературы) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Подписано в печать 25.01.2022. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.09:303.725.22

«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» В ОПИСАНИИ ТАВРИДЫ П. И. СУМАРОКОВЫМ

Галушко А. Д.

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

E-mail: alenagalushko@rambler.ru

Тема статьи продиктована необходимостью осмысления механизмов регулирования общественных отношений с учетом накопленного филологического и философского опыта. Соотнесение концептуальной оппозиции «свое» и «чужое» происходит в связи с фактами филологической истории начала – середины XIX века, в частности, с актуализированной П. И. Сумароковым проблемой восприятия «чужого» сквозь призму «своего» жизненного опыта, мировосприятия и с учетом накопленных знаний о предстоящем путешествии. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова явилось литературным образцом «взаимодействия» с новой культурной и природной реальностью. Читатель получил возможность вместе с автором пройти путь освоения уникального полуострова и получить те знания о Крыме, которые делали для него Крым «своим» не только в формально-политическом отношении, но и в ментально-духовном.

Ключевые слова: П. И. Сумароков, свое, чужое, Крым, Б. Вальденфельс, В. Г. Лысенко, Д.-А. Пажо.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобализации, когда коммуникативные возможности, казалось бы, должны были стирать считавшиеся «непреодолимыми» метальные, историко-культурные, религиозные расхождения между народами, на практике оказывается, что именно коммуникативные возможности в ситуациях национально-государственных противоречий приводят к стремительной консолидации обществ (общностей, сообществ, групп) по принципу «свои» и «чужие». При этом представления о толерантности (*tolerare* – терпеть, переносить, выносить, привыкать) усваиваются индивидуумами в контексте прагматизма (ситуативности). Так, осознание понятий «свой» и «чужой» (или: «родное» – «чужое»; а далее: соответствующее – не соответствующее убеждениям, воспитанию) может корректироваться в сознании человека в зависимости от места, в котором он находится, обстоятельств, при которых происходит коммуникация и, конечно, собственного жизненного опыта.

Таким образом, актуальность заявленной темы продиктована современными запросами общественной жизни, необходимостью осмысления механизмов регулирования общественных отношений с учетом накопленного филологического и философско-исторического опыта. В задачи статьи входит соотнесение концептуальной оппозиции «свое» и «чужое» с фактами филологической истории XVIII века, в частности, актуализированной П. И. Сумароковым проблемой постижения «чужого» как «находящегося за границами родной культуры» [6]

Категория «чужое» («другое») рождается в противопоставлении «своему» («собственному») и является одним из важнейших инструментов интеллектуального освоения мира. Как считают исследователи, «представления о Другом исконно мифологичны»: «это психологическая данность, которая обусловлена усвоенной на генетическом уровне моделью миропонимания, предполагающей разграничение пространства на Свое и Чужое» [16 с. 45]. Закономерно, что категории «свое» и «чужое» давно вызывают интерес многих специальностей гуманитарного цикла и, по мнению ученых, до сих пор являются предметом активного изучения: «В отношении чужого очевидно, что оно, составляя пару собственному, относится к актуальнейшим проблемам <...>» [3, с. 124]. Хотя сам психологический феномен разделения мира на сферы «своего» и «чужого» восходит к эпохе мифомышления, философское осмысление этого феномена, по наблюдению немецкого профессора Бернхарда Вальденфельса, началось «частично в XVIII–XIX вв., в большей мере – в XX веке» [2, с. 124]. Очевидно, что интерес был подогрет и развитием национальных культур, и постепенным движением общества к индивидуализации сознания, и стремлением к свободе волеизъявления. Проблема «своего» / «чужого» во многом накладывается на проблему понимания «нормы / антинормы», и это, конечно, вызывает живой интерес не только философов, но и психологов. Сложность проблемы, однако, в том, что в коллективном и индивидуальном сознании грань между «своим» и «чужим» не всегда пролегает линейно и не всегда фиксирована. То, что одним поколением воспринималось в качестве «чужого», для другого поколения может стать «своим», а то, что было узаконено обычаем как «свое», может однажды вызывать отчуждение. Более того, существует множество объектов действительности, которые занимают «переходное» положение: они могут быть еще не «своими», но уже не в полной мере «чужими» или «своими», но еще сохраняющими память о своем «чужом» происхождении и т. д. И именно эти переходные формы позволяют нам «отследить» многие феномены культуры и литературы в их динамике.

Если говорить конкретно о литературе, то наиболее показательным в этом отношении является жанр «путешествия», предполагающий освоение «чужого» пространства (не только географического, но и культурного) авторским сознанием. Именно этот жанр позволяет отчетливо рассмотреть, как «чужое» превращается в «свое».

Цель статьи – выяснить авторские тактику освоения «чужого» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое путешествие П. И. Сумарокова в Крым состоялось через 16 лет после присоединения Крыма к России. Это значит, что автор имел все основания воспринимать полуостров в качестве «своего» пространства, если иметь в виду политическую плоскость вопроса. В то же время Крым представлял собой малоизученную область. До присоединения к России европейцы здесь оказывались крайне редко, так что первые развернутые научные описания полуострова появились лишь незадолго до путешествия Сумарокова. То есть, для автора Крым все же

представлял собой во многом пространство «чужое», и задача путешествия заключалась в том, чтобы это «чужое» оказалось вписано в «свою» картину мира.

В современном научном дискурсе понятия «свое» и «чужое» получают довольно разнообразные толкования. Но для нас в данном случае важно, каким образом сам Сумароков мог «толковать» эти категории. Думается, он исходил из общеупотребительной речевой практики, которая закреплена в словарях, а потому сделаем небольшое отступление на этот счет.

Притяжательное местоимение «свой» в русском языковом пространстве возникло в XI–XVII вв., а в словаре впервые было зафиксировано в 1627 г. Слово происходит «из праславянского «свой», восходящего к индо-европейскому *se-: sewe; swe-: swo-* «свой, родной, своего рода» [23, с. 306]. Русскоязычному «свой» соответствуют «древне-прусское *swais, swaia*, литовское *sāvas*, латышское *savs*, древне-индийское *sva-, svaka-* «свой, собственный», древне-греческое *ἐ, ὅς, ἑός*, древне-латинское *suus*, латинское *suus*, готское *swēs*» [23, с. 306]. Значения местоимения «свой, родной, своего рода» [23, с. 306] отражаются в общем значении лексемы «принадлежащий себе, находящийся у себя в пользовании» [23, с. 306].

Слово «чужой» появляется в русскоязычном пространстве в это же время. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово «чужой» означает: «не свой, сторонний, собя другого, незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный» [4, с. 613]. Последнее значение нам особенно важно, поскольку связано с актуальными социально-философскими категориальными смыслами. Есть и примеры, это значение раскрывающие: «Чужая сторона прибавит ума», «Чужая сторона – дремуч бор», «От чужого обеда не стыдно голодному (не евши) встать», «Чужая сторона – вор (разбойник)», «В чужую дуду не наиграешься (поиграй да покинь)», «Кому от чужих, а нам от своих», «На чужой стороне и сокола вороной назовут» и т. д. На основании этих примеров легко заметить, что слово «чужой» имеет отношение не только к собственности (собой), но и к выросшим, утвердившимся в народном сознании – на основании накопленного исторического и житейского опыта – характеристикам и оценкам. Так, «чужий» или «чуждый» – «чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный» [4, с. 613]. Постепенно в русском языке появляется и глагол, возникающий и обогащающийся дополнительной семантикой по мере развития языка и накопления новых – метафорических – смыслов: чуждать, отчуждать – удалять, почитать чужим, обегать, избегать [4, с. 613].

В «Этимологическом словаре современного русского языка» Б. М. Шапошникова утверждается, что лексема возникла из «праславянского *т'удьб* производного прилагательного с суффиксом *-йъ* от основы *т'уд-*, восходящей к готскому *riuda* «народ»» [23, с. 531]. Первоисточником при этом является лексема *teutā* «народ», производное с дентальным суффиксом от глагола *tēu-: tēu-: tū-* «расширяться, разбухать, вздуться» [23, с. 531]. При этом в среднеиндоевропейском диалекте «*teutonos* имеет значения «автохтон, абориген, хозяин земли, суверен», литературное же значение – «народ, нация», кельтское *touto* – «народ»» [23, с. 531].

Таким образом, этимологический рисунок лексемы «чужой» в процессе адаптации несет в себе ядерное значение «народ», что свидетельствует о том, что человек отделяет себя от общества или людей, принадлежащим к другому обществу, оно становится для него «чужим», при этом «своим» остаётся собственное «я» и его окружение. Важно понимать, что «своё» – это абстрактное понятие, это не только «свое, родное», как указано в значении, но и нечто большее, чем «моё», это принадлежащее кому-либо, тому, кому обращены слова говорящего [1]: «Не существует «определённого чужого», а существуют различные стили чуждости» [2, с. 126]. Так, В. Г. Лысенко в работе «Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии)» приходит к выводу, что «мы можем осознать свое Я лишь через «не-Я», другое, чужое» [12, с. 61], при этом автор создает собственные принципы познания «чужого»: «я-образ», «не-я», «я-образа».

Чтобы автор осознал, что есть «чужое», он должен осознать, что есть «свое», когда «личная идентичность актуализируется при столкновении и конфликте с чужой идентичностью» [12, с. 61]. В ситуации путешествия происходит психологически мотивированное акцентирование эмоций путешественника не только на объекте и субъекте восприятия, но, прежде всего, на собственном видении новой реальности, на «я – в новой реальности». Этот и порождает психологический сюжет-восприятие в тексте «путешествия». Но не это удивляет, а, напротив, привлекает читателя. Читатель ищет авторский «ответ» на «новую реальность», «я-оценку» образа «новой реальности».

Итак, суммируем. В качестве «чужого» Сумароков должен был воспринимать, во-первых, все, что отличалось от привычного порядка вещей; и, во-вторых, все, что было создано и являлось обычаем для иных национальных общностей. По существу, текст Сумарокова – описание индивидуального опыта по взаимодействию с «чужим». Причем описание – литературное, не фотографически отражающее маршрут и события, а «конструирующее» сюжет путешествия, что было в традициях эпохи [18, с. 27]. А учитывая свойственные той поре представления о назидательной, просветительской роли литературы, можно заключить, что Сумароков предлагал читателю своеобразную «программу» взаимодействия с «чужим».

Однозначно, что Сумароков заранее собирал сведения о Крыме, так что из Петербурга он отправлялся не в полную неизвестность, а в «то древнее завоевание Митридата, тот знаменитый полуостров» [20, с. 45], о котором имел некоторые «сведения на предстоящие <...> места» [20, с. 75]. Очевидно, что образ Крыма мифологизировался, ассоциировался, прежде всего, с историческим прошлым, и это, безусловно, демонстрирует настрой автора преодолеть «чужест» полуострова, воспринять его легендарное прошлое в качества славной страницы теперь уже и «своей» истории. Мифологизация Крыма была характерна и для более поздних текстов о Крыме [9, 17].

Восприятие национального образа базируется на стереотипном мышлении, которое, в свою очередь, уходит корнями в эпоху мифомышления. А потому «миф предшествует научному освоению действительности» [9, с. 5]. Прежде, чем Сумароков увидел Крым, в его сознании уже существовал некий «крымский миф». Этот миф складывался не только из исторических сведений, но в том числе из

информации, полученной от людей, бывавших на полуострове. Автор сообщает, например: «Мы разговаривали за столом все о той стране, и любопытство мое заготовляло мне сведения на предстоящие мне места. Мне сказывали о беспокойствах, какие я претерпеть должен, о страшных по приморским местам тропинках, по которым более 200 верст не иначе, как верхом проезжать надлежит, и об удивительных, равно достопамятных вещах, кои я там увижу» [20, с. 75–76].

Характерно, что «крымский миф» – это для автора уже нечто «свое», поскольку содержание этого мифа известно ему лучше, нежели Крым реальный. А потому зачастую знакомство с Крымом представляет собой сопоставление действительности с уже бытующими в сознании сведениями. Когда увиденное совпадает с ожидаемым, то, сколь бы экзотичным это увиденное ни было, оно уже воспринимается во многом как «свое», позитивное уже потому, что соответствует ожиданиям. Этот эффект, скажем, ощутим, когда автор знакомится с восточными обычаями и нравами: турецкая свадьба с «арбой, запряженной парой волов», «татаринном в убранстве верхом», «торжествующим двором», «взаимными обниманиями»; кофейни с «устиланными по полу коврами с отгороженными вокруг диванами», «татарами, поджавшими (под себя) ногами», «кофием без сахара и сливок»; базары с «сидящими по лавкам купцами», «рукодельями» и «курительными царствами» – все это для автора становится не «открытием», а подтверждением «своих» знаний о Востоке. «Чужое» становится отчасти «своим» уже потому, что соответствует привычным представлениям.

Важно учитывать и социально-политическую ситуацию эпохи. Сквозь все произведение Сумарокова легко прослеживается мысль о том, что население Крыма – вне зависимости от религии и национальности – это население «свое», российское. Это сразу настраивает не на отрицание «инаковости» крымских жителей, а на стремление познать эту «инаковость» – по аналогии с тем, как познавалась «инаковость» множества иных народов, населяющих Россию. Основная часть крымского населения той поры – это крымские татары, мусульмане. А тюркская и мусульманская культура была хорошо знакома русскому читателю, поскольку тюркские народы проживали рядом с русским населением в Уфимской, Оренбургской, Саратовской, Пермской, Вятской и др. губерниях, причем сохраняли свою традиционную самобытность. И Сумароков, описывая свое общение с крымскими татарами, исходит из тех же принципов, которые лежали в основе взаимоотношений между русскими и тюрками в других районах страны. Он не стремится противопоставить себя крымскому населению; напротив, всячески старается познать его нравы, попробовать «приноровиться» (жилище, питание, правила жизни) к местным обычаям. И это следует воспринимать в контексте государственной политики в Крыму, которая стирала различия между «своим» и «чужим». Сенатский указ от 9 ноября 1794 г. предоставлял «простым татарам» право потомственного владения и продажи землями; иными словами, «все крымские татары вне зависимости от происхождения были уравнены в собственнических правах на землю с российским дворянским сословием» [8]. При такой постановке вопроса «свое» и «чужое» существенно меняло теоретическую формулу противопоставления:

с точки зрения социальной эта оппозиция не существовала, сферой ее бытования оставалась лишь культурная плоскость.

В этом отношении важно, что для Сумарокова культурные границы зачастую проходят не по национальным и культурным границам, а по сугубо нравственным. Образ «путешественника» в его тексте – это своего рода нравственный образец, хорошо знакомый литературе сентиментализма. «Путешественник» Сумарокова – персонаж культуры Просвещения – видит миссию «своих» моральных принципов не в навязывании собственных норм, а в использовании этих норм на благо окружающим. Это подтверждается характерным эпизодом. Между сопровождающими путешественника возникла ссора. Один участник конфликта – толмач-турок (отставной ротмистр), который был «человек суровый и несговорчивый» [20, с. 101], «Магомета почитал, а жертвы воздавал Бахусу» [20, с. 101]; другой – и слуга путешественника, «отставной сержант <...> также грубого нрава, но притом весьма честного и трезвого поведения» [20, с. 101]. Противоречия между ними «задели» и «национальный вопрос»: один «требовал насильного себе почтения», а другой «говорил, что турок никогда его начальником не бывал». В результате ссоры продолжение путешествия оказалось под вопросом.

Сумароков описывает, как ему силой убеждения удалось уладить этот конфликт. Читателю ясно, что ее причиной стали чисто субъективные факторы. И Сумароков своими рассуждениями подсказывает, что устранить эти причины можно лишь в том случае, если ориентироваться не на личностные убеждения, а на вселенские законы: «В горних всегда царствует мир и благодать, а смертные в долу обыкновенно враждуют и друг на друга восстают» [20, с. 100].

Знакомство автора с «чужим» начинается уже по пути в Крым. Так, Николаев, возведенный в 1789 г. Г. А. Потёмкиным, представляет «значимое расхождение между типами культурной действительности» [25]: той, носителем которой является автор и той, которой ему предстоит познать в путешествии. Сумароков рассказывает: Сали-Ага «показал нам свой сад и один турецкий крестьянский дом, где по обычаю их, мы нашли опрятный и хороший диван [20, с. 50–51]; «турки, привыкшие к роскоши и неге, обыкновенно это делают (обедают) у своих домов, чтоб покойнее им садиться верхом и сходить с лошади» [20, с. 51]». Заметим, что на речевом уровне П. И. Сумароков, используя местоимения «их» и «мы», отделяет себя от «чужой» для него культуры. Однако очень скоро он уже говорит о себе и представителях иной культуры, используя местоимение «мы», «наша»: «Беседа наша, состоявшая из четырех человек, была непринужденной, бесчиновной и весьма приятной; мы, растянувшись по дивану, разговаривали о разных вещах <...> и мы очень весело провели за обедом наше время» [20, с. 51–52]. Очевидно, что это сближение с «чужим» пока ситуативно, но важно, что автор при этом не испытывает никаких затруднений, он, напротив, демонстрирует легкость, с какой люди разных обычаев могут находить общий язык.

Исследователи говорят о том, что знакомство с «чужим» может осуществляться по разным моделям. Ивер Нойманн в работе «Использование «Другого» изучает проблемы идентичности при рассмотрении «концептуальной пары «Я/Другой» [13, с. 25], выделив четыре основных подхода: этнографический, психологический,

подход континентальной философии и «восточный экскурс». Не будем подробно рассказывать о каждой модели, лишь заметим, что в случае с Сумароковым имеет смысл говорить о так называемом «восточном экскурсе». Здесь «я» не воспринимает «чужое» как другое «я», а лишь как нечто близкое; по такому принципу и выстраивается отношение автора к культуре сообщества, о котором он имеет лишь некоторые стереотипные представления, основанные на собственном жизненном опыте. Для П. И. Сумарокова «чужое» становится «своим» «по культурно-нравственным приоритетам», при этом стираются границы восприятия «своего» и «чужого» [19, с. 17]. И общение турком-мусульманином описывается в одном ряду с посещением христианского храма, находящегося на краю отечества: «<...> Я пошел в Собор, а как то было воскресенье, то нашел в оном довольное стечение людей, хор приятно и искусно поющих певчих, и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты, и в стране, где незадолго пред сим и звери не учреждали своего обиталища [20, с. 54].

Установки П. И. Сумарокова в освоении «чужого» становятся лучше понятны, если рассмотреть текст с точки зрения концепции, предложенной известным французским литературоведом Д.-А. Пажо. Исследователь полагает, что все реакции индивидуума при встрече с «чужим» можно условно разделить на три группы: манию, филию и фобию. На наш взгляд, это несколько упрощает и схематизирует картину, однако все же имеет смысл, поскольку позволяет высветить основные авторские принципы. Итак, попробуем сгруппировать высказывания Сумарокова в соответствии с концепцией Д.-А. Пажо.

Начтем с тех случаев, которые Пажо определяет как «филии», то есть ситуации, в которых автор воспринимает «чужую» действительность позитивно и как дополнение к «своей» культуре. Закономерно, что высказывания такого типа относятся у Сумарокова, как правило, к тем объектам и явлениям, которые ближе всего его привычному взгляду на вещи. Так, например, он описывает греческий храм в Крыму: «На другой день я пошел в греческую церковь, недавнее сооружение которой являло великую бедность, и царские в ней врата были из простых досок без всякого на них изображения, <...> литургия совершалась на двух языках пополам, то есть один стих пели по-гречески, другой по-русски [20, с. 76].

К группе реакций-фобий, то есть таких, которые однозначно декларируют превосходство «своей» культуры над «чужой», можно отнести крайне малое число высказываний Сумарокова. И все же такие фрагменты обнаружить можно. Вот один из них: «Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился, а когда, по снятии чорбы, их супа, появились другие блюда, то способ брать всякое кушанье голыми руками мне также показался отвратительным. Я межевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок, и ел вилкой по-европейски» [20, с. 78].

Здесь нужен небольшой комментарий. Как известно, население Крыма во времена Сумарокова не было этнически однородным. Как отмечает Н. И. Храпунов, «важным свойством Крымского полуострова было многообразие населявших его этнических типов» [22, с. 67]. Закономерно, что Сумароков отмечает эту особенность: «Обитатели города есть также собрание разномыслиющих, и главное из них число

составляют татары, а прочие суть россияне, греки и армяне. В нем 4 мечети; при том каждый из этих народов имеет свою церковь и отделенные на базаре для торгу своего ряды» [20, с. 75]. Однако закономерно и то, что основное внимание он уделяет описанию наиболее многочисленной национальной группы – крымских татар. Так что на фоне множества описаний крымскотатарской культуры случаи, когда автор не приемлет какие-то ее элементы, выглядят единичными.

Отметим, что такого рода реакции имеют место в тех случаях, когда, во-первых, различие культур выражено наиболее контрастно, а во-вторых, когда речь идет о бытовых повседневных деталях. Однако исследователями давно замечено, что «деление на “свое / чужое” нивелируется, если речь идет об абсолютных ценностях [7, 24]. И это очень хорошо заметно, когда Сумароков описывает религиозную жизнь мусульман: «<...> Настало время видеть магометанское богослужение, для чего мы пошли в придворную <...> Сперва началось общее моление; татары, стоявшие правильными рядами, падали на колена, шептали, смотря в руки, поглаживали бороды, иногда вставали, кричали миром, и все это отправлялось с великим благочестием [20, с. 136]. Созерцание «чужого» здесь служит Сумарокову поводом для размышлений, которые не подчеркивают, а, напротив, способны нивелировать «чуждость»: «Разные народы, разные обычаи! Что одному кажется смешным, в том другой важность обретает; сей признает за должность то, от чего иной с ужасом отвращается. Общего добра и зла нет, цель же каждого одинакова и та же; всякий ищет познать своего Творца, смириться пред ним и принести Ему в благодарение какую-либо жертву» [20, с. 137].

Вообще говоря, Крым постепенно превращается для Сумарокова в своеобразный естественно сложившийся эталон, «оазис», способный служить примером преодоления взаимной «чужести» разного характера. Крым объективно занимает «двойственное положение <...> между Европой и Азией» [21, с. 67], и это особенно поражает Сумарокова, поскольку «Европа» и «Азия» не конфликтуют здесь, а сосуществуют, не акцентируя исконную чуждость разных обычаев. Подробно автор описывает архитектуру разных традиций: Ханский дворец с «внутренним его великолепием, разными при нем двориками с цветниками, насыпанными садами, изобилующими лучшими плодами, и множеством фонтанов» [20, с. 134], где «все дышит <...> роскошью, негой и сладострастием» [20, с. 134], «греческую во имя Успения Богородицы церковь» [20, с. 137], которая «находится внутри каменной утесистой горы» [20, с. 137] и «не имеет никаких украшений, но <...> искусной работы» [20, с. 134]; пещеры, которые являются «настоящими комнатами с окнами, дверями, сводами, широкими лавками, из них» и все это цельно высеченное из природного каменного слоя» [20, с. 128]. Восприятие и принятие такого многообразия является «показателем уровня собственного развития» [12, с. 62–63], что заложено в основе принципа «я-образа», когда «образ чужого может быть инструментом как самоутверждения, так и самопонимания» [12, с. 63].

В случае с П. И. Сумароковым происходит второе. Красота и экзотичность природы, архитектурное многообразие поражают воображение автора, он рассуждает о философии бытия: «Тут иногда, усевшись на каменной скале, я, окруженный воздымающимися и обнаженными горами и имея позади себя дикость мест и

разрушения, а перед глазами неизмеримое пространство вод, проводил в уединении моем часа по три времени; и тогда-то я выводил сие заключение, что если мы оставляем без довольного внимания чудесные произведения природы, то причиною оному – привыкшее к ним наше зрение. Но когда бы новый житель мира впущен был посреди неизвестной ему вселенной, то в какое бы пришел он изумление, встречая повсюду красоту, стройность и порядок. Он, конечно, познал бы сам собою Сотворившего все, и, повергнувшись с благоговением пред Ним на колена, прославил бы Божию премудрость, величество, недостижимость и Его славу» [20, с. 89]. Автор переживает «чувства природы» через созерцание, слушание, обоняние, осязание и постигает природу через эмоции и чувства, рассуждая о законах мироздания. Природа становится мотиватором мысли, «чужое» пространство выступает источником миропонимания.

В момент осознания «чужого» посредством «своего» формируется проблема восприятия бытия; при этом в работе «Время и Другое» Э. Левинаса бытие связывается с понятиями изменчивости и неопределенности, «которые со временем также претерпевают изменения» [10, с. 97–98]. Отсюда вытекает вопрос о самоидентичности в чужой среде [11]. Природа Крыма становится для Сумарокова той сферой, которая позволяет ему самоидентифицироваться.

Здесь следует вернуться к концепции Д.-А. Пажо и сказать о тех высказываниях, которые можно было бы отнести к реакции-мании. Само название этой группы нам не кажется вполне удачным, но так или иначе речь идет о тех случаях, когда автор писатель воспринимает «чужую» реальность как преобладающую в каком-либо отношении над своей [19, с. 19–20]. У Сумарокова это происходит, когда он говорит о крымской природе. Но здесь не следует впадать в излишнюю категоричность оценок.

Понятно, что природа Крыма была для Сумарокова «чужой», поскольку она чрезвычайно отлична от природы средней полосы России, хорошо знакомой писателю. Эта необычность явно привлекает его, а потому описания природы занимают в тексте значительное место: «Климат в Крыму вообще есть весьма здоровый; чему служат свидетельством неизвестные здесь смешанные болезни, твердое сложение жителей и достижение их до глубокой старости. Но в некоторых его низких местах <...> довольно вреден. На сем полуострове теплотворной воздух продолжается чрез целые восемь месяцев; притом и остальная часть года выводит с собою довольно число ясных и хороших дней» [20, с. 160]. Крымские особенности зачастую описываются в прямом сопоставлении со «своей» природной реальностью, например,

- при описании рек: «Крым орошается великим множеством рек, из коих большая часть находится в каменистой полосе; но нет из них ни одной не только судоходной, даже равной в широте московской Яузе» [20, с. 162];

- при описании птиц: «Большое стечение здесь птиц бывает осенью и весною; летом же чрезмерные жары побуждают некоторых отсюда удалиться; от чего число их тогда весьма умалится. Но водяных птиц всегда находится немного, а глухих и простых тетеревов нет нигде» [20, с. 163];

- при описании животных: «Зверей на сем полуострове количество невелико. По местам есть сайгаки, дикие козы, волки, барсуки, лисицы, кабаны и зайцы, <...> но медведи и белки здесь совсем неизвестны» [20, с. 164].

Причем природа Крыма далеко не всегда вызывает у автора восторг. Порою «местные условия» вызывают у него явное отторжение: «Худой запах, происходящий от топления кизяком и тростником, притом начинающийся жар принудили меня оставить мою прогулку» [20, с. 50]. Иногда крымские ландшафты навевают чувство ужаса: «Дорога идет излучистая по косогорам между гряды чудовищных в утес гор и разверстой пропасти к морю, такой в иных местах узкой стезей, что лошадь едва переставлять может ноги, и я смело скажу, что ни одна наша русская лошадь по этому пути пройти бы не осмелилась и не могла. Я не знал тогда, что предпринять: впереди представлялись непроходимости; повернуться назад и уступить робости устыженная мысль не позволяла, и надлежало избирать из двух одно, верхом ли проезжать, или идти лучше пешком» [20, с. 109]. Море демонстрировало автору свой негостеприимный характер: «Посиневшее море являло грозные валы, из-под кипящей над ними пены пробивающиеся, которые возносились буграми и мгновенно ниспадали; шум от ударов их одного о другой, сильное колебание всей влаги, мрачность, покрывающая небесный свод, – все это вселяло уныние и страх» [20, с. 95].

Однако важен такой эффект: все эти трудности и непривычные условия в конечном итоге не рожают чувства отторжения. Они, как правило, служат автору очередным поводом восхититься величием и многообразием природы, они лишь стимулируют мысль о месте человека в природе: «О, природа <...> ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую радость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения. Тут ты воздымаешь величественные кипарисы и лавровые деревья, а в той стороне и простых дубов не даешь. Там на испещренных розами и нарциссами долинах тихие зефиры разносят по воздуху ароматы и нежат царствующую любовь; а здесь ты вечные льды и ужасную необитаемость оставляешь! Тут в недрах земли светятся алмазы, золото и серебро; там же кремнистые скалы и разверзающиеся бездны определяешь! Ты мать в одних местах, но мачеха в других» [20, с. 76]. Крым изображается именно тем местом, где природа оказывается для человека «матерью», и потому полуостров превращается для «путешественника» в своеобразный идиллический «оазис». «Путешественник» Сумарокова в результате не «царь природы», а, скорее, ее ученик, чутко слушающий «подсказки» ее закономерностей. Поначалу «чужая», природа Крыма становится для героя «своей», и Крым, который в начале путешествия был для автора и читателя во многом «чужим», к концу повествования становится понятным, знакомым – «своим».

ВЫВОДЫ

Историко-философское осмысление оппозиции «своего» / «чужого» сегодня активно реализуется в исследованиях социокультурной тематики, психологии, филологии, этнографии и т. д. Проблема «своего» / «чужого» становятся определенным «ключом» при изучении актуальных вопросов филологии,

имагологии, компаративистики [14, 15, 16]. Жанр «путешествия» в этом отношении служит уникальным источником материалов, анализ которых позволяет вскрыть механизмы интеллектуального освоения «чужих» пространств и культур в контексте разных эпох и традиций.

«Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова представляет собой яркую иллюстрацию литературных тенденций конца XVIII в., когда просветительский вектор мотивировал автора и читателя преодолевать межкультурные границы и примирять противоречия между «своим» и «чужим» на основе универсальных ценностей. Крымское «Путешествие...» Сумарокова превращалось в литературный образец «взаимодействия» с новой культурной и природной реальностью. Читатель получал возможность вместе с автором пройти путь освоения уникального полуострова и получить те знания о Крыме, которые делали для него Крым «своим» не только в формально-политическом отношении, но и в ментально-духовном.

Список литературы

1. *Альтишуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с.
2. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. – Минск: Пропилеи, 1999. – 176 с.
3. *Ваулина Л. Н.* Герменевтика и межкультурная коммуникация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – С. 198–202.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1–4. – М.: Рус. яз., 1978–1980. – Т. 4. Р–V. 1980. – 663 с.
5. *Данилова Н. Ю.* Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. – СПб., 2011. 30 с.
6. *Казакова Е. А.* Теоретические подходы рассмотрения дуальности 'свое – чужое' // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. – № 11(340). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 32. – С. 120–125.
7. *Клюенков О. И.* Феномен отчуждения человека как опыт его существования: Автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Архангельск, 2007. 24 с.
8. *Конкин Д. В., Храпунов Н. И.* Между Западом и Востоком: особенности развития Крыма в составе Российской империи в контексте межкультурных коммуникаций (1783–1853) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015401-0-1>. – (Дата обращения: 05.03.2022).
9. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
10. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Букинистика, 1998. – 265 с.
11. *Левинас Э.* Путь к Другому. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 240 с.
12. *Лысенко В. Г.* Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. – М.: Наука, 2010. – С. 90–102.

13. Нойманн И. Использование «Другого»: (Образы Востока в формировании европейских идентичностей). – М.: Новое изд-во, 2004. – 335 с.
14. Орехов В. В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. – Томск: ТГУ, 2020. – № 14. – С. 143–167.
15. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
16. Орехов В. В. Северо-восток: Россия на «имагологической карте» французской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 45–69.
17. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.
18. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.08. – Симферополь, 1992. – 328 с.
19. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 9–19.
20. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Симферополь: Бизнес-информ, 2012. – 208 с.
21. Храпунов Н. И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 58–68.
22. Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое. – 2018. – № 1. – С. 63–78.
23. Шапошников Б. М. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 4. – 576 с.
24. Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 2016. – 356 с.
25. Pageaux D.–H. L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle // Synthesis. – Bucarest, 1983. – X. – P. 79–88.

References

1. Altshuller M. *Beseda lyubitelej russkogo slova. U istokov russkogo slavyanofil'stva* [Conversation of lovers of the Russian word. At the origins of Russian Slavophilism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 448 p.
2. Waldenfels B. *Motiv chuzhogo: Sb. per. s nem.* [The motive of a stranger: Transl. from german]. Scientific ed. by A. A. Mikhailov; ed. by T. V. Shchitsova. Minsk, Propilei Publ., 1999. 176 p.
3. Vaulina L. N. *Germenevtika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Hermeneutics and intercultural communication]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika*, 2010, pp. 198–202.
4. Dal V. I. *Tolkovyj slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Rus. Yaz Publ., 1980, vol. 4 (R-V). 663 p.
5. Danilova N. Y. *Dialog «svoego» i «chuzhogo» v xudozhestvennom mire N. S. Leskova (na materiale proizvedenij 1860–1880-x gg. ob inostrancax i inorodczax: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [The dialogue of "one's own" and "someone else's" in the artistic world of N. S. Leskov (based on the works of the 1860s-1880s about foreigners and foreigners). Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2011. 30 p.

6. Kazakova E. A. *Teoreticheskie podhody` rassmotreniya dual`nosti `svoyo – chuzhoe`* [Theoretical approaches to the consideration of the duality of 'one's own – another's']. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no 11(340), pp. 120–125.
7. Klyuenkov O. I. *Fenomen otchuzhdeniya cheloveka kak opy`t ego sushhestvovaniya: Atoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The phenomenon of alienation of a person as an experience of his existence. Abstract of thesis]. Arkhangelsk, 2007. 24 p.
8. Konkin D. V., Khrapunov N. I. *Mezhdue Zapadom i Vostokom: osobennosti razvitiya Kry`ma v sostave Rossijskoj imperii v kontekste mezhkul`turny`x kommunikacij (1783–1853)* [Between the West and the East: features of the development of the Crimea as part of the Russian Empire in the context of intercultural communications (1783-1853)]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*, 2021, vol. 12, no. 7 (105). Available from: <https://history.jes.su/s207987840015401-0-1> (accessed 03 March 2022).
9. Kry`mskij mif v russkoj kul`ture pervoj poloviny` XIX v. *Svod maloizvestny`x svidetel`stv sovremennikov* The Crimean myth in Russian culture of the first half of the XIX century. A set of little-known testimonies of contemporaries]. Ed. by: K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet; scientific. ed. by V. A. Koshelev. Veliky Novgorod. Simferopol, Rastr Publ., 2017. 768 p.
10. Levinas E. *Vremya i drugoj. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and another. The humanism of another person]. St. Petersburg, Bukinistika Publ., 1998. 265 p.
11. Levinas E. *Put` k Drugomu* [The Path to the Other]. St. Petersburg, SpbGU Publ., 2006. 240 p.
12. Lysenko V. G. *Poznanie chuzhogo kak sposob samopoznaniya (popy`tki ksenologii)* [Cognition of the alien as a way of self-knowledge (an attempt at xenology)] *Rossiya v dialoge kul`tur*. Ed. by A. A. Huseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 90–102.
13. Neumann I. *Ispol`zovanie «Drugogo»: (Obrazy` Vostoka v formirovanii evropejskix identichnostej* [The use of the "Other": (Images of the East in formation of European identities)]. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2004. 335 p.
14. Orekhov V. V. *Predy`storiya otechestvennoj imagologii: tradiciya kak celeukazanie* [Prehistory of Russian imagology: tradition as target designation]. *Imagologiya i komparativistika*. Tomsk: TGU Publ., 2020, no. 14, pp. 143–167.
15. Orekhov V. V. *Russkaya literatura i nacional`ny`j imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge)* [Russian literature and the national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue)]. Simferopol, AntikvA Publ., 2006. 608 p.
16. Orekhov V. V. *Severo-vostok: Rossiya na «imagologicheskoi karte» francuzskoj literatury`* [North-East: Russia on the "imagological map" of French literature]. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. Simferopol, 2020, vol. 6 (72), no. 4, pp. 45–69.
17. Orekhova L. A. *«Baxchisarajskij fontan» A. S. Pushkina v literature puteshestvij po Kry`mu: problemy` interpretacii* ["Bakhchisarai fountain" by A. S. Pushkin in the literature of travel in the Crimea: problems of interpretation]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vy`pusk I Seriya «Social`no-gumanitarny`e nauki»*. Pskov: Pskovskij gosudarstvenny`j universitet Publ., 2015, pp. 258–265.
18. Orekhova L. A. *Obraz avtora i poe`tika zhanra: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The image of the author and the poetics of the genre. Abstract of thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
19. Repina L. P. *«Nacional`ny`j xarakter» i «obraz drugogo»* ["National character" and "the image of another"]. *Dialog so vremenem*. 2012, no. 39, pp. 9–19.
20. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Kry`mu i Bessarabii v 1799 godu* [Travel around the Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol, Biznes-informv Publ., 2012. 208 p.
21. Khrapunov N. I. *Alushta kak «kry`mskij raj» v opisaniyax inostranny`x puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.* [Alushta as a "Crimean paradise" in the descriptions of foreign travelers

- of the late XVIII – early XIX centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 3, pp. 58–68.
22. Khrapunov N. I. «*Vostok v Evrope*»: Kry'm posle prisoedineniya k Rossijskoj imperii glazami inostrancev ["The East in Europe": Crimea after joining the Russian Empire through the eyes of foreigners]. *Novoe proshloe*, 2018, no. 1, pp. 63–78.
23. Shaposhnikov B. M. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ, 2010, vol. 4. 576 p.
24. *Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. One's own is someone else's in language and speech.]. Ed. by I. P. Kulmoy. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta Publ., 2016. 356 p.
25. Pageaux D.-H. *L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle. Synthesis*. Bucarest, 1983, pp. 79–88.

**«ONE'S OWN» AND «UNFAMILIAR»
IN THE DESCRIPTION OF TAVRIDA BY P. I. SUMAROKOV**

Galushko A. D.

The topic of the article is dictated by the need to understanding the mechanisms of regulation of public relations taking into account the accumulated philological and philosophical experience. The correlation of the conceptual opposition of "one's own" and "unfamiliar" occurs in connection with the facts of the philological history of the early – mid XIX century, in particular, with the problem of perception of "unfamiliar" actualized by P. I. Sumarokov through the prism of "one's own" life experience, worldview and taking into account the accumulated knowledge about the upcoming journey. "The journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov was a literary example of "interaction" with a new cultural and natural reality. The reader had the opportunity to go through the path of development of the unique peninsula together with the author and get the knowledge about the Crimea that made the Crimea "his or her own" not only formally and politically, but also mentally and spiritually.

Keywords: P. I. Sumarokov, one's own, unfamiliar, Crimea, B. Waldenfels, V. G. Lysenko, D.-A. Pageau.

УДК 81'367: 821.11 – 1.653

СТИЛЬ АНГЛИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ТЕКСТА ЭПОХИ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ» ГОТИКИ В РЕАЛЬНОМ И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вышенская Ю. П.

*ФГОУ «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: clemence_isaure@rambler.ru*

Исследование обращено к вопросам изучения порождения стиля художественного произведения в условиях перехода средневековой европейской культуры к Возрождению, что хронологически совпадает с эпохой доминирования «интернациональной» готики («мягкого» стиля). Эстетическая основа новой стилиевой доминанты формируется во взаимодействии с готикой классического периода, чем обусловлен условный характер «мягкого» стиля, а также намеренное использование разработанных в готике выразительных средств. Стиль интерпретируется как некая художественная манера, типичная для искусства того или иного временного отрезка, и выступает маркером стилистической близости созданных в эти хронологические рамки произведений. Трактовка произведения в данном случае охватывает как произведения словесно-художественного творчества, так и других сфер средневекового искусства. Материалом для анализа служат английские театральные тексты рассматриваемого временного периода, представленные в жанровых модификациях фарс и моралите, возникающих во взаимодополняющих друг друга куртуазной и городской культурах. Процессы порождения стиля художественного текста рассматриваются как протекающие в универсальном культурном континууме Европы, переживающей период преемственности, регулируемые общими для различных типов искусств (пластических, изобразительных, вербальных, танцевальных) эстетическими законами.

Ключевые слова: драматический текст, «интернациональная» готика, (нео-)риторика, стиль, театрализация культуры.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях интеграции наук, характерной для современного этапа развития, открываются новые перспективы исследования лингвистических феноменов, обусловленных привлечением методов и достижений иных отраслей гуманитарного знания. Актуальность предпринимаемого исследования определяет изучение категории стиля художественного произведения как маркера близости с прочими произведениями искусства, созданными в период перехода европейского искусства и культуры от средневековья к Возрождению. Новизну подобного рода анализа составляет обращение к материалу драматического текста в английской модификации, стройной законченной теории которого на настоящее время не существует.

Целью исследования является сопоставить процессы генерации стиля в английском художественном театральном тексте как части глобального культурного европейского континуума означенной эпохи и выявить их характерные черты, обретаемые художественным языком вследствие действия универсальных эстетических законов.

Текстовый материал драматургических произведений являет собой благодатную почву для изучения взаимосвязи стилистических феноменов и культурно-

исторического контекста их существования. Стил, «общность образной системы и формального языка», неразрывно связан со своей исторической основой, поскольку в нём обретают выражение глубинные и культурные тенденции эпохи [10, с. 159]. Формирование собственно театральной модификации художественного текста происходит в XIV–XV-м веках, что хронологически совпадает с воцарением в искусстве того времени «интернациональной» готики – одного из стилистических направлений конца XIV-го – начала XV-го веков, включающего довольно широкий спектр разнообразных произведений, объединяемых характерным художественным мышлением [13, с. 242].

«Интернациональная готика» зарождается, предположительно, на Юге Франции, в Провансе, откуда начинается её триумфальное шествие по континентальной Европе, завершающееся в Англии. Эстетический фундамент нового направления закладывается на взаимодействии с классической готикой, что находит проявление в соблюдении «условности художественного языка готического искусства» и сознательном обращении к средствам его выразительности [13, с. 248].

Таким образом, трактовка категории «стил» сужается до «обусловленной временем определённой художественной манеры», распространённой в искусстве рассматриваемого периода» [13, с. 251], превращаясь в признак стилистической близости «множества произведений» этой эпохи. Произведение в данном случае трактуется в самом широком смысле и включает не только произведения словесно-художественного творчества, но и других сфер средневекового искусства.

Подобное понимание стилия согласуется с трактовкой стилия А. Ф. Лосевым, в рамках которой феномен предстаёт как материализованное эстетическое переживание, заключённое в произведении искусства, представленного, в частности, произведением словесно-художественного творчества, воспринимаемого в период интернациональной готики как источник эстетического наслаждения [11, с. 15].

Специфическая особенность интернациональной готики заключается во взаимодействии словесных, пластических, визуальных искусств и искусств словесно-музыкальных [14, с. 9]. Взаимодействие «живописи, зрительных и зрелищных искусств, отличных по своей природе», как указывает В. Н. Гращенков, относится к типу «взаимодополнения ... на основе использования одних и те же тем, и даже текста» [4, с. 263]. Сюжетно-тематическая близость является очевидным, но не единственным примером взаимодействия различных видов искусств, наблюдаемого, в частности, в театральном тексте.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стилистические приметы «интернациональной» готики в разных сферах искусства средневековой эпохи

Перечень характерных для «интернациональной» готики черт открывает принцип аллегории, унаследованной от классической готики [9, с. 129]. Собственно «интернациональноготическим» признаком является интерес к окружающей действительности, что, в частности, проявляется в конкретизации обстановки, акценте на жанровые трактовки сюжетов, внеисторизме (смещении античности и современности, мифологии и средневековой схоластики, светской и религиозной

литературы) [7, с. 97]. Конкретизация обстановки тесным образом связана с «культурой линии и цвета, веками вырабатываемой в искусстве готики», унаследованной от периода классической готики, чертой, присущей искусству иллюминации [8, с. 41]. Список общих черт продолжает simultaneity изображения, являющего собой традиционный средневековый принцип, что в жанре мистерии, например, представлено одновременным разыгрыванием нескольких действий.

Опыт изучения процесса взаимного обогащения разных сфер искусства предлагается в неориторике, направлении, образуемом на пересечении лингвистики текста и его поэтики [12, с. 243]. В рамках этого направления рассматриваются соответствия стилистики театра и живописи, для чего вводится понятие семиотического моделирования культуры. В процессе семиотического моделирования культуры в реальной действительности выделяется некий пласт культурно-релевантного явления, иными словами, жизненная ситуация и живые люди отождествляются с ситуациями мифологическими и персонажами мифа или ритуала [12, с. 245], который, как известно, служит основой средневекового театра.

Театр, жизненная ситуация в данной системе культуры и изобразительное искусство образуют единое целое, пространство обмена символикой и средствами выражения. В силу автономности процесса обмена и связи выделенного культурно-релевантного явления со своим историческим контекстом риторика рассматривается как перенесение в одну сферу структурных принципов других, возможно, и на стыке искусств [12, с. 250], что находит отражение в их стилистике.

Текст являет собой ключевое понятие неориторки, в рамках которой он предстаёт в виде риторического по природе высказывания, со структурой, образуемой множеством слоёв, получающих по мере развёртывания текста двойное прочтение (бытовое и символическое) [12, с. 243]. Подобное понимание применимо также и к театральному тексту эпохи своего формирования, то есть периода смены средневековья Возрождением.

Интерпретация текста в неориторике прослеживается в понимании текста как историко-художественного целого, принятом в исследовательских изысканиях текстов, значительно удалённых от современности. Особенность историко-художественного текста заключается в сознательном использовании автором произведения или документа «сугубо художественных средств и приёмов ... в стремлении отобразить современную ему действительность или события прошлого» [16, с. 5]. Художественность текста, таким образом, отождествляется с его стилистическим конструированием, природа выразительных и стилистических средств определяется эстетическим заданием, на которое, в свою очередь, влияет жанровая принадлежность художественного произведения.

Разрозненные гипотезы об эволюции театрального текста в течение долгого времени не складываются в стройную теорию, в силу отсутствия самих текстовых образцов на раннем этапе. Низкие темпы преобразования поэтической природы текстов анализируемого периода (XIV–XV вв.) в собственно драматургическую немногим больше способствуют обретению теорией законченности. Дополнительным тормозящим фактором становится общая театральная

направленность средневековой культуры, со свойственной ей распространённой традицией исполнять произведения профессиональными актёрами (гистрионами), что превращает поэтический текст в театральное действо, но не собственно текст.

Примеры проявления средневековой театральности достаточно репрезентативно представлены в поэтических текстах анализируемого периода. Так, первая часть “*La Divina Commedia*” Данте изобилует многочисленными формами имитации средневекового театра, в частности, играми, богатыми фарсовыми элементами: *laude drammatiche* (картины) и *sacre rappresentazioni* (священные представления) как светской, так и религиозной направленности [18, с. 41].

Факультативность слова в ритуальных и карнавальных формах, сосуществующих в рамках средневековой театральной действительности, определяет присущую поэтическому тексту, исполняемому гистрионом, переакцентуацию со словесного момента на игровой. Превалирование зрелищности – результат генетической связи средневекового театра с сельскими обрядами, посвященными празднованию конца зимы, прихода весны, сбора урожая [3, с. 83]. Появление ремесла гистрионов тесным образом связано с процессом переселения сельских артистов в города, что стимулируется процессом урбанизации. Общая театральность средневекового искусства находит проявление в синкретизме искусства гистрионов на начальной стадии развития: пение, танец, сказывание сказок, аккомпанирование на музыкальном инструменте. Театральный характер средневековой культуры как разновидность синкретизма указывает на верное направление к реконструкции отсутствующего театрального текста, а зависимость форм и содержания драматического искусства от аудитории позволяет установить закономерности его стилистического генезиса [21, с. 5].

Стилистическая релевантность поэтической формы или размера зависит от либо соотносённости с другими жанрами, либо оппозиции с ними, в частности, куртуазным. Эволюция театрального диалога являет собой управляемый процесс, что доказывается предпочтением тех или иных лексических средств в уже рассматриваемый период времени, когда диалог вступает лишь в начальную стадию независимого существования в качестве автономной формы [5, с. 23. Ср.: 18, с. 211].

Диалог как объединяющее начало театрального текста и театрального действия ложится в основу трактовки театрального текста П. Пависа [15].

Понятие «сценический диалог» неоднозначно и часто используется для обозначения как драматического действия, так и драматического текста. Особенность его предполагает существование текста одновременно в вербальном и визуальном измерениях, иными словами, сценическое использование языка (словесное измерение) комбинируется с невербальным (визуальное измерение): жесты, мимика, движение, декорации [15, с. 110].

В двумерности театрального текста находит отражение общая театральная направленность средневекового текста, присущий театральной средневековой культуре синкретизм. При анализе вербального измерения театрального текста важно принимать во внимание происходящие в континентальной и островной Европе процессы формирования наций и связанный с этим процесс языкового брожения,

который завершается вытеснением латыни из привычных сфер бытования национальными языками.

Взаимоотношения стилистики текста и театрального пространства. Особенности стилистики жанра моралите.

Подмеченное характерное для интернациональной готики внимание, обращенное к деталям, быту, находит своё проявление также и в драматических текстах XIV–XV веков, которые отличает «соединение в пьесах мистериальных циклов патетики, лиризма и бытового комизма» [1, с. 331]. Процессы в области порождения стиля драматического текста, как и развития жанровой системы, во многом взаимосвязаны с отмеченным выше процессом европейской урбанизации, сопряжённым, в свою очередь, с процессами расширения театрального пространства.

Под «театральным пространством (*luogo teatrale*)» понимается изначально не предназначенное для театральных спектаклей место, которое с течением времени начинает использоваться для зрелищ, приуроченных к разного рода датам. В пределе своём площадь театрального пространства расширяется до площади всего города, а масштаб зрелища – до масштаба коллективного действа [6, с. 8].

Пространственное (количественное) изменение театральной площади способствует качественной замене религиозной природы театральной жанровой системы зрелищной, театрализованной, светской [7, с. 19], сопровождаемой появлением жанра мистерий. Мистерии в средневековой Европе имеют общее происхождение как в романском, так и германском ареале. Истоки жанра мистерий следует искать в церковных представлениях, устраиваемых в период религиозных праздников в сочетании с народными гуляньями, празднествами. В XV-м веке уровень развития средств организации театрального пространства оказывает глубокое влияние на процесс эволюции мистериального жанра, который в каждой отдельно взятой стране имеет свои национальные особенности. Так, в Англии и Франции с утратой оригинальной религиозной идеи этот жанр трансформируется в площадное зрелище. Расцвет мистериального театра (XV–XVI-й века), «выражение процветания средневекового города», хронологически совпадает со временем расцвета городов, результата взаимосвязи пространственного фактора и жанрового развития театрального искусства. Центральное место в иерархии жанров занимают «“мимические мистерии” – городские процессии в честь религиозных праздников, торжественных въездов королей» [3, с. 89], что отражается историей стилистики театрального текста.

В анализируемый период времени жанр «мимической мистерии» преобразуется в жанр «площадной мистерии», сочетание раннего опыта средневекового театра с зарождающимся театром эпохи Возрождения как в литературном, так и сценическом плане. Для развития собственно лингвостилистической составляющей светского искусства большое значение имеет возрастающий интерес к процессу создания самих театральных текстов со стороны интеллектуальных деятелей новой эпохи: учёных, богословов, врачей, юристов. Между тем, жанр мистерии причисляют к массовому площадному искусству несмотря на руководство новым видом искусства представителями патрицианских кругов, буржуазии и церкви, вследствие

необычайно мощного вторжения в инсценировки церковных легенд, основы мистериальной драматургии, народного, мирского элемента [3, с. 89].

При анализе образно-сюжетной тематики жанра мистерий явственно ощущается использование принципа аллегии, наблюдаемого также в искусстве иллюминации. Однако по мере развития жанровой системы, внутри которой формируется жанр моралите, проявляется одна из особенностей интернациональной готики, которая заключается во всё более усиливающейся вычурности. Жанр моралите, вдохновлённый христианской религией и имеющий дидактическую направленность и морализаторский характер, – пример театрального жанра эпохи Средневековья, в котором встречаются принципы организации текста, характерные как для риторики, так и для неориторики. Персонажами моралите выступают аллегорические фигуры, воплощающие различные лики Порока и Добродетели. Основным приёмом, способствующим сюжеторазвитию, является аллегория, с помощью которой человеческое существование уподобляется путешествию с неременной борьбой между добром и злом. Сюжеты моралите часто заимствуются из Библии, иногда в них включают фарсовые буффонские элементы, близкие к соти [15, с. 221].

Жанр моралите являет собой средоточие театральности средневекового искусства, в котором объединяются искусства слова, жеста, костюма. При этом жанр моралите являет собой пример риторического текста, поскольку гистриону отводилась роль ритора, поясняющего своё отношение к тому или иному явлению, инсценировкой которого выступают сами спектакли. Сдержанность исполнительской манеры восполнялась повышенным вниманием к поэтической речи жанра моралите [3, с. 95]. Иллюстрацию тому можно встретить в тексте известного английского моралите «A Morality of Wisdom» [17].

В номинации персонажей, в основу которой положен универсальный принцип аллегии, обнаруживается взаимосвязь правил неориторики и риторики. Этимология антропонимов имеет смешанный характер: для именования действующих лиц используются имена как германского (Wisdom, Understanding, Mynde, Wylle), так и латинского происхождения: Anima, Perjury, Malyce, Mayntennance.

Реплики и монологи персонажей предваряются краткими описаниями костюма, в чём усматривается прямое соответствие стиля вербального искусства (?) искусству миниатюры и в целом визуально-пластическому искусству эпохи интернациональной готики. Эти описания, в отличие от собственно реплик, легко узнаваемы по прозаической форме, указания, в которых не предусмотрено использование риторических тропов и фигур, но апелляция к искусству иллюминации требует активности от реципиента в плане идентификации, атрибуции различных по своей природе аллюзий и реминисценций, наблюдаемых, в частности, в приводимой ниже цитате: «Fyrst enteride Wysdome in a Ryche purpull clothe of golde, [with a mantyll of the] same ermynnnyde within, hawyng about hys neke a [ryall hode furred] with Ermyne; wp-on hys hede, a cheweler with browys, a berde of golde [of Sypres] Curlyed, a Ryche Imperyall Crown ther-wp-on, sett with precyus stonys [&per] lys. In hys lefte honed a balle of golde with a cros ther-wpp-on, and in [hys] Ryght honed a Regall scheptur, thus seyenge...» [17, с. 35] <Первой входит Мудрость, облачённая в пурпурное одеяние с

золотой отделкой, мантия того же цвета, подбитая мехом горностая, капюшон плаща также оторочен горностаевым мехом, голову её венчает золотая корона, украшенная драгоценными камнями. В левой руке у неё держава с изображением креста, в правой руке – скипетр> (перевод наш. – Ю. В.).

Цветовая палитра одеяния Wysdom не отличается разнообразием, но в ней представлены основные цвета из хроматического спектра рассматриваемого периода времени: *purpull clothe of Golde, mantelle of the same ermynnyde within*, и расширяется цветовыми пятнами украшений из золота и драгоценных камней: *a berde of golde, a Ryche Imperial Crown, selt with precyus stonys [perlys], a balle of gold*. Цветовой строй в целом идентичен привычной колористической палитре иллюминированных часословов и псалтирей, расшифровать символику которой не составляет большого труда. Так, *purpull* – цвет кардинальской мантии, цвет крови, пролитой ради спасения рода человеческого. Наличие золота и драгоценных камней в описании не случайно и может служить примером двойного прочтения, принятого в неориторике. Бытовое понимание непосредственно связано с тактильным, чувственным наслаждением. Символическое – с присущим средневековому сознанию стремлением искать потаённый смысл в обыденных предметах и явлениях, наделяя их мистическими качествами и свойствами.

Бытовое и символическое прочтения теснейшим образом связаны друг с другом, взаимодополняют друг друга, что порождает дополнительные смысловые нюансы. В качестве примера можно рассматривать используемые в описании лексемы семантического поля “атрибуты королевской власти”: *ermyn* (горностай), из которого сшита мантия, и *schentur* (скипетр). Мех *ermyn* (горностай) избирается для одеяния персонажа не случайно, тем самым подчёркивается его высокий статус. Как известно, в том числе из произведений изобразительного искусства, подбитый мехом горностая плащ является частью парадного костюма венценосных особ. Одновременно *ermyn* может читаться и как метонимия, ибо, согласно средневековому поверью, этому зверьку приписывалась необычайная чистоплотность, что содействовало превращению горностая в символ чистоты также и в нравственном плане. Жемчужины в описании царского венца подхватывают и усиливают это значение. Следует отметить, что в средневековье жемчуг считался камнем скорби, согласно распространённому убеждению – это обратившиеся в камень слёзы сирот. В контексте пьесы жемчуг получает толкование слёз Мудрости, проливаемых о неразумности человека.

Заслуживает внимания и лексема *schentur*, интерпретация которой неоднозначна. С одной стороны, её можно воспринимать как аллюзию на всемогущество *Wisdom*, объединяемую, с другой стороны, с отождествлением пышности одеяния персонажа с эстетическим удовольствием, как следствия именно такого восприятия богатства в описываемый период.

Примеры общности цветовой гаммы можно наблюдать в ремарках ещё одного текста средневекового английского моралите «*The Castell of Perseverance*» («Замок Стойкости»): «*Mercy, Righteousness, Truth, and Peace, - are ... to be clad in mantels: Mercy in white, Righteousness in red, Truth in sad green, and Peace in black*» [20, с. 75] <Милосердие, Справедливость, Истина и Мир облачены в мантии: Милосердие в

белую, Справедливость красную, Истина в зелёную, Мир в чёрную> (перевод наш. – Ю. В.).

Они не столь детализированы, как в пьесе “Wysdom”, в тексте указываются лишь цвета мантий, в которые облачены персонажи, все они включены в средневековый хроматический спектр: белый, красный, зелёный, чёрный, что может быть вызвано влиянием архитектуры и, в свою очередь, способствовать возникновению ассоциаций с витражным окном готического собора. Образ витражного стекла – синекдохическое обозначение готического собора, вершины достижений средневековой архитектуры, которая, как известно, занимает в рассматриваемый период времени доминирующее положение в семействе искусств и определяет направление векторов их стилистического развития. Собору в театральном пространстве исторически отводится место, где прорастают семена самой средневековой драмы, из-за ограды которого, по образному выражению академика М. П. Алексеева, она выходит на городские улицы и площади [1, с. 324].

Таким образом, можно предположить, что выделенные метонимии и метафоры цвета, а также символически заряженные лексические единицы, предлагаемые реципиенту для расшифровки, включённые в описания костюмов персонажей, создают определённую цветовую атмосферу, идентичную царящей в пространстве иллюминаций, что подтверждает универсальность «интернациональной» готики. Параллели наблюдаются не только в колористической палитре, но также и в образной, поскольку цветовая атмосфера тесным образом связана с изображением на витражах сцен из библейских текстов.

Взаимосвязь со зрелищными и зрительными искусствами наблюдается в избирательности используемых грамматических времён, представленных *Past Indefinite* (прошедшее неопределённое), в котором употреблён единственный глагол *entereyde*. Эта грамматическая группа маркирует фиксацию временного потока, застывшего момента времени.

Характерная для визуальных искусств эмоциональность линий передаётся посредством традиционного комплекса фонетических и синтаксических стилистических приёмов. Так, примеры линейных параллелей можно наблюдать в реплике *Anima*: «*Hane amanti et exquisiui; / Fro my yougthe, thys haue I sowte, / To haue to my spowse most specially; / For a louer of yowur scappe am I wrowte. / A-boue all hele & bewty that euer was sowght, / I haue louyde Wysdom, as for my light. / For all goodness with hym ys broughte. / In wisdom I was made all bewty bryghte*» [17, с. 75] <С юных лет ишу я ту, / Которая достойна назваться моей супругой / Ради любви вашей, / и красоты / Я славил Мудрость, свет её, / Светящий мне / Ради добра, которым она обладает> (перевод наш. – Ю. В.).

Процитированный фрагмент примечателен изобилием характерной для рассматриваемого периода приёма аллитерации, сочетаемого с другими стилистическими приёмами, представленными практически всеми известными видами рифм: конечными (*sowte – wrowte*), мужскими (*broughte – bryghte*), женскими (*light – bryghte*), а также внутренними: *I haue louyde Wysdom, as for my light. / For all goodness with hym ys broughte* (выделено мною. – Ю. В.), что придаёт анализируемой цитате целостность и завершённость.

Собственно певучесть линий наблюдается на синтаксическом уровне, будучи представленной анафорическими повторами союза *for* и визуально близкому ему предлога *fro*. Завершающим аккордом является инверсия в последней строчке: «In wisdom I was made all bewty bryghte», дополнительный штрих, который не в последнюю очередь способствует обретению текстом выразительности, но также является стилистической подсказкой, в которой искушённая аудитория усматривает характерный для куртуазного стиля приём.

В одном из самых значительных моралите, «Everyman» или «Somonynge of Everyman» («Всякий человек»), можно наблюдать и другие, родственные театральному тексту, живописи, черты. Пьеса, известная в английской, латинской и голландской редакциях, пользовалась чрезвычайной популярностью в течение первой половины XVI-го столетия, о чём свидетельствует четырёхкратный тираж в Англии (1509–1537). Популярность этого произведения столь высока, что его основная тема становится также темой для одного из рисунков П. Брейгеля. Необычайная популярность, тем не менее, не раскрывает тайны происхождения моралите, варианты которого создаются в XV-м в. в Англии и Нидерландах. По имеющимся данным, наиболее ранним вариантом следует считать голландскую пьесу «Elckerlijck», опубликованную в Нидерландах в 1495 г. П. Дорландусом [1, с. 336–337]. Печатный вариант английской редакции пьесы выходит в свет в 1529 г. [2, с. 53].

Этот текст являет собой яркую иллюстрацию преобразования упоминаемых выше языческих ритуалов очищения, переосмысленных христианской и карнаваловой культурами, единения стилистики танца, живописи и литературы, то есть взаимодействия выделенных Д. Н. Овсянко-Куликовским видов искусств. В целом это моралите можно считать вербальным воплощением известного средневекового сюжета «Пляска Смерти», запечатлённого на бумаге. В пьесе также используется характерный для средневекового искусства принцип аллегории: героями выступают Дружба, Родня, Собственность, Добрый Поступок, Благоразумие, Сила, Красота, Пять Чувств.

Как отмечалось, театральный текст существует одновременно в невербальном и вербальном измерении, тесно друг с другом связанных. Тщательно продуманные, доведённые до совершенства риторические средства – отзвук бытовавшей в среде профессиональных актёров-гистрионов традиции беседовать с аудиторией. Пьеса открывается монологом героя, остающегося безымянным: «Prey you all gyue your audience ... / But the entent of it is more gracious / And swete to bere awaye / The story sayth man in the begynnyng / Loke well and take good heed to the endynge... / Ye thynke synne in the begynnyng full swete / Whiche in the ende causeth the soule to wepe / Whan the body lyeth in claye ... / Bothe strengthe pleasure and beaute / Wyll fade from the as floure in maye» [21] <Молитесь, исполненный веселья народ! / Эта история, в начале которой человек пребывает в веселье, / В конце её мы видим его же, обращающегося в прах. / В начале пьесы грех представляется сладостным, / Однако вид тела, упокоившегося в могиле, / Вызывает у души рыдания. / Всё брэнно, и удовольствия, и красота тленны, / Подобно увяданию цветку в мае> (перевод наш. – Ю. В.).

Непосредственным указателем на средневековые театральные представления можно считать наличие личного местоимения второго лица *you*, что создаёт иллюзию вовлечённости реципиента в действие, эффекта присутствия зрителя или читателя. В этой же строчке используется стилистический приём из другого, синтаксического, яруса, посредством которого отмеченный эффект усиливается: «*Prey you all gyue your audience*».

Вербальное измерение театрального текста строится на основе обработанного языкового материала, отшлифованного сообразно существующим в определённый период времени риторическим законам. Иллюзия живой разговорной речи возникает благодаря использованию неотшлифованного языкового материала, пример которого представляет приводимый выше риторический элемент. Данное выражение можно рассматривать и как пример «площадного элемента» (термин М. М. Бахтина). Изначально они представлены в соответствующих жанрах, возникающих в среде площади большого города, однако впоследствии элементы этого типа преодолевают жанровые границы, что подтверждает текстовый материал сохранившихся до настоящего времени пьес.

Этот принцип построения позже заимствуется для композиционной основы хиазма, который наследует разговорной речи. Анализ текстов более древнего периода показывает, что этот приём используется также для создания больших эпических полотен и генетически связан с фольклорной традицией. В анализируемом монологе на материале лексических стилистических приёмов проявляется действие принципа колеса, наблюдаемого в переосмыслении традиционного эпитета *swete*: «*Ye thynke synne in the begynnynge full swete*». Данный образ можно истолковывать как иллюстрацию использования оксиморона, что повышает эмоциональность атмосферы, усиливает мысль о конечности человеческого жизненного пути, открытости человека греху, который может принимать вид соблазнительной фата-морганы, ведущей человека к гибели, духовному тлению.

Идея бренности бытия получает неоднократную акцентуацию в разных точках цитаты использованием лингвистической метафоры *the body lyeth in claye* и сравнением *Wyll fade from the as floure in maye*, в основу которого положен преходящий характер мнимых сиюминутных удовольствий. Та же идея вновь возникает в метафоре *pylgrymage* в разговоре Творца и Смерти, которая, следуя сюжету пьесы, трактуется как приближение человека к разверстой могиле. Принимая во внимание особенности средневекового мирознания, это одновременно и метафора, обозначающая жизненный путь человека, ведущая в страну либо вечного блаженства, либо вечных мук. Паломничество – характерное для средневекового социума явление, предпринимаемое с целью избавления от греха, выполнении епитимьи, что связано с уже упоминавшимися языческими ритуалами очищения. В целом сам текст моралите можно интерпретировать как развёрнутую метафору, в основу которой положено представление о смысле пребывания человека на земле.

Представляет интерес завершающий моралите монолог не участвующего в пьесе персонажа по имени *Dostog* – очередное имя, образованное по принципу проприации. Самый монолог можно интерпретировать как переосмысление текста проповеди, косвенным намёком тому являются заимствование строки на латыни, закрытие

монолог прощальным приветствием Amen. Возможна и иная трактовка этого фрагмента: как варианта обращения гистриона к аудитории, свидетельство взаимосвязи с театром. Эффект присутствия в этом случае также создаётся посредством привлечения раскрытия стилистического потенциала личного местоимения, но первого лица, we, что объединяет персонажа со зрителем в единое целое, коллектив, исповедующий высокие нравственно-духовные ценности: «Vnto whiche place god brynge vs all thyder / That we may lyue body and soule togyder / Therto helpe the trynnye / Amen ye for saynt charyte» [21] <Запомните, что Красота и Сила, – / Все вещи человека предадут, / Но Добрые дела его спасут> [2, с. 53].

Следует также обратить внимание на особенность сюжетодвижения моралите, каждый новый виток раскручивания сюжетной спирали которого представлен обменом репликами главного персонажа с одним из действующих лиц, появляющихся на его пути. Каждый этап пути, приближающий человека к могиле, – диалог с аллегорическим образом. В этом усматривается свидетельство характерной для средневекового театра манеры исполнения, единения вербального и невербального, что также получает отклик в иллюминации, поддерживаемое на морфологическом уровне простыми временами, фиксирующими действие на оси времени.

ВЫВОДЫ

Стиль театрального текста эпохи перехода от средневековья к Возрождению (XIV–XV века) являет собой сложный феномен, процесс порождения которого управляется и регулируется рядом факторов лингвистической и нелингвистической природы. Для понимания принципа работы механизмов, запускающих и поддерживающих художественную стилегенерацию, необходим особый подход, в рамках которого находят отражение особенности мировидения эпохи. Художественный стиль эпохи «интернациональной» готики рождается в условиях универсального художественного пространства, образуемого различными видами искусств, взаимодополняющих друг друга. Такой тип взаимодействия позволяет изучать стиль театрального текста эпохи преобразования поэтической природы в собственно театральную с позиций неориторки, разработанной в творческом наследии академика Ю. М. Лотмана, согласно которой структурные принципы одного вида искусств заимствуются другой. Общая театральная направленность средневековой культуры выступает объединяющим началом стилистики театра, живописи и литературы, что находит отражение в сюжетно-тематическом родстве, а также прочих стилистических параметрах, реализуемых в каждой области искусства посредством характера и специфики присущего им материала. Примерами можно считать цветовой строй, принцип аллегии, симультанность действия.

Список литературы

1. *Алексеев, М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии / [Текст] / М. П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1984. – 351 с.
2. *Аникст, А. А.* История английской литературы [Текст] / А. А. Аникст. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 473 с.

3. Бояджиев, Г. Н. История зарубежного театра. Театр Западной Европы. Ч. I [Текст] / Г. Н. Бояджиев. – М.: Просвещение, 1971. – 360 с.
4. Гращенков, В. Н. История и историки искусства: Статьи разных лет [Текст] / В. Н. Гращенков. – М.: КДУ, 2005. – 656 с.
5. Григорьев, В. П. Становление языка испанской национальной литературы [Текст] / В. П. Григорьев – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975. – 87 с.
6. Дзордзи, Э. Театральное пространство во Флоренции XV – XVII веков. Зрелища и музыка во Флоренции эпохи Медичи. Документы и реконструкции [Текст] / Э. Дзордзи. – М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1978. – 18 с.
7. Золотова, Е. П. Фуке и французский театр [Текст] / Е. П. Золотова // Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). – М.: Советский художник, 1979. – С. 94–97.
8. Золотова, Е. П. Жан Фуке / Е. П. Золотова. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – 158 с.
9. Котомина, А. Светский читатель XV века осваивает пространство книги [Текст] / А. Котомина // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 105–129.
10. Либман, М. Я. Проблемы стиля в изобразительном искусстве Возрождения [Текст] / М. Я. Либман // Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV – XVIII веков. Ренессанс. Барокко. Классицизм. – М.: Наука, 1966. – С. 12–47.
11. Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, М. А. Эстетика природы: природа и её стилевые функции у Ромена Роллана [Текст] / А. Ф. Лосев, М. А. Тахо-Годи. – М.: Наука, 2006. – 419 с.
12. Лотман, Ю. М. Театральный язык и живопись (К проблеме иконического Ренессанса) [Текст] / Ю. М. Лотман // Театральное пространство: материалы научной конференции (1978). – М.: Советский художник, 1979. – С. 238–252.
13. Никогосян, М. Н. О художественном идеале интернациональной готики [Текст] / М. Н. Никогосян // Культура и искусство западноевропейского средневековья. – М.: Советский художник, 1981. – С. 241–253.
14. Овсянко-Куликовский, Д. Н. Теория поэзии и прозы (типы словесности). [Текст] / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – 4-е изд., исправлен. и доп. – Петроград, 1917. – 153 с.
15. Павис, П. Словарь театра [Текст] / П. Павис. – М.: Изд-во ГИТИС, 2003. – 516 с.
16. Тогоева, И., Данилевский, И. От редакции [Текст] / И. Тогоева, И. Данилевский // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 5–10.
17. A Morality of Wisdom // The Macro Plays. London: Oxford University Press, 1924. P. 35–74.
18. Maślanska-Soro M. De Spectacle de la faute dans la dixième bolge de l'Enfer de Dante: le cas de Maître Adam et de Sinon // Studia Litteraria Universitatis Jagellonicae Cracoviensis, 2017. № 12. Pp. 209–223.
19. Nicoll A. A. A History of English Drama (1660–1900). Vol. I. Ldn. – NY. – Melbourne: Cambridge University Press, 2009. 462 p.
20. The Castell of Perseverance Wysdome // The Macro Plays. London: Oxford University Press, 1924. Pp. 75–187.
21. Everyman. Available at: <https://www.luminarium.org/renascence-editions/everyman.html>. (Accessed 25 July 2019).

References

1. Alekseev M. P. *Literatura srednevekovoj Anglii i Shotlandii* [Literature of Medieval England and Scotland]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984. 351 p.

2. Anikst A. A. *Istoriya anglijskoj literatury* [History of English Literature]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ., 1956. 473 p.
3. Boyadzhiev G. N. *Istoriya zarubezhnogo teatra. Teatr Zapadnoj Evropy* [History of Foreign Theatre. Theatre of Western Europe]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 360 p.
4. Grashchenkov V. N. *Istoriya i istoriki iskusstva* [History and Historians of Art]. Moscow: KDU Publ., 2005. 656 p.
5. Grigor'ev V. P. *Stanovlenie yazyka ispanskoj nacional'noj literatury* [The Process of Spanish National Literature Language Formation]. Leningrad: LGPI im. A.I. Gercena Publ., 1975. 87 p.
6. Dzordzi E. *Teatral'noe prostranstvo vo Florencii XV – XVII vekov. Zrelishcha i muzyka vo Florencii epohi Medichi. Dokumenty i rekonstrukcii* [Theatrical Space in Florence in XV – XVII centuries]. Moscow: GMII im. A. S. Pushkina Publ., 1978. 18 p.
7. Zolotova E. P. *Fuke i francuzskij teatr* [Fouquet and French Theatre] // *Teatral'noe prostranstvo* [Theatrical Space]. Moscow: Sovetskij hudozhnik Publ., 1979, pp. 94–97.
8. Zolotova E. P. *Zhan Fuke* [Jean Fouquet]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984. 158 p.
9. Kotomina A. *Svetskij chitatel' XV veka osvivaet prostranstvo knigi* [The XVth century Secular Reader Masters the Book Space] // *Prostranstvo rukopisi. Ot formy vneshnej k forme vnutrennej* [The Manuscript Space. From the Inner Form to the Outer One]. Moscow: IVI RAN Publ., 2010. pp. 105–129.
10. Libman M. Ya. *Ocherki nemeckogo iskusstva pozdnego Srednevekov'ya i epohi Vozrozhdeniya* [Glimpses of German Art of the Late Medieval and Renaissance Period]. Moscow: Sovetskij hudozhnik Publ., 1991. 208 p.
11. Losev A. F., Taho-Godi M. A. *Estetika prirody: priroda i eyo stilevye funkcii u Romena Rollana* [The Nature Esthetics: Nature and Its Style Functions in R. Rolland's Works of Literature]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 419 p.
12. Lotman Yu. M. *Teatral'nyj yazyk i zhivopis'* [Theatrical Language and Painting] // *Teatral'noe prostranstvo* [Theatrical Space]. Moscow: Sovetskij hudozhnik Publ., 1979. pp. 238 – 252.
13. Nikogosyan M. N. *O hudozhestvennom ideale internacional'noj gotiki* [The Artistic Ideal of the “Intenational” Gothic] // *Kul'tura i iskusstvo zapadnoevropejskogo srednevekov'ya* [Culture and Art of the West-European Middle Ages]. Moscow: Sovetskij hudozhnik Publ., 1981, pp. 241–253.
14. Ovsyaniko-Kulikovskij D. N. *Teoriya poezii i prozy (tipy slovesnosti)* [Poetry and Prose Theory]. Petrograd Publ., 1917. 153 p.
15. Pavis P. *Slovar' teatra* [Dictionary of the Theatre]. Moscow: GITIS Publ., 2003. 516 p.
16. Togoeva I., Danilevskij I. *Ot redakcii* [Introduction] // *Prostranstvo rukopisi. Ot formy vneshnej k forme vnutrennej* [The Manuscript Space. From the Inner Form to the Outer One]. Moscow: IVI RAN Publ., 2010. pp. 5–10.
17. *A Morality of Wisdom* // *The Macro Plays*. London: Oxford University Press, 1924, pp. 35–74.
18. Maślanska-Soro M. *De Spectacle de la faute dans la dixième bolge de l'Enfer de Dante: le cas de Maître Adam et de Sinon* // *Studia Litteraria Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 2017. № 12, pp. 209–223.
19. Nicoll A. A. *A History of English Drama (1660 – 1900)*. Vol. I. Ldn. – NY. – Melbourne: Cambridge University Press, 2009. 462 p.
20. *The Castell of Perseverance Wysdome* // *The Macro Plays*. London: Oxford University Press, 1924, pp. 75–187.
21. *Everyman*. Available at: <https://www.luminarium.org/renascence-editions/everyman.html>. (Accessed 25 July 2019).

**ENGLISH DRAMA TEXT STYLE OF THE «INTERNATIONAL» GOTHIC
EPOCH IN THE REAL AND TEXTUAL SPACE
OF RUSSIAN WRITERS**

Vyshenskaya Yu. P.

The present article deals with the range of issues concerning the style of a work of art generating under the conditions of the medieval European culture transition to Renaissance which chronologically coincides with the epoch of the «international» Gothic («soft» style) dominating. Aesthetic basis of the new style dominant is formed in the interaction with classical Gothic. The fact causes conventional character of the «soft» style as well as premeditated of expressive means worked out within the scope of the Gothic Art. Style is interpreted as a certain art manner, typical for the art of a definite chronological epoch, and serves as a marker of stylistic connexion of works of art created during the period. The work of art interpretation includes both belles-lettres works and other medieval art spheres. The undertaken analysis is based on the material of English drama texts of the epoch under study presented by the genre modifications of fars and moral plays, which appeared within the limits of courtois and bourgeois cultures that mutually complete each other. The belles-lettres style generating processes are concerned as the ones which take place within the scope of the universal cultural continuum of European transition as regulated by esthetic laws common for different types of art (sculpture, painting, dance, literature) principles.

Keywords: «international» Gothic, (neo-) rhetorics, style, drama text, theatricalisation of culture.

УДК 82-14

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПОЭЗИИ М. Х. МОКАЕВА

Керимова Р. А.

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Российская Федерация
E-mail: K.roza07@mail.ru*

В статье впервые предпринята попытка рассмотрения этико-эстетической системы отражения действительности в художественном мире М. Мокаева. Внимание сфокусировано на основных темах и мотивах его лирики, исследован поэтический почерк, определены художественно-стилевые особенности творчества. В результате – раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания писателя, выявлена самобытность художественно-философской модели мира, определена специфика взаимосвязи преемственности и новаторства в лирике М. Мокаева. Анализ поэтических текстов позволил выявить основополагающие ценностные ориентации и нравственные устремления балкарского художника. Определена основная эстетическая категория, формирующая художественную модель мира в произведениях М. Мокаева. Поэт стремился переосмыслить вечные, вневременные проблемы, которые часто переплетены между собой (любовь – родина – природа) и философскими думами о мироздании. Художественная модель мира М. Мокаева рассматривается на трех его уровнях – идейно-образном, структурно-композиционном и художественно-речевом.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература «оттепели», М. Мокаев, поэзия, концепт «любовь», художественный мир, натурфилософская лирика.

ВВЕДЕНИЕ

М. Х. Мокаев – один из ярких и самобытных поэтов-шестидесятников, который внес неоценимый вклад в развитие карачаево-балкарской литературы. Наследие писателя не осталось незамеченным литературоведами и критиками, но отдельных работ, посвященных системному исследованию творчества М. Мокаева, до сих пор нет. Существуют различные издания, в которых, ученые затрагивают и упоминают имя писателя в аспекте общей проблематики (З. Толгуров, А. Урусбиева, Т. Биттирова, Ж. Кулиева, Е. Жабоева, Ф. Узденова и др.). В связи с этим, данное исследование дает возможность полноценного включения наследия М. Мокаева в научный оборот. В научной концепции исследования мы опирались на труды Ю. Лотмана, Т. Топорова, М. Хайдеггера, А. Лосева, М. Эпштейна, Б. Эхенбаума, а также на работы северокавказских ученых – З. Толгурова, Ф. Урусбиевой, З. Кучуковой, А. Казиевой и др. Цель статьи – проанализировать самобытную художественную модель мира в поэзии М. Мокаева, раскрыть его представления о космогонических, религиозных, этнических и других понятиях о внешнем мире.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Мокаев – поэт-шестидесятник.

М. Мокаев пришел в карачаево-балкарскую словесность в начале 60-х годов XX в., в период трансформаций во времени и внутри литературного процесса страны. Стоит отметить, что, несмотря на определенные негативные события в жизни карачаево-балкарского народа (депортация 1943–1957), эпоха хрущевской

«оттепели» оказала благотворное влияние на его культуру. М. Мокаев представлял поколение творцов новой формации, которые стремились преодолеть основополагающие черты «классового» искусства советской поэтической школы. Поэт создал несколько произведений на политические запросы дня («Песня джигитов», «Летняя поэма»), но при этом его творчество демонстрировало новое осмысление социально-общественных идей, а усиление национальной специфики в тексте свидетельствовало о преодолении этапа ангажированности.

Литература эпохи «оттепели» озаменована появлением многих имен, новых направлений и жанров в отечественной культуре. С произведениями публицистической направленности заявили о себе Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава и др. Данное течение продолжало традиции В. Маяковского, в литературе 60-х гг. оно получило название «громкая / эстрадная лирика». Другое направление – «тихая лирика», впервые обозначенная в работе В. Кожина, «представляло собой сдержанное натурфилософское течение, для которого характерно внимание к онтологическим проблемам существования человека, отдаление от идеологии "соцреализма"» [12, с. 296]. Представители этого поэтического направления – Н. Рубцов, В. Соколов, А. Жигулин, А. Прасолов, Н. Тряпкин, А. Передреев, С. Дрофенко и др. Их произведениям присущи медитативность, элегичность, обращение к фольклору. Особенности, характерные для творчества поэтов «тихой лирики», были близки поэзии М. Мокаева. Уже ранние поэтические опыты демонстрировали тяготение к уникально-личностному осмыслению бытия. Он стремился освоить достижения различных культур, что впоследствии позволило ему новаторски подойти к решению важнейших вопросов в аспекте стихосложения и поэтики.

На формирование индивидуально-авторской художественной модели мира оказали влияние как поэты-классики карачаево-балкарской литературы (К. Мечиев, К. Кулиев, К. Отаров и др.), так и русские и зарубежные писатели (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Рубцов, К. Бальмонт, В. Шекспир, Петрарка и др.). При этом особый интерес представляет тот факт, что, несмотря на характерную для творчества М. Мокаева экстравертность, он являл собой редкий в литературе тип художника, чье образное мышление было типологически идентично фольклорному.

Художественный мир М. Мокаева включает в себе (помимо транснациональных основ и влияния русской классической поэзии XIX века) ядро этнической концептосферы. То есть, создаваемая писателем модель мира – это «модель мира автора, которая выражается через язык пространственных представлений, а художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов» (Ю. Лотман).

Поэтический язык М. Мокаева являет собой яркое воплощение традиционной речевой культуры карачаево-балкарского народа. Язык его произведений усложнен архаизмами, историзмами, обращением к паремическому фонду. Поэтика произведений четко отображает стереотипные представления народа и базовые концепты этнокультуры. Поэзия М. Мокаева ориентируется на национальную классическую традицию: в ней затрагиваются вечные темы, стихи наделяются напевностью, ритмичностью. Рассуждая о структуре напевных стихотворений,

Б. Эйхенбаум особо выделяет интонацию, подчеркивая, что именно она «действует как организующее начало композиции, так что в градации подчинения друг другу различных стилистических и фонетических моментов она занимает верховное место» [13]. Использование данного приема в творчестве М. Мокаева свидетельствует о том, что для поэта были важны песенные традиции карачаево-балкарского народа.

Так, многие стихотворения о родине поэт создает в песенном жанре: «Кел, кел, кел, кел, таулань кёр! Жерими жазы, жайы да – шорха тауушлу. Жолунга тюшер кенг ауанасы тау кьушину» [9, с. 116] (Приходи, приходи, приходи, приходи, увидь горы! И весной, и летом на моей земле – шум/звук водопада. На твою дорогу упадет широкая тень горного орла). (Здесь и далее, где это не оговорено, подстрочные переводы наши. – Р. К.). Долгое время карачаево-балкарская песня трактовалась как полуфольклорная, так как она формировалась под влиянием народного песенного жанра (с хоровым сопровождением эжиу). В эпоху хрущевской «оттепели» данный жанр претерпевает некоторые трансформации в плане интонационного отбора (обновления ритма), вследствие этого песни стали исполнять в новых аранжировках без хорового сопровождения.

Данные тенденции проявились на основе текстов М. Мокаева, ориентированных на песенный жанр («Таулань кёр» («Увидь горы»), «Орайда», «Къызны эки жыры» («Две песни девушки»), «Таулу жолоучуну жыры» («Песня балкарского путника») и др.). Художник создал множество произведений с принципиально новым оформлением в плане образного строя и синтаксиса, но в то же время они не теряли сходства с фольклорными формами. Одно из таких творений автора – «Зову в горы», которое в течение многих лет исполняется карачаево-балкарскими певцами.

Самобытность поэтического стиля М. Мокаева выявляется на уровне традиционных для карачаево-балкарской литературы тем, посвященных малой Родине, родной природе. По мнению Н. А. Красавского, «традиции, обычаи, нравы обуславливают этническую специфику эмоциональных концептов» [3]. Так, концепт выступает в качестве того связующего звена, который формирует в поэтическом языке результаты освоения человеком мира (определенные понятия).

Любовь как эстетическая категория и принцип освоения действительности.

Как было отмечено, творчество М. Мокаева, помимо фольклорных основ, ориентировалось на лучшие образцы мировой литературы, при этом автор сумел создать самобытную художественную модель мира, которая сформировалась посредством субъективной мировоззренческой концепции бытия, опирающейся на его представления о космогонических, религиозных, этнических и других понятиях о мире. В свою очередь, «картина мира, сущностно понятая, означает... не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [13, с. 113]. Заложенные в сознании поэта концептуальные структуры создали в тексте индивидуально-авторское представление о таких культурных концептах, как «природа», «человек», «любовь». По сути, М. Мокаев стремился постичь основы романтизма, усилившегося в литературе «оттепели». Так, в творчестве поэта развиваются характерные для романтизма черты. Это и сюжетно-тематические и

образно-символические признаки данного направления, а также обновление поэтического языка и особая «романтическая философия».

При этом основной эстетической категорией и принципом освоения действительности в художественном мире М. Мокаева выступает любовь. Но важно понимать, что в художественной картине мира М. Мокаева «философия любви» – это не только любовь к женщине, в данном случае это отношение к окружающему миру, так называемая философия «безусловной любви ко всему живому».

Автор вкладывает в данное понятие чувство глубокой преданности малой родине, друзьям, родственникам, любимой женщине, абстрактным понятиям (мечте, надежде). Подобное восприятие в какой-то степени приближено к рассуждениям И. В. Киреевского о религиозно-философской лирике славянофилов, которые, по его мнению, «стремились к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и сосредоточению разума» [2].

Любовь для поэта превыше всего на этой земле, об этом он рассуждает в сборнике «Свет Вселенной» (1976). В одном из стихотворений этой книги под таким же названием «Свет Вселенной», четко улавливаются эмоционально-смысловые грани и индивидуально-авторское восприятие окружающего мира в самобытной художественной картине: *«Сюймеклиги жокъну жарлылыкъ / жаны нурходукга тенг этеди. / Сюймеклик – жюрекле жарыгъы, / бу дуняда андан кюлю неди? / Сюйгенме анамы, атамы, / Кёгюмю чууакъ Кюнюн, Айынча, / ансыз болмайды бир атламым, / ол сюймеклик сыйлыды, алгъынча. / Тенглериме да сюймеклигим / жюрегими тёрюнде юйрейди: / «Къоркъма, къара жел сюргенликге, / хар къайда жол нёгерингме!» – дейди. / Журтума, халкъыма сюймеклик / бек биринчи, бек ахыр жсырымды, / бетиме андан къут себилип, / ата отжагъамча, ол жылыды. / Жерге сюймеклигими элпек / кырдыгы жумушакъды, жангыды. / Кёкге сюймеклигими эртден / жулдузу жылтырайды-жанады. / Таулу къызы да сюйдюм бир бек, / ол сезим ёмюрлюк кёрюнеди: / ол мени ийнакълайды бирде, / бирде уа – сакъ отда кюйдюреди»* [9, с. 8] (Когда нет любви, / нищета сердца уподобляет человека пылинке. / Любовь – освещает сердца, / что может быть в этом мире сильнее ее? / Я любил мать, отца, / Солнце на ясном небе, / Луну, без нее не бывает и шага, / эта любовь все так же ценна, как раньше. / Любовь к друзьям в глубине души растет: «Не бойся несмотря на то, что дуют темные ветра, / всегда дорога моим друзьям!» – оно (сердце) говорит. / Любовь к Родине, народу, / прежде всего, до последнего вдоха буду их воспевать. / Брызги счастья, очаг согревают. / Любовь к земле огромна, как мягкая, свежая трава. / Любовь к небу, как утренняя звезда, она блестит и переливается. / Полюбил балкарку сильно, чувствую, что навеки: / она иногда ласкает меня, / иногда – в огне обжигает).

Любовная лирика М. Мокаева построена на приеме параллелизма и прослеживается неразрывная связь природы и внутреннего мира человека. При этом такие концептуальные понятия, как любовь, человек, природа, переплетены в единое поле, которое развивается под призмой национальной и индивидуально-специфической картины мира.

Пейзажная лирика в творчестве М. Мокаева тесно связана с малой родиной. Это эстетическое любование ее природой, восхищение и неразрывная связь с ней: *«Жылы*

жауунунг бетими жууа-жууа, / уппа этдим къяа ташынгы. / Азат тауларынгда, / жыл сайын жауа-жауа, / къярынг да агъартды башымы. / Азат тауларынгда, жулдузла жана-жана, / сен азмы жырлатдынг жашынгы!» [9, с. 5] (Теплый дождь омывал мое лицо, / когда целовал камень на скале. / От снега, падающего каждый год в вольных горах, / поседели мои волосы. / В вольных горах, звезды горят ярко, / мало ли твой сын воспевал тебя!).

В произведениях, посвященных малой родине, природе, автор (как и в большинстве случаев) использует лексему «любовь». В них окружающий мир воссоздается посредством гармонии звуков. Шум речки/водопада легко улавливается в ритмическом строе стихотворений. Пейзажные зарисовки образуются в лирике М. Мокаева с помощью средств изобразительности, приемов детализации, то есть посредством методов, которые позволяют максимально визуализировать и прочувствовать образы окружающего мира: *«Высок полет орла, – он белизной своею / Идущего в горах приковывает глаз. / Прекрасен ты, и твой нарзан всех вод вкуснее, / О старый Тихтенген¹, воспетый столько раз! / С тех круч, где даже тур скользит, упасть боясь, / Вновь дух мой усладишь, прохладой горной вея, / И вечным зеркалом на солнце пламенея, / Гладь синих ледников зовет, сверкая, нас»* [8, с. 111]. Стоит отметить, что сложно найти в творчестве М. Мокаева стихотворение, в котором нет аналогий, связанных с образом камня, звезды, неба, воды. Данную особенность писатель сохраняет на протяжении всего творческого пути.

Вообще природа родного края в лирике М. Мокаева выступает как основной компонент для философского размышления о бытии. В данном аспекте выявляется четкая ориентация на романтическую поэзию XIX века.

В произведениях М. Мокаева наблюдаются усиление психологизма и актуализация этнокультурного компонента: *«О песни мои, внушенные раздумьями долгими мне, – / Клубящимися, как тучи, и льющимися, как ливень! – / Они, как орлы, что крылья расправили в вышине / Над Шау-Камским ущельем в полете своем горделивом. О песни мои, что, изранены, / прильнули к прохладе волны! – / Они вновь легко и стремительно крутые осияют отроги, / И станут, как туры, взбираться туда, на скалу Гыпайны, / Туда, к синеве ледников. Высоки, высоки их дороги!»* [8, с. 89]. При этом природные аналогии в тексте можно рассматривать как проекции его душевного состояния, также они участвуют при формировании портрета лирического героя. Созданные посредством природы образы отражают особенности национальной концептосферы и индивидуально-авторской картины мира.

Будучи знатоком западной и восточной литератур, М. Мокаев постоянно находился в поисках новых жанровых форм и способов их внедрения в балкарскую стихотворную форму. Внимание поэта привлекла форма сонета. Сохраняя формальные признаки сонета, М. Мокаев стремился органично включить его в парадигму национальной литературы. Следуя традициям мировой литературы, он выбрал именно сонетную форму для признания в любви родному краю. В наследии писателя насчитывается около 100 сонетов о Балкарии, которые подразделены на

¹ Тихтенген – вершина в Чегемском ущелье.

циклы – «Баксанские сонеты», «Чегемские сонеты», «Хуламские сонеты», «Безенгийские сонеты», «Черекские сонеты» («Мост в ущелье», 1985) [8, с. 11].

Однако, как было отмечено, категория «любовь» в поэзии М. Мокаева трактуется множеством значений, отражая понимание этого чувства как формы духовной культуры, включающей в себя разные ее виды. При этом отдельно можно выделить группу, в которой репрезентация чувства любви/привязанности основана на родственных и дружественных отношениях. К ней относятся стихотворения, посвященные матери, отцу, бабушке, друзьям, коллегам. Вместе с тем, особой эмоциональностью выделяются стихотворения о матери («Я матери лишился...», «Не устаю я одному дивиться...» и др.). Поэт рано потерял родителей, поэтому воспоминания о них для него болезненны: *«Анам, не аз жашадынг жер юсюнде! / Ырхы нечик эртде кесди жолунгу! / Сен жарык жырым эдинг. / Жыр юзюлдю. Манга азлык этди кюнню жылыуу»* [7, с. 22] (Мама, как мало ты прожила на этом свете! / Как рано селевой поток перекрыл твою дорогу! / Ты была моей светлой песней. / Песня оборвалась. Мне стало не хватать солнечного света). При этом, как правило, важными составляющими являются «световые/солнечные/небесные» метафоры, которые используются для передачи психологического состояния героя.

Световые метафоры получили широкое применение в лирике М. Мокаева. Они наиболее ярко передают ощущение потери/обретения важных для жизни героя ценностей. В данном случае потеря матери влияет на восприятие окружающего мира. Чувство душевного холода вызывает в теле ощущение нехватки тепла и света, так как потерял основной их источник.

В творчестве М. Мокаева небесные светила выступают в качестве неотъемлемых частей его индивидуальной образной картины мира. Так, в его поэзии формируется «тема звезды», в которой улавливаются черты, характерные для русских поэтов-шестидесятников, в частности Н. Рубцова.

Важность астральных явлений в лирике М. Мокаева обусловлена утверждением идеи о своеобразной связи человеческой души с природой. В произведениях часто встречаются аналогии «человек – звезда»:

*Юч шуёхум бар эди – бийик
Кёгюмю жарытхан юч жулдуз,
Жунчусам – эс, къарыу да берлик,
Мен къалмаз ючюн онгсуз, жолсуз* [6, с. 50].

Три друга были у меня – освещающие
Мое небо три светила (звезды),
В растерянности придающие силу,
Чтоб не остался я беспомощным, не сбился с пути.

В интимной лирике М. Мокаева любовь приобретает особый характер «освещения» подобно «свету любви». Так, в создании образа возлюбленной ключевую позицию занимают световая символика и природные аналогии: *«Сен келесе – Жер жарыйды, / Кёк жарыйды жангыдан; кече чарсы бош жанады, / умут отум жанганда»* [9, с. 68] (Ты приходишь – земля светлеет, / Небо светлеет, / зря

опускается ночной туман, / когда горит костер моей надежды). Стоит отметить, что в произведениях М. Мокаева ярко проявляется актуальная для поэзии шестидесятников тенденция: традиционные в национальной литературе мотивы печали сменяются чувством всепоглощающей, яркой любви. При этом пейзаж одновременно является композиционным элементом в тексте и играет важную роль при раскрытии человеческого характера.

В любовной лирике М. Мокаева женский образ, с одной стороны, включает в себе красоту и гармонию мира, с другой – остается неопределенным, лишенным особой конкретики. Воспевание женской красоты – традиционный мотив для северокавказской поэзии. В творчестве М. Мокаева он реализуется как «элемент божественный и небесный» [11].

В основном для поэта любовь к противоположному полу – светлое чувство, приносящее радость: *«Таш – Жерни, жулдуз – Кёкню сюйдю, / мен да сени сюйдюм кёзбаусуз. / Санга гул жыйдым, сабан сюрдюм, / сугъанакъсыз, къаугъасыз, даусуз. / Биреу айтырыкъ эсе уа дау, / мени санга сюймеклигим – тау, / сыйыннгысыз хазнасы болгъан, / шауданлары зынгырдап баргъан»* [9, с. 50] (Камень – Землю, звезда – Небо полюбило, / я тоже тебя полюбил искренне. / Для тебя собрал цветы, вспахал поле, / Без сор, без претензий. / Если кто-то захочет поспорить, моя любовь к тебе – гора / с бесценными богатствами, / журчащими родниками).

Так, автор создает образ женщины-идеала, с которой стремится воссоединиться его лирический герой. Портрет героини всегда ускользающий, необычный, часто недостижимый. Данные особенности достигаются посредством обращения к астральным метафорам: луне, звездам, а также при помощи природных аналогий – флористических образов, времен года, водных стихий (дождь, водопад, снег, озеро, речка, море и т. д.).

При этом больше внимания уделяется передаче психологического состояния героя, изображению внутреннего мира, чувств, переживаний, вызванных платонической любовью. Тем самым поэт подчеркивает огромную роль женщины в жизни мужчины, влияние которой может быть как положительное, так и негативное: *«Черекни жагъасында сакълайма. / Кеч къалдынг нек? / Бу кече арасында дыгъыл этеди жюрек...» / Сени амалтын а мен не сынамадым артда! / Боранда чыгъыл элден, / жолда жыгъылдым атдан»* [6, с. 75] («Жду тебя на берегу реки. / Почему опоздала? / Этой ночью сжимается сердце...» / Чего я только не пережил из-за тебя! / Вышел из дома во время пурги, / по дороге упал с лошади).

Но в основном категория «любовь» в тексте М. Мокаева имеет положительную семантику, даже в период душевных переживаний, поэт призывает не терять надежду, ведь именно она находится в тесной связи с ценностями веры и любви: *«Умуту жоюлгъан къыйынлы Кюнюн, Айын да этеди тас. / Анычады, тюшюп къаядан, тюпсюз кёлге батып кетген таш. / Умут – жанны жангыз къанаты, / ол сыннгынчы жашайды адам»* [7, с. 10] (Несчастный, утративший надежду, теряет не только свой День, но и Месяц. / Он подобен камню, который, скатившись со скалы, падает в бездонное озеро и тонет в нем. / Надежда – единственное крыло человека, / пока она не сломана, человек живет). Здесь улавливается некая связь с исламской философией, в которой надежда наделяется позитивным характером как в смысле

эмоциональной привлекательности, так и в плане ценностной легитимности. Но судить о религиозности поэтов-шестидесятников сложно, так как в эпоху «оттепели» литература только начинала отдаляться от атеистической идеологии.

Вместе с тем в поэзии шестидесятников начинает появляться конфессиональная лексика, и концепт «Аллах» становится одним из важных макроконцептов в их творчестве. Поэтому в произведениях балкарских поэтов-шестидесятников актуализация «небесно-светильных» ассоциаций связана не только с поиском новых адекватных образно-ассоциативных моделей (и проявлением актуальной для эпохи «оттепели» тенденции), но также с возрождением этнорелигиозного сознания в узком осмыслении данного аспекта. Поэты создают свою индивидуально-авторскую картину мира посредством разнообразных языковых средств, связанных с небесными образами, к примеру, рассвет может употребляться в значениях *надежда, перемены, новый* (день, этап в жизни и т. д.).

Причем в тексте мы наблюдаем сложную, иерархически построенную систему значений, вербализуемых различными категориями, семантически близкими данному концепту (Бог, Господь, Создатель, Творец, Всевышний). Аллах воспринимается писателями как источник жизни и создатель бытия, он Промыслитель мира. В частности, в художественной картине мира М. Мокаева религиозная лексика тоже встречается: *«Эртте биреу жашауну кьаргьагьаны / Айтылады таурухда. Аллах анны / Къара сокъур этип кьойгьанды бирде, / Ол кёралмазча жарыгьын дуняны»* [10, с. 188] (Один в старину проклял жизнь, / Говорится в приданиях. / И Бог его ослепил за это, / Чтобы он перестал видеть свет мироздания).

Приблизительно в конце 1990-х гг., концепт «Аллах» в национальной поэзии представляется значимым макроконцептом, однако в творчестве писателей-шестидесятников (М. Мокаева, А. Созаева, Б. Гуртуева, Т. Зумакуловой, А. Байзулаева, М. Табаксоева и др.) восприятие Бога отличное от мусульманской философии. В таком контексте Бог оказывается максимально приземленным, вписанным в ментальное культурное пространство этноса.

При этом дидактический посыл в произведениях М. Мокаева обращен в большей степени не к исламскому вероучению, а к горскому этикету «Тау адет»:

*Адамла эсегиз, ахиыла, сиз,
Бирлеге игилик этип, артда
Аны дауун айтмагъыз кесигиз,
Намысыгъызны атмагъыз атдан.
Асыл жибекнича,
Чакъган терекнича,
Халаллыкъны кюйдюрмегиз отда* [8, с. 36].

Если вы люди, хорошо, вы,
Сделав добро, потом
Не напоминайте об этом сами,
Честь свою не роняйте с коня.

Как крутую бечевку,
Словно дерево цветущее,
Доброту не сжигайте в огне.

Автор развивает в произведениях устоявшуюся в карачаево-балкарской культуре социально-поведенческую норму. Призывает следовать правилам морали, выработанным в этносе веками.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на примере лирики М. Мокаева мы отмечаем эволюцию художественного сознания в карачаево-балкарской литературе. Усиление субъективно-личностного начал и раскованность поэтической мысли, являются показателями новаторской направленности его произведений.

Художественному миру М. Мокаева присущи такие отличительные черты, как самостоятельность и яркое своеобразие поэтической интонации. В тематическом плане он стремился переосмыслить вечные, вневременные проблемы, которые часто переплетены между собой (любовь – родина – природа, философские думы о мироздании). В основе художественной концепции творчества М. Мокаева лежит категория «любовь», которая философски оформлена в сознании поэта.

Для М. Мокаева характерны романтическая тяга к идеалу красоты, стремление приобщиться к «иному», возвышенному миру. Его любовная лирика самобытна, психологически насыщена, метафорична. В ней отсутствует событийность, но каждое выражение заключается в смысловом композиционном развитии лирической темы, и концепт «любовь» необходимо рассматривать как фрагмент эмоциональной картины мира, который часто взаимодействует с универсальными для мировой литературы категориями и ценностными ориентациями. При этом лирика М. Мокаева не утратила черт национального своеобразия, в ней органично соединяются элементы фольклора и традиции мировой литературы. На наш взгляд, поэзия М. Мокаева демонстрирует не просто использование готовых форм фольклора (образов, сюжетных мотивов, изобразительно-выразительных средств), а обращение писателя к фольклору как к мировоззренческой системе.

Список литературы

1. Керимова, Р. А. Магомет Мокаев. Жизнь и творчество [Текст] / Р. А. Керимова // Известия КБНЦ РАН. 2020. – № 1 (93). – С. 63–67.
2. Киреевский, И. В. Критика и эстетика [Текст] / И. В. Киреевский. – М.: Искусство, 1979.
3. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
4. Кучукова, З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии) [Текст] / З. А. Кучукова. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

6. Мокаев, М. Х. Песни белых вершин: стихи и поэма (на балк. яз) [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 119 с.
7. Мокаев, М. Х. Турий рог [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 138 с.
8. Мокаев, М. Х. Мост в ущелье [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 232 с.
9. Мокаев, М. Х. Свет Вселенной [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 176 с.
10. Мокаев, М. Х. Песни белых вершин [Текст] / М. Х. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 119 с.
11. Толгуров, З. Х. Формирование социалистического реализма [Текст] / З. Х. Толгуров. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 237 с.
12. Третьяченко, А. В., Якимович, Е. Л. Художественный мир поэзии «Тихих лириков» украинского шестидесятилетия [Текст] / А. В. Третьяченко, Е. Л. Якимович // Новый филологический вестник, 2019. – № 1 (48). – С. 296–303.
13. Эйхенбаум, Б. М. О Поэзии [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – СПб.: Пальмира, 2017. – 511 с.
14. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

References

1. Kerimova R. A. *Magomet Mokayev. Zhizn' i Tvorchestvo* [Magomet Mokaev. Life and Work]. *Izvestiya KBNTS RAN*, 2020, no 1 (93), pp. 63–67.
2. Kireevsky I. V. *Kritika i Jestetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
3. Krasavskiy N. A. *Jemotsional'nyye Kontsepty v Nemetskoj i Russkoj Lingvokul'turakh: Monografiya* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures.]: Monograph. Volgograd: Peremena Publ., 2001. 495 p.
4. Kuchukova Z. A. *Ontologicheskij Metakod kak Yadro Jetnopoetiki: (Karachayevo-Balkarskaya Mental'nost' v Zerkale Poezii)* [Ontological Metacode as the Core of Ethnopoetics: (Karachay-Balkarian Mentality in the Mirror of Poetry)]. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. 312 p.
5. Lotman Yu. M. *Struktura Khudozhestvennogo Teksta* [The Structure of Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
6. Mokaev M. Kh. *Pesni Belykh Vershin: Stikhi i Poema* [Songs of White Peaks: Poems and Poem]. Nalchik: Elbrus Publ., 1979. 119 p.
7. Mokaev M. Kh. *Turiy Rog* [Bull Horn]. Nalchik: Elbrus Publ., 1970. 138 p.
8. Mokaev M. Kh. *Most v Ushchel'ye* [The Bridge in the Gorge]. Nalchik: Elbrus Publ., 1985. 232 p.
9. Mokaev M. Kh. *Svet Vselennoy* [The Light of the Universe]. Nalchik: Elbrus Publ., 1976. 176 p.
10. Mokaev M. Kh. *Pesni Belykh Vershin* [Songs of White Peaks]. Nalchik: Elbrus Publ., 1979. 119 p.
11. Tolgurov Z. Kh. *Formirovaniye Sotsialisticheskogo Realizma* [Formation of Socialist Realism]. Nalchik: Elbrus Publ., 1974. 237 p.
12. Tret'yachenko A. V., Yakimovich Ye. L. *Khudozhestvennyy Mir Poezii «Tikhikh Lirikov» Ukrainского Shestidesyatnichestva* [The Artistic World of Poetry of Quiet Lyricists of the Ukrainian Sixties]. *Novyy Filologicheskij Vestnik*, 2019, no 1 (48), pp. 296–303.
13. Eikhenbaum B. M. *O Poezii* [About Poetry]. St. Petersburg: Palmira Publ., 2017. 511 p.
14. Heidegger M. *Time and Being* [Vremya i Bytiye]. Moscow: Republic Publ., 1993. 447 p.

**THE FICTIONAL MODEL OF THE WORLD
IN THE POETRY OF M. KH. MOKAEV**

Kerimova R. A.

M. Mokaev is one of the most extraordinary and insufficiently studied Karachai-Balkarian poet of the 20th century. In this connection, the article is the first attempt to consider the ethical and aesthetic system of reflection of reality in the literary text of M. Mokaev. The work focuses on the main themes and motives of his lyrics, explores the poetic handwriting, identifies the artistic and stylistic features of creativity. As a result, the most important aspects in the development of the writer's artistic consciousness are revealed, the originality of the artistic and philosophical model of the world is revealed, the specificity of the relationship of continuity and innovation in the lyrics of M. Mokaev is determined. The analysis of poetic texts made it possible to identify the fundamental value orientations and moral aspirations of the Balkar artist. The main aesthetic category that forms the artistic model of the world in the works of M. Mokaev has been determined. On a thematic level, the poet strove to rethink the eternal, timeless problems that are often intertwined (love – homeland – nature, philosophical thoughts about the universe). At the same time, the artistic concept of the world is based on the category of "love", which is philosophically framed in the poet's mind. The artistic model of the world of M. Mokaev is considered at its three levels –ideological-figurative, structural-compositional and artistic-speech. To solve the set tasks, an integrated approach was used in the work, combining elements of comparative-typological, comparative-typological, systemic-holistic and historical-literary analysis.

Keywords: Karachai-Balkarian literature of the thaw, M. Mokaev, poetry, the concept of "love", the artistic world, natural philosophical lyrics.

УДК 82.091

**«РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА».
ЧАСТЬ I: КРЫМ И «ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ»**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Рассматривается один из аспектов бытования европейского мифа о России. Этот миф зачастую совмещал в себе взаимоисключающие мифологемы. Основное внимание сосредоточено на формировании легенды о «потемкинских деревнях», на роли, которую в конце XVIII – XIX вв. играла эта легенда в общих представлениях Запада о России. Отправной точкой для анализа служит сочинение маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», которое, благодаря своей изначальной популярности, может служить одним из наиболее показательных объектов для имагологических наблюдений. В книге Кюстина рельефно проявилась амбивалентность европейского мифа о России: страна одновременно предстает пугающе сильной и фатально слабой. Этот алогизм мы называем «комплексом маркиза де Кюстина». Известная кюстиновская метафора «царство фасадов» послужила расширению смысла возникшей в конце XVIII в. легенды о «потемкинских деревнях», в той же эпохе следует искать политические и психологические истоки «комплекса маркиза де Кюстина».

Ключевые слова: имагология, Крым, Потемкинские деревни, Крымский вояж, Кюстин, Екатерина II, амбивалентность мифа.

ВВЕДЕНИЕ

Межнациональное восприятие исконно мифологично, и потому научная интерпретация всякого литературно-имагологического факта требует, с одной стороны, анализа исторического и литературного контекста, но с другой – выявления традиционной мировидческой схемы, по которой клиширован факт. Важная особенность мифомышления – расщепленность восприятия: один и тот же объект может видаться и привлекательным, и отталкивающим. В свое время мы обратили внимание на эту особенность, исследуя отражение России во французской литературе XIX в. Основные черты «русского мифа» на протяжении эпохи оставались содержательно неизменными, но имели способность не только менять свою ценностную полярность, но и объединять в себе взаимоотталкивающие «заряды» [32, с. 61]. Так, мифологема «казака» рождала страх и одновременно – любопытство; представление о «русской азиатчине» заставляло смотреть на Россию с позиций цивилизационного превосходства, но в то же время наделяло образ России притягательностью экзотики и т. д. Мы назвали эту особенность «бинарностью имагологического мифа» [32, с. 61], однако сегодня более точным нам представляется определение, предложенное голландским профессором Й. Леерсеном. Ученый обратил внимание, что имагологические образы («имагемы»), подобно Двудликому Янусу, «противоречивы», и охарактеризовал это свойство как «амбивалентность» [50, с. 278–279]. Помимо точности обозначения, этот термин подчеркивает связь между литературными имагообразами и архаичным

мифом, который, по утверждению В. Р. Кабо, «амбивалентен»: «для него характерно совмещение и сближение противоположностей» [19, с. 246].

Цель нашей статьи – проследить, как амбивалентность мифа реализовалась в литературно-имагологическом «уравнении» «сила и слабость» России. Отправной точкой послужит сочинение маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», которое, благодаря своей длящейся известности, может служить одним из наиболее показательных объектов для имагологических наблюдений.

Как известно, летом 1839 г. Кюстин совершил поездку в Россию, по впечатлениям которой в 1843 г. опубликовал книгу, сразу ставшую бестселлером. Она была переведена на европейские языки и, если верить Дж. Ф. Кеннану, за два-три года разошлась количеством в 200 тысяч экземпляров [20, с. 97]. В результате, отмечает В. А. Мильчина, в Европе «никакой разговор о России уже был невозможен без упоминания этой шумевшей книги» [28, с. 248]. Сейчас бы сказали, что издание имело яркую антироссийскую направленность. Критика автора обрушилась, кажется, на всё, попавшееся на глаза: российские пространства, бульжник мостовых, архитектуру городов и, разумеется, на государственные порядки и общественные нравы. Многие умозаключения Кюстина превратились в навязчивые ярлыки. Скажем, истоки метафоры «Россия – тюрьма народов» исследователи обнаруживают именно в его книге [5, с. 15]. Красной нитью сквозь повествование проходит мысль об иллюзорности видимого состояния России и об ущербности ее истинного положения. Эта стержневая идеологема афористично выражена фразой «царство фасадов» [24, с. 497]. Но важно вот что: с одной стороны, Кюстин убеждает, что мощь России является фантомной, а с другой – подводит читателя к мысли, что «русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира» [24, с. 304], и это является серьезнейшей угрозой для Европы. Возникал очевидный алогизм: Россия оказывалась одновременно и слабой, и пугающе сильной.

Поскольку это противоречие встречается во множестве иных источников, мы не можем списать его на невнимательность А. де Кюстина. Этот алогизм, как увидим далее, – литературная закономерность и своеобразный психологический комплекс. Поскольку в рассматриваемой книге этот алогизм выражен наиболее рельефно, то полагаем справедливым называть его «комплексом маркиза де Кюстина».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Кюстиновская метафора «царство фасадов» явилась расширением смысла широко известной к тому времени легенды о «потемкинских деревнях». Кому принадлежит само сочетание «потемкинские деревни», не ясно [2, с. 277], но известно, что миф о стремлении Г. А. Потемкина в ходе Таврического вояжа Екатерины II выдать декорации за реальные населенные пункты создавался иностранными дипломатами, которые либо сопровождали Екатерину [13, с. 98], либо тиражировали «чужие толки» [26, с. 473–474]. Более того, как фиксирует А. М. Панченко, светские слухи о так называемых «потемкинских деревнях» распускались недоброжелателями светлейшего князя еще до начала путешествия [35, с. 413–414].

Чтобы понять природу мифа о «потемкинских деревнях», следует понять психологический настрой иностранных спутников Екатерины II. А для этого необходим небольшой исторический экскурс.

Россия веками считалась державой, не играющей существенной роли в европейской политике. Петр I значительно поколебал это мнение, а политика Екатерины II окончательно его разрушала, и в Европе это воспринималось болезненно. Удачи Екатерины II в «польском вопросе», подорвали влияние Франции и побудили последнюю в 1768 г. спровоцировать русско-турецкую войну для сдерживания России. Результаты оказались противоположны ожидаемым: Россия продемонстрировала значительные военные возможности и, кроме прочего, отбила у Турции северный плацдарм – Крымский полуостров.

Это убеждало Европу, что с военным ресурсом России следует считаться, однако оставляло сомнения в состоятельности административно-экономических и дипломатических потенциалов «северной империи». А именно от этих факторов зависело, сможет ли Екатерина конвертировать военные достижения в территориальные и геополитические преимущества. Наиболее сложная ситуация складывалась с Крымом. Полуостров был отрезан от экономических центров России огромными пространствами необжитых степей, и удерживать его военной силой в виду турецкого флота, безраздельно владевшего Черным морем, было проблематично. Кроме того, присоединение Крыма вызвало бы давление со стороны европейских держав, прежде всего – Франции, которые видели в этом угрозу своим интересам на Востоке [44, с. 58]. Учитывая все это, еще в 1770 г. было решено «не присоединять Крыма к России, а добиваться превращения его в независимое государство» [12, с. 167]. Так по результатам Кючук-Кайнарджийского мира Крым получил статус независимого государства под опекой России и Турции.

Установился баланс сил, зыбкость которого стала очевидной раньше, чем Кючук-Кайнарджийский договор был ратифицирован: в июле 1874 г. турки десантировались под Алуштой с целью отбить полуостров, но были сброшены в море. (Именно в этом сражении М. И. Кутузов получил ранение, повредившее ему глаз). В 1775 г. турецкий ставленник Девлет-Гирей силой оружия захватил власть в Крыму и, по сути, подчинил полуостров султану. Россия ответила тем же: в 1777 г. помогла собственному ставленнику, Шагин-Гирею, свергнуть турецкого протеже. Этим дело вовсе не кончилось: дальнейшие годы история Крыма представляла собой череду переворотов, которые сопровождалась со стороны Турции – нарушением «красных линий», а со стороны России – «симметричными ответами». Европа привыкла, что Крым – горячая точка, которая постоянно сковывает российские силы на юге: на границе беспокойного ханства России приходилось держать войска, что обошлось казне в 7 млн. руб. [3, с. 103]

По убеждению Г. В. Вернадского, «русская дипломатия не знала, в конце концов, что ей делать с Крымом»: «линия русской политики была не прямая, а ломаная» [6, с. 1], поскольку ограничивалась тактикой «действуй по обстановке». Екатерина II при этом проявляла гораздо больший интерес к западным делам, где в результате русская дипломатия смогла значительно повысить свой авторитет. В 1775 г. Англия запросила военную помощь у России для умирения

североамериканских колоний. И хотя предложение сулило выгодный союз, Екатерина отказала, благодаря чему не только сберегла войска, улучшила отношения с Францией, но и сохранила европейское равновесие, которое было «*idée fixe* дипломатов XVIII в.» [39, с. 58]. В 1779 г. Россия заняла взвешенную позицию посредника в переговорах о «баварском наследстве», что было оценено Францией и наметило сближение с Австрией [45, с. 146]. Почти в то же время Россия сумела создать военно-морской союз (лига нейтральных государств), который позволил совместными усилиями пресечь пиратские выходы английского флота [1, с. VII] и дал России статус самостоятельного международного арбитра [45, с. 94–95]. Европейские державы начинали находить выгоду от сближения с Россией. Екатерина верно оценивала силу европейского прагматизма, и потому писала Г. А. Потемкину: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем» [15, с. 182].

Между тем ситуация в Крыму деградировала. Начиная с 1769 г. (с тех пор, как Крым Гирей вторгся в российские пределы) Ханство постоянно находилось в состоянии войны и междоусобицы. Полуостров все чаще накрывали волны голода и эпидемий. Идея суверенитета при этом утратила привлекательность, поскольку ханство было расколото на пророссийскую и протурецкую партии, и ни одна из них не могла прийти к власти без помощи внешних покровителей. Это, с одной стороны, превращало независимость в фикцию, поскольку победители оказывались заложниками внешних сил, а с другой – делало борьбу за власть бесперспективной и кровопролитной, поскольку проигравшие неизменно получали поддержку извне для осуществления реванша.

В такой ситуации Екатерина II и приняла решение о присоединении Крыма. Манифест был обнародован летом 1783 г. – когда присоединение уже состоялось и фактически, и юридически: хан отрекся от престола, а крымское население торжественно присягнуло на верность России. Это событие ошеломило Европу. С нотой протеста выступила лишь Франция, чей голос угас во всеобщем дипломатическом безмолвии.

Все дошедшие до нас документы свидетельствуют, что присоединение Крыма стало решением спонтанным, обусловленным ситуативным стечением внешних и внутренних обстоятельств. Однако внезапность и бесповоротность этого события рождали мысль о заранее продуманном и тщательно подготовленном характере произошедшего. Словом, родился миф, ныне обозначаемый мемом «хитрый план России». Все это подогревалось слухами о пресловутом «Греческом проекте» Екатерины II.

В реальности никакого «проекта» не было. В 1781 г. Австрия и Россия заключили оборонительный союз. Екатерина II и Иосиф II действительно обсуждали программу действия на случай турецкой агрессии [16, с. 120–121]. Екатерина предлагала [37, с. 281–291], отразив нападение турок, овладеть ее территорией и создать два независимых государства: Дакию (на основе Молдавии, Валахии и Бессарабии) и Грецию (со столицей в Константинополе и с воцарением там внука Екатерины – Константина Павловича [18, с. 290]). Иосиф II предлагал попросту аннексировать значительные территории Балканского полуострова. В итоге точек соприкосновения

найти не удалось, и эти планы остались на уровне разговоров и переписки между двумя монархами. Реальной политической проработки они не получили.

Ни в одной из турецких войн Екатерины захват Константинополя по множеству причин целью не ставился. Это, впрочем, не мешало императрице «играть» на европейских страхах. Например, в 1772 г. она в полный голос заявляла о готовности русской армии идти на Стамбул и этим «месседжем» стимулировала уступчивость Турции на будущих мирных переговорах [23, с. 68–70]. Но в Европе и до той поры существовало убеждение, что цель России – Константинополь. Еще в 1768 г. Вольтер писал Екатерине по поводу обострения отношений с турками: «Ежели они объявят Вам, всемилостивейшая государыня, войну, легко может то случиться, что в рассуждении их ПЕТР Великий имел в виду, то есть, чтоб Константинополь сделать столичным городом Российской Империи» [38, с. 37–38].

Сама придворная жизнь России, казалось бы, доказывала всякому иностранцу, что захват турецкой столицы – стратегическая и близкая к осуществлению задача российской императрицы. Осознание Россией себя как третьего Рима конструировало мифопоэтическую модель, где освобождение Константинополя виделось сакральной миссией русских монархов. Эта мысль звучала «общим местом» в одах и комплиментарных текстах. И то, что российским обществом воспринималось как реальность чисто идеологическая, иностранными гостями должно было восприниматься в качестве «политической реальности» [10, с. 14] – в аналогии с западноевропейскими крестовыми походами. История демонстрировала, что идеология следует за политической конъюнктурой, а не наоборот: как отмечает О. М. Гончарова, присоединенный Крым («Крым-Таврида») в русском мифопоэтическом сознании быстро стал метонимической заменой «Греции-Константинополя» [9, с. 97]. Однако зарубежным гостям трудно было разглядеть эту «замену», и идеологема «освобождение Царьграда» продолжала восприниматься как императив русской политики. Дополняло «картину» эллинофильство Екатерины II, которое было отпечатком эстетико-философских традиций западного Просвещения, но в котором, при субъективном настрое оптики, можно было разглядеть контуры внешнеполитической доктрины.

Итак, итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг. продемонстрировали, что русское оружие способно одерживать внушительные победы над турками; успехи дипломатии высветили, что Россия обладает высоким уровнем международной самостоятельности, которая не замедлила материализоваться в процессе присоединения Крыма. Для Запада невыясненным оставался лишь один вопрос: сумеет ли империя освоить экономически то, что было приобретено усилиями армии и дипломатии. Именно на этот вопрос и искали ответ западные дипломаты, отправляясь в 1787 г. вместе с Екатериной II в Крым.

Организаторы путешествия преследовали сразу несколько целей. Это был и «отчет» перед императрицей об авральных трудах последних лет, и инструмент административной мобилизации на местах, и знак для столичных чиновников, что юг России остается государственным приоритетом. В то же время путешествие Екатерины демонстрировало миру, что «крымский вопрос» не подлежит ревизии и уже имеет существенные позитивные следствия: восстановление мирной жизни и

хозяйственной деятельности, оптимизация торговых путей и проч. В данном случае масштаб российских успехов пропорционально уменьшал готовность европейских политиков вести разговоры о возвращении Крыма: европейским державам отправлялся недвусмысленный сигнал, что, вложив в Крым значительные ресурсы, Россия ни при каких обстоятельствах от полуострова не откажется.

Это был типичный «представительский вояж» [29, с. 318]. Такого рода путешествия известны всем государствам и эпохам. «Казовая сторона положения дел» [29, с. 318] имеет здесь, так сказать, «жанрообразующее значение». Представительский вояж предполагает декорирование реальности точно так же, как ода – использование возвышенной лексики. Г. А. Потемкин проявил недюжинную изобретательность, сопроводив маршрут театральными и визуальными эффектами, и в известной степени превратил Таврический вояж даже не в классику, а в эталон жанра. Но в любом случае зарубежными дипломатами декорации должны были восприниматься как традиционная условность, а не подлог реальности.

До Киева процессия двигалась по хорошо обжитым местам и повсюду встречала светские увеселения. Далее путь продолжился по Днепру на специально построенных галерах. «Открытие новых земель», по существу, началось лишь с Екатеринослава. Здесь участники путешествия заложили Преображенский собор, что и считается официальным моментом основания города [42, с. 8]. То есть, в Екатеринославе путешественники смогли познакомиться лишь с благими планами создать среди степей рукотворные «оазисы» [7, с. 32–34]. Но вот в Херсоне их ждало уже нечто, похожее на чудо, – молодой город с изрядной крепостью, адмиралтейством и верфями.

Стоит напомнить, что решение о создании Херсона было принято в 1778 г. Выбранная пустынная местность была удалена от источников строительных материалов и рабочей силы. Хотя как-то «опереться» можно было лишь на старое земляное укрепление Александр-шанц, построенное еще во времена Миниха [46, с. 2]. Тем не менее, уже в 1783 г. с херсонских верфей был спущен первый линейный 66-пушечный корабль «Слава Екатерины» [22, с. 11]. А в 1787 г. спутники Екатерины смогли принять участие в спуске на воду нескольких военных кораблей [35, с. 417–418]. Такая скорость строительства могла бы считаться впечатляющей даже при современных возможностях. Но спутников Екатерины она поражала тем больше, что они сознавали стратегическую важность этого пункта.

Начиная с XV в. Черное море в военном и торговом отношениях, по существу, было «внутренним “турецким озером”» [34, с. 20]. Прочное положение России в Северном Причерноморье было невозможным без создания здесь собственного флота. Этому, однако, препятствовали серьезные объективные трудности: кроме военного давления турок – отсутствие подходящих гаваней, верфей, близких источников корабельного леса. Тем не менее проблему начали решать уже в эпоху русско-турецкой войны 1768–1774 г. На Дону – на пепелище старых петровских верфей – были спешно построены суда Азовской флотилии, которая успела в эту кампанию оказать заметную помощь русским сухопутным силам в Крыму [25, с. 295–299]. Однако мелководное русло Дона не позволяло строить корабли достаточной боевой мощи, и потому Потемкину пришлось заводить верфи на новом месте – на

берегу Днепра близ его впадения в Днепровский лиман Черного моря. Так возник Херсон. И вот теперь, в 1787 г., зарубежным гостям Екатерины была продемонстрирована возможность России строить на Черном море большие корабли, а стало быть, создать полноценный военный флот.

Через несколько дней процессия путешественников была уже в Крыму. Планы Екатерины II по обустройству полуострова подразумевали гражданское развитие: в сфере хозяйства, торговли, наконец, национального образования [33, с. 139]. Но реализация замыслов всецело зависела от способности защищать Крым от турецких притязаний. И сейчас Россия смогла показать иностранным дипломатам стоящую в Севастополе готовую к бою эскадру: 27 судов, среди которых – 3 линейных корабля и 9 фрегатов [8, с. 101–103] (не считая судов, только что спущенных в Днепровский лиман). Представление флота Потемкин обставил, не скупясь на эффекты торжественности и внезапности. Когда путешественники очередной раз остановились для отдыха, то из шикарно драпированной залы перед гостями неожиданно открылся вид на Севастопольскую бухту с выстроенными в боевом порядке и салютующими кораблями. Этот момент колоритно передан в фильме М. Ромма «Адмирал Ушаков» 1953 г. (хронологические метки 00.40.30–00.43.30).

Впечатление оказалось велико. Вот как оно отразилось в записках французского посланника графа де Сегюра: «Между тем, как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери большого балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище. <...> Мы увидели залив <...>; посреди этого залива в виду царской столовой выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Эвксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более, как через 30 часов, флаги ее кораблей могли развеяться в виду Константинополя, а знамя ее армии – водрузиться на стенах его» [40, с. 213–214; 51, р. 66–67].

Для французского посланника не могло быть тайной, что турецкий флот, которому Франция в это время помогала готовиться к войне против России, значительно превосходит севастопольскую эскадру: пятикратно по числу линейных кораблей, и четырехкратно по числу иных судов [17, с. 95]. Простейшие расчеты должны были подсказать, что продемонстрированных Потемкиным сил недостаточно для успешного похода на Стамбул и едва хватит для обороны Крыма. Но эмоциональный эффект оказался сильнее аналитических средств и заставил французского дипломата (судя по всему, и других гостей) уверовать в «русскую угрозу» для Турции.

Психологически это объяснимо. Иностранные дипломаты оказались вырваны из обжитого, в деталях известного мира геополитической действительности. Они оказались на территории, еще недавно закрытой для европейцев, и столкнулись с неожиданными картинами. Они оказались как бы перенесены в пространство геополитического мифа, в котором, за отсутствием точных сведений, все приходилось объяснять по продуманным «подсказкам» Потемкина и при помощи традиционных, мифологизированных представлений и максим. И поэтому мощь России виделась неизмеримой, ее ресурсы – неистощимыми, а ее стремление

осуществить «хитрый план» и захватить Константинополь – неотвратимым. Этот миф оказывался настолько пугающим, что требовал психологического нейтрализатора, противовеса, который тут же и был найден и сформулирован самими участниками екатерининского путешествия.

Подробности показательного в этом отношении диалога передает тот же граф де Сегюр. Пораженный увиденным в Севастополе, он делился размышлениями с другим спутником Екатерины – императором Священной Римской империи Иосифом II: «<...> Могущество России более кажущееся, нежели твердое. <...> Здесь более блеска, чем прочности, <...> за все берутся, ничего не довершают. Потемкин легко бросает то, за что принялся с жаром; на месте Екатеринослава он заложил город, который будет необитаем, и огромный храм, в котором, может быть, не будут никогда молиться. <...> Херсон построен на неудобном месте и окружен болотами. Корабли не могут входить туда с грузом. В последние десять лет степи опустели более прежнего. <...>. Один Севастополь теперь уже довольно значителен; но нужно много времени, чтобы он стал настоящим городом. Позаботились все украсить, нарядить, оживить на срок, на показ императрице; но лишь только императрица уедет, то вместе с нею исчезнут все прикрасы этого обширного края. Я знаю князя Потемкина. Он произвел театральный эффект, и занавес опускается <...>» [40, с. 227–228; 51, р. 84–85]. Не нужно обладать глубокими историческими знаниями, чтобы констатировать: прогнозы де Сегюра (кроме разве что судьбы колоссального собора в Екатеринославе [35, с. 420]) не сбылись. Функция этих прогнозов имеет не историческую, а психологическую прагматику – хоть отчасти «сбалансировать» миф о «русской угрозе». Это чистое воплощение психологического «комплекса маркиза де Кюстина», заставляющего одновременно и бояться российской мощи, и считать эту мощь иллюзорной.

Характерно, что сходную двойственность ощущений переживал и собеседник Сегюра Иосиф II. Сначала он замечал, что в России «более блеска, чем дела» [40, с. 201] (*“plus d'éclat que de réalité”* [51, р. 52]), но вскоре высказывал мысль, по существу, противоположную: «В России приказание исполняется немедленно. Если бы какой-нибудь Карл XII был во главе этого народа, он бы с 600 000 человек заставил трепетать Европу» [40, с. 201; 51, р. 85].

Мы наблюдаем формирование мифологемы «потемкинских деревень» и видим, что она не вытесняла мифологему «русской угрозы», а уживалась с нею. Сегюр стремится подобрать для этого противоречия аллегорический образ: он вспоминает, что Д. Дидро якобы назвал Россию «колоссом на глиняных ногах» [40, с. 228] (*«colosse aux pieds d'argile»* [51, р. 85]), но тут же уточняет от себя, что «этой глине дали окрепнуть, и она превратилась в бронзу» [40, с. 228; 51, р. 85]. Получилось парадоксальное нагромождение взаимоисключающей семантики (опора «колосса» непрочная, но прочная), и именно это образное соединение несоединимого оказывается, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией «комплекса маркиза де Кюстина».

Однако вернемся к метафоре «потемкинские деревни». Она, как помним, «сформулировалась» уже после Таврического вояжа, и характерно, что на роль компонента «деревни» порою претендовали другие объекты, бывшие на слуху после

высочайшего путешествия в Крым. Во-первых – корабли Черноморского флота. Саксонский дипломат фон Гельбиг, который считается одним из самых активных пропагандистов мифа о «потемкинских деревнях» [26, с. 473–474], утверждал, что в Херсоне гостям Екатерины под видом военных кораблей представили старые гражданские суда [27, с. 41].

Мы объясним, почему этот «сюжет» оказался нежизнеспособен, но сначала приведем пассаж из другого характерного текста. Речь идет о книге «Вокруг трона» (1894) польского автора К. Ф. Валишевского, жившего во Франции и, по оценке современника, трактовавшего русскую историю «на французский лад» [21, с. 230]. Читаем о Г. А. Потемкине: «В 1787 году, сопровождая императрицу в Инкерман, где пред ее приездом был выстроен для нее дворец, он устраивает прием таким образом, что она не может в течение нескольких часов определить своего местопребывания <...>. Дворец был построен из песчаника и вскоре развалился, эскадра была построена из сырого леса и сгнила еще раньше, но произведенный эффект был чрезвычайный» [4, с. 61]. Очевидно, что «дворец из песчаника» и «сгнившие корабли» – образы-заместители для «потемкинских деревень».

Начнем с кораблей. Указание на «сырой лес», из которого они строились, соответствует истине. Создание Черноморского флота по многим параметрам напоминало историю Балтийского флота. Известно, что Петр I не располагал запасом времени и материалов, чтобы следовать классической технологии кораблестроения. Поэтому вместо выдержанного дуба на русских верфях использовалась плохо высушенная лиственница. В целях военно-политической необходимости приоритет отдавался скорости постройки в ущерб долговечности.

Ситуация, в которой оказался Потемкин, была не менее сложной. Флот на Черном море предстояло построить в местности, полностью лишенной корабельного леса и всякой инфраструктуры, в условиях эпидемий чумы и военных угроз. Информация о подготовке Турции к войне не оставляла сомнений, что для создания собственного флота в распоряжении России есть всего несколько лет. Как отмечает В. Ф. Головачев, «Потемкину не было времени заводить в черноморском флоте приспособления в пользу долговечности его судов: он заводил только те из возможных приспособлений, которые могли усиливать его действия против неприятеля» [8, с. 184]. В результате использовались сырой лес и «нештатные» крепежи [48, с. 218], отчего страдала конструктивная прочность.

Эти недостатки приходилось компенсировать другими средствами, что удавалось благодаря энергии Ф. Ф. Ушакова, возглавившего Севастопольскую эскадру в 1788 г. Во-первых, Ушаков смог организовать в Севастопольской гавани ремонт кораблей: в зимние периоды велась напряженная работа по подготовке судов к очередному сезону навигации. Во-вторых, высокого уровня достигла профессиональная подготовка экипажей. И в-третьих, была применена оригинальная тактика боя [31, с. 295–297], к чему противник оказался не готов. В результате в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Черноморскому флоту, который качественно и количественно уступал противнику [11, с. 57], удалось одержать ряд легендарных побед: при острове Фидониси, близ Керчи и у мыса Тендра. Это предопределило готовность Турции признать по условиям Ясского договора право

России на «совершенное и беспрепятственное владение» Крымом и Северным Причерноморьем от Буга и Днестра [36, с. 176]. То есть история предоставляла очевидные доказательства боеспособности Черноморского флота и подрывала доверие к легенде о его «бутафорском» значении.

Теперь скажем о «дворце», который, по словам Валишевского, был «построен из песчаника и вскоре развалился». В Севастополе «дворцом Екатерины» называли одно из первых зданий города – дом адмирала Ф. Ф. Мекензи. В конце XVIII в. на фоне матросских мазанок особняк мог восприниматься «богатым и комфортабельным» [47, с. 32], но был небольшим – «одноэтажным, с семью окнами по фасаду» [14, с. 12] – и в следующем веке уже оценивался как «невзрачный» [30, с. 154]. За отсутствием лучших помещений, это здание использовали в 1787 г. для приема императрицы, для чего украсили: «сделали панели из орехового дерева, стены задрапировали шелком и бархатом, украсили заморскими зеркалами и люстрами» [41, с. 20]. Но дело в том, что Валишевский говорит о некоем ином «дворце» – якобы построенном в Инкермане, и ясно, что речь идет о помещении, из которого императрица обзирала Севастопольскую эскадру.

Здесь важны детали путешествия. В Севастополь кортеж двигался из Бахчисарая. Расстояние немалое, и требовалась остановка для отдыха. Наиболее подходящим местом, по мысли Потемкина, были окрестности Инкермана, откуда открывается продольный вид на Севастопольский рейд. Отсюда путешественники и наблюдали салютующую эскадру. В уже упомянутой сцене из фильма М. Ромма это действие разворачивается в величественном здании; и съемки, очевидно, проходили в одном из столичных дворцов. На самом же деле инкерманское помещение для встречи высоких гостей не было дворцом. Местным историкам не удается обнаружить никаких следов капитального строения [43; 49]. Очевидно, существовало лишь «сооружение-однодневка», и – не из песчаника, который нигде по близости не добывался, а, надо полагать, из дерева. Учитывая значение, которое предавалось эпизоду с Севастопольской эскадрой, павильон, наверняка, был дорого и претенциозно украшен, но даже искусство драпировщиков не могло превратить временное строение в дворец. Гости находились здесь не более часа или двух, и вскоре после их отъезда павильон, скорее всего, был разобран, иначе его описания непременно запечатлелись бы в позднейших документальных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из ряда образов, призванных воплотить в себе показной характер российских успехов, в ходу остались лишь «потемкинские деревни». Но это обусловлено не фактом существования бутафорских селений (они – лишь легенда), а, думается, иными факторами. Эта метафора обладала широтой периферийной семантики. В сознании европейцев «потемкинские деревни» пробуждали целый ряд «русских ассоциаций»: фаворитизм, аграрная основа экономики, технологическое отставание, крепостное право. Кроме того, метафора подчеркивала контраст между придворной роскошью и крестьянской бедностью. Чтобы оценить этот «социальный разрыв» европейцу было достаточно совершить переезд между российскими столицами по маршруту, описанному А. Н. Радищевым. Но для рождения метафоры

понадобилось путешествие в Крым: реальные достижения России подпитывали миф о «русской угрозе», а он, в свою очередь, актуализировал поиск российских слабостей.

Список литературы

1. Адмирал Ушаков: Сборник документов и материалов. В 3-х т. – М.: Военмориздат, 1951–1956. – Т. 1. – 772 с.
2. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худож. лит, 1988. – 528 с.
3. Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. – СПб., 1852. – 294 с.
4. Валишевский К. Ф. Вокруг трона. – М.: Московское книгоиздательское тов-во «Образование», 1913. – 160 с.
5. Васильев А. Д. Заграничные истины: свободный мир VS тюрьма народов // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 12–21.
6. Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (Из Тавельского архива В. С. Попова) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 56. – Симферополь, 1919. – С. 1–14.
7. Галушко А. Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 30–40.
8. Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. – СПб.: Севастопольский отдел на Политехнической выставке, 1872. – 260 с.
9. Гончарова О. М. «Греческий текст» в русской культуре // Культура и текст. – СПб.; Барнаул, 1997. – С. 94–100.
10. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. Материалы междунар. научной конф-ии. СПб., 4–6 сентября 2006 г. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 7–22.
11. Доценко В. Д. Морские битва России XVIII–XX веков. – СПб.: Полигон, 2002. – 224 с.
12. Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 367 с.
13. Душенко К. В. «Потемкинские деревни» и «фасадная империя» // Культурология. – 2018. – № 2 (58). – С. 97–101.
14. Дьяконова И. А. Екатерининский дворец // Исторические улицы и памятники Севастополя. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 11–12.
15. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Наука, 1997. – 989 с.
16. Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. – М., 2000. – 342 с.
17. Зверев Б. И. Страницы военно-морской летописи России. – М.: Просвещение, 1981. – 207 с.
18. История дипломатии. В 3-х т. – М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1941–1945. – Т. 1. – 566 с.
19. Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007. – 328 с.
20. Кеннан Д. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
21. Киндинов М. А. Казимир Феликсович Валишевский: к 170-летию со дня рождения историка // Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 30-й годовщине Комратского государственного университета: Сб. статей. – Комрат: КГУ, 2021. – Т. 2. – С. 227–231.

22. Краснознаменный Черноморский флот. – М.: Воениздат, 1987. – 334 с.
23. Крючков А. В. «Греческий проект» как знаковый код культурного и политического дискурса России второй половины XVIII века // Научное обозрение: теория и практика. – 2012. – № 4. – С. 65–70.
24. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
25. Лебедев А. А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). – СПб.: Гангут, 2011. – 831 с.
26. Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). – М.: Наука, 1997. – С. 473–540.
27. Люсый А. П. Наследие Крыма. – М.: Русский импульс, 2007. – 240 с.
28. Мильчина В. А. «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1. – С. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства: материалы к словарю. – Тверь: СФК-офис, 2014. – 368 с.
30. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стило, 2011. – 414 с.
31. Орехов В. В. В лабиринте Крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
32. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века: Дисс. ... к. филол. н. 10.01.05. – Симферополь, 2001. – 222 с.
33. Орехова Л. А. О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 2. – С. 137–152.
34. Орешкова С. Ф. Немировский конгресс. От двусторонних османско-русских отношений к Восточному вопросу. – М.: ИВ РАН, 2015. – 336 с.
35. Панченко А. М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 463 с.
36. Первых Д. К. Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 168–182.
37. Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. 1774–1790 // Русский архив. – 1880. – Кн. I. – С. 210–354.
38. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. В 2-х кн. – М.: Тип-я Императорской Академии Наук, 1802. – Кн. I. – 245 с.
39. Перминов П. В. Посол III класса. – М.: Наука, 1992. – 296 с.
40. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в Царствование Екатерины II (1785–1789). – СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. – 386 с.
41. Скориков Ю. А. Севастопольская крепость. – СПб.: Стройиздат СПб, 1997. – 320 с.
42. Солодянкина О. А., Солодянкин А. В. История Соборной горы: от закладки первого камня до Днепровской политехники. Нижний город // Перспективи розвитку будівельних технологій: Мат-ли 13-ї Міжнарод. наук.-практич. конф. (18–19 квітня 2019 р., м. Дніпро). – Дніпро: НТУ «ДП», 2019. – С. 7–16.
43. Стрелена Н. Позвольте не согласиться, или На Каламите Екатерина II все-таки побывала (О противоречиях в публикации А. Шипенко «Инкерманский дворец императрицы» по

- поводу пути следования Екатерины из Бахчисарая в Севастополь) // Слава Севастополя. – 2011. – 2 сентября. – С. 3.
44. Храпунов Н. И. «Азиатский мираж» и будущее Крыма: проекты западных интеллектуалов // Российская империя и Крым. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. – С. 57–74.
45. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774–1779. – М.: Наука, 2001. – 528 с.
46. Чирков А. Краткий исторический очерк города Херсона // Памятная книжка для Херсонской губернии на 1864 год. – Херсон: Типография Херсонского губернского правления, 1864. – С. 1–17.
47. Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. – М.: Воениздат, 1958. – 374 с.
48. Шершов А. П. История военного кораблестроения. С древних времен и до наших дней. – СПб.: Полигон, 1994. – 361 с.
49. Шипенко А. Инкерманский дворец императрицы // Слава Севастополя. – 2011. – 30 июля. – С. 3–4.
50. Leerssen J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // Poetics Today, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 267–292.
51. Ségur L.-P. de. Mémoires, souvenirs et anecdotes. T. 2. Paris, 1859. 219 p.

References

1. Admiral Ushakov: Sbornik dokumentov i materialov. V 3-h t. [Admiral Ushakov: Collection of documents and materials. In 3 vols]. Moscow, Voenmorizdat Publ., 1951–1956, vol. 1. 772 p.
2. Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazhenija [Winged words. Literary quotations. figurative expressions]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1988. 528 p.
3. Bogdanovich M. N. Pohody Rumjanceva, Potemkina i Suvorova v Turcii [Campaigns of Rumyantsev, Potemkin and Suvarov in Turkey]. St. Petersburg, 1852. 294 p.
4. Valishevskij K. F. Vokrug trona [Around the throne]. Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'skoe tovarishhestvo «Obrazovanie» Publ., 1913. 160 p.
5. Vasil'ev A. D. Zagranichnye istiny: svobodnyj mir VS tjur'ma narodov [Foreign truths: the free world VS the prison of peoples]. Politicheskaja lingvistika, 2013, no. 3, pp. 12–21.
6. Vernadskij G. V. Zapiski o neobходимosti prisoedinenija Kryma k Rossii (Iz Tavel'skogo arhiva V. S. Popova) [Notes on the need to annex the Crimea to Russia (From the Tavel archive of V. S. Popov)]. Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii, vol. 56. Smferopol, 1919, pp. 1–14.
7. Galushko A. D. Koncept «oazisa» v «Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu» P. I. Sumarokova [The concept of "oasis" in "Travel around the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 30–40.
8. Golovachev V. F. Istorija Sevastopolja kak russkogo porta [The history of Sevastopol as a Russian port]. St. Petersburg, Sevastopol'skij otdel na Politehnicheskoy vystavke Publ., 1872. 260 p.
9. Goncharova O. M. «Grecheskij tekst» v russkoj kul'ture [“Greek text” in Russian culture]. Kul'tura i tekst. St. Petersburg, Barnaul, 1997. pp. 94–100.
10. Goncharova O. M. Krym kak Vizantija (vtoraja polovina XVIII veka) [Crimea as Byzantium (second half of the 18th century)]. Krymskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy mezhdunar. nauchnoj konf-ii. SPb., 4–6 sentjabrja 2006 g. St. Petersburg, 2008, pp. 7–22.
11. Docenko V. D. Morskie bitva Rossii XVIII–XX vekov [Naval battles of Russia in the 18th–20th centuries]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002. 224 p.

12. Druzhinina E. I. *Kuchuk-Kajnardzhijskij mir 1774 goda* [Kuchuk-Kainarji peace of 1774]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 367 p.
13. Dushenko K. V. «Potemkinskie derevni» i «fasadnaja imperija» ["Potemkin villages" and "facade empire"]. *Kul'turologija*, 2018, no. № 2 (58), pp. 97–101.
14. D'jacksonova I. A. *Ekaterininskij dvorec* [Catherine Palace]. *Istoricheskie ulicy i pamjatniki Sevastopolja*. Simferopol, Tavrija Publ., 1996, pp. 11–12.
15. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaja perepiska (1769–1791)* [Catherine II and G. A. Potemkin. Personal correspondence (1769–1791)]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 989 p.
16. Eliseeva O. I. *Geopoliticheskie proekty G. A. Potemkina* [Geopolitical projects of G. A. Potemkin]. Moscow, 2000. 342 p.
17. Zverev B. I. *Stranicy voenno-morskoj letopisi Rossii* [Pages of the naval chronicle of Russia]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1981. 207 p.
18. *Istorija diplomatii. V 3-h t.* [History of diplomacy. In 3 vols]. Moscow, OGIZ Socjkgiz Publ., 1941–1945, vol. 1. 566 p.
19. Kabo V. R. *Krug i krest. Razмышlenija jetnologa o pervobytnoj duhovnosti* [Circle and Cross. An ethnologist's reflections on primitive spirituality]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 2007. 328 p.
20. Kennan D. F. *Markiz de Kjustin i ego «Rossija v 1839 godu»* [Marquis de Custine and his “Russia in 1839”]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 240 p.
21. Kindinov M. A. *Kazimir Feliksovich Valishevskij: k 170-letiju so dnja rozhdenija istorika* [Kazimir Feliksovich Valishevsky: on the 170th anniversary of the birth of a historian]. *Mezhdunarodnaja nauchno-praktičeskaja konferencija «Nauka, obrazovanie, kul'tura», posvjashhennaja 30-j godovshhine Komratskogo gosudarstvennogo universiteta: Sb. statej*. Komrat, KGU Publ., 2021, vol. 2, pp. 227–231.
22. *Krasnoznamennyj Chernomorskij flot* [Red Banner Black Sea Fleet]. Moscow, Voenizdat Publ., 1987. 334 p.
23. Krjuchkov A. V. «Grecheskij projekt» kak znakovyj kod kul'turnogo i političeskogo diskursa Rossii vtoroj poloviny XVIII veka [“The Greek project” as a symbolic code of the cultural and political discourse of Russia in the second half of the 18th century]. *Nauchnoe obozrenie: teorija i praktika*, 2012, no. pp. 65–70.
24. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.
25. Lebedev A. A. *U istokov Chernomorskogo flota Rossii. Azovskaja flotilija Ekateriny II v bor'be za Krym i v sozdanii Chernomorskogo flota (1768–1783 gg.)* [At the origins of the Black Sea Fleet of Russia. The Azov flotilla of Catherine II in the struggle for the Crimea and in the creation of the Black Sea Fleet (1768–1783)]. St. Petersburg, Gangut Publ., 2011. 831 p.
26. Lopatin V. S. *Pis'ma, bez kotoryh istorija stanovitsja mifom* [Letters without which history becomes a myth]. *Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaja perepiska (1769–1791)*. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 473–540.
27. Ljusy A. P. *Nasledie Kryma* [Heritage of the Crimea]. Moscow, Russkij impul's Publ., 2007. 240 p.
28. Mil'china V. A. «V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g. [“Today, most ducks are imported from the Russian Empire”: about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. Miljugina E. G., Stroganov M. V. *Tekst prostranstva: materialy k slovarju* [Text space: materials for the dictionary]. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 368 p.
30. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to the Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an

- introduction about different ways of moving from Odessa to the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2011. 414 p.
31. Orehov V. V. V labirinte Krymskogo mifa [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
32. Orehov V. V. *Mifo Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka. Diss. ... k. filol. n.* [Myth about Russia in French literature of the first half of the 19th century. Thesis]. Simferopol, 2001. 222 p.
33. Orehova L. A. *O prepodavanii russkogo i nacional'nyh jazykov v uchebnyh zavedenijah Tavricheskoj gubernii pervoj treti XIX veka* [On the teaching of Russian and national languages in educational institutions of the Tauride province of the first third of the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
34. Oreshkova S. F. *Nemirovskij kongress. Ot dvustoronnih osmano-rossijskih otnoshenij k Vostochnomu voprosu* [Nemirovsky Congress. From Bilateral Ottoman-Russian Relations to the Eastern Question]. Moscow, IV RAN Publ., 2015. 336 p.
35. Panchenko A. M. *O russkoj istorii i kul'ture* [On Russian history and culture]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 463 p.
36. Pervyh D. K. *Krymskaja tema v redakcionnoj politike zhurnala «Otechestvennye zapiski»: 1824–1825 gg.* [The Crimean theme in the editorial policy of the journal “Notes of the Fatherland”: 1824–1825]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 168–182.
37. *Perepiska Ekateriny Velikoj s germanskim imperatorom Iosifom II. 1774–1790* [Correspondence of Catherine the Great with the German Emperor Joseph II. 1774–1790]. Russkij arhiv, 1880, no. I, pp. 210–354.
38. *Perepiska Ekateriny Velikoj s gospodinom Vol'terom. V 2-h kn.* [Correspondence of Catherine the Great with Mr. Voltaire. In 2 vols]. Moscow, 1802, vol. I. 245 p.
39. Perminov P. V. *Posol III klassa* [Ambassador of the III class]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 296 p.
40. Segjur L.-F. *Zapiski grafa Segjura o prebyvanii ego v Rossii v Carstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Notes of Count Segur on his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785–1789)]. St. Petersburg, 1865. 386 p.
41. Skorikov Ju. A. *Sevastopol'skaja krepost'* [Sevastopol fortress]. St. Petersburg, Strojizdat SPb Publ., 1997. 320 p.
42. Solodjankina O. A., Solodjankin A. V. *Istorija Sobornoj gory: ot zakladki pervogo kamnja do Dneprovskoj politehniki. Nizhnij gorod* [The history of Cathedral Mountain: from the laying of the first stone to the Dnieper Polytechnic. Lower City]. *Perspektivi rozvitku budivel'nih tehnologij: Mat-li 13-ï Mizhnarod. nauk.-praktich. konf. (18–19 kvitnja 2019 r., m. Dnipro)*. Dnepropetrovsk, NTU "DP" Publ., 2019, pp. 7–16.
43. Streljenja N. *Pozvol'te ne soglasit'sja, ili Na Kalamite Ekaterina II vse-taki pobывala (O protivorechijah v publikacii A. Shipenko «Inkermanskij dvorec imperatricy» po povodu puti sledovanija Ekateriny iz Bahchisaraja v Sevastopol')* [Allow me to disagree, or did Catherine II visit Kalamita (About the contradictions in the publication of A. Shipenko “The Inkerman Palace of the Empress” about the route of Catherine from Bakhchisaray to Sevastopol)]. *Slava Sevastopolja*, 2011, 2 September, pp. 3.
44. Hrapunov N. I. *«Aziatskij mirazh» i budushhee Kryma: proekty zapadnyh intelektualov* [“Asian mirage” and the future of Crimea: projects of Western intellectuals]. *Rossijskaja imperija i Krym*. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2020. pp. 57–74.

45. Cherkasov P. P. *Ekaterina II i Ljudovik XVI. Russko-francuzskie otnoshenija: 1774–1779* [Catherine II and Louis XVI. Russian-French relations: 1774–1779]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 528 p.
46. Chirkov A. *Kratkij istoricheskij ocherk goroda Hersona* [Brief historical sketch of the city of Kherson]. *Pamjatnaja knizhka dlja Hersonskoj gubernii na 1864 god*. Herson, Tipografija Hersonskogo gubernskogo pravlenija Publ., 1864, pp. 1–17.
47. Shapiro A. L. *Admiral D. N. Senjavin* [Admiral D. N. Senyavin]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958. 374 p.
48. Shershov A. P. *Istorija voennogo korablestroenija. S drevnih vremen i do nashih dnei* [History of military shipbuilding. From ancient times to the present day]. St. Petersburg, Poligon Publ., 1994. 361 p.
49. Shipenko A. *Inkermanskij dvorec imperatricy* [Inkerman Palace of the Empress]. *Slava Sevastopolja*, 2011, July 30, p. 3–4.
50. Leerssen J. *The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey* // *Poetics Today*, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 267–292.
51. Ségur L.-P. de. *Mémoires, souvenirs et anecdotes*. T. 2. Paris, 1859. 219 p.

"RUSSIAN MYTH" AND "COMPLEX OF THE MARQUISE DE CUSTINE". PART I: CRIMEA AND "POTEMKIN VILLAGES"

Orekhov V. V.

The article deals with one of the aspects of the European myth about Russia. This myth often combined mutually exclusive mythologies. The main attention is focused on the formation of the legend about the "Potemkin villages", on the role that this legend played in the general ideas of the West about Russia at the end of the 18th–19th centuries. The starting point for the analysis is the work of the Marquis A. de Custine *Russia in 1839*, which, due to its initial popularity, can serve as one of the most revealing objects for imagological observations. In Custine's book, the ambivalence of the European myth about Russia is vividly manifested: the country appears at the same time frighteningly strong and fatally weak. We call this alogism the "complex of the Marquis de Custine". The well-known Kustin metaphor "the kingdom of facades" was an extension of the meaning that arose at the end of the 18th century. legends about the "Potemkin villages", in the same era one should look for the political and psychological origins of the "complex of the Marquis de Custine".

Key words: imagology, Crimea, Potemkin villages, colossus with feet of clay, Crimean voyage, Kustin, Catherine II, ambivalence of myth.

АВТОР И АДРЕСАТ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АРХИВА А. М. РАЕВСКОЙ

Орехова Л. А.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com*

Сам факт хранения в архиве А. М. Раевской стихотворения «Владиславу Максимовичу. 21-го января 1862», переписанного ее рукой, но не ей посвященного и, к тому же, имеющего загадочную помету «На станции Акбары» (почтовая станция на севере Крыма), нуждается в филологическом и историческом комментировании. Имя адресата стихотворения известно (В. М. Княжевич, председатель Таврической казенной палаты), но ответы на следующие, закономерно возникающие вопросы: кто автор стихотворного посвящения и каким образом помета «На станции Акбары» проясняет обстоятельства его создания – составляют задачи настоящей статьи. Привлекаются широкие филологические, исторические, регионально-исторические, историко-биографические, архивные материалы, которые позволяют высказать убеждение, что автором стихотворения является друг А. М. Раевской и В. М. Княжевича, Таврический губернатор 1829–1837 гг., сенатор А. И. Казначеев.

Ключевые слова: А. М. Раевская, В. М. Княжевич, А. И. Казначеев, «Очерк Южного берега Крыма», «Одесский альманах», литературное крымоведение.

ВВЕДЕНИЕ

Анна Михайловна Раевская (1819–1883) – фрейлина, дочь генерал-лейтенанта М. М. Бороздина (1867–1837, Симферополь), выйдя в 1839 г. замуж за командира Черноморской береговой линией генерал-лейтенанта Николая Николаевича Раевского-младшего (1801–1843), становится представительницей славного и древнего рода Раевских. В крымском краеведении о Раевских, Бороздиных написано немало, в том числе о их крымских имениях, о вкладе в развитие Крыма, о широкой хозяйственной и благотворительной деятельности. Значимая роль нескольких поколений Раевских в истории России не вызывает сомнений. Богатейший фамильный архив, сохранявшийся потомками, составил изданный в 1908–1915 гг. внуком Анны Михайловны – Петром Михайловичем Раевским (1883–1970) – пятитомный «Архив Раевских», под редакцией и с комментариями историка литературы, библиографа (впоследствии чл.-корр. РАН и АН СССР) Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928).

В Предисловии к I тому П. М. Раевский обосновал убеждение, что публикуемая переписка Раевских «дает материал не только для биографий членов семьи Раевских, но и многочисленных лиц, – нередко игравших заметную роль в русской истории, <...> а также вообще для эпохи, которая охватывается сохранившимися документами» [1, с. IV]. Период 1858–1876 гг., которым ограничена наша тема, представлен в V томе издания; при этом 1858–1863 годы, как отметил Б. Л. Модзалевский, характеризуется «обильным количеством писем и документов». Доминирующее количество рукописных документов связано с личной перепиской

А. М. Раевской, переехавшей в 1857 г. из Крыма в Москву, где ее сыновья Николай и Михаил поступали в университет. Жизнь Анны Михайловны нередко проходит в длительных поездках из Москвы в Крым, где у нее несколько имений (из них главное – Карасан, где росло до 100 тыс. кустов винограда [11, с. 477]), требовали хозяйского глаза, и в вопросах хозяйственных забот А. М. Раевская, оставшись в 1843 г. вдовой с двумя сыновьями, проявила неженскую деловитость и твердость.

Среди черновиков писем, которые имела обыкновение оставлять в своих тетрадах А. М. Раевская, сохранилось записанное ею стихотворное посвящение, озаглавленное именем адресата: «Владиславу Максимовичу» с указанием даты – «21 января 1862». Внизу текста подписано: «На станции Акбары». В оглавлении Б. Л. Модзалевский атрибутировал стихотворение так: «Стихи в честь В. М. Княжевича. 21 января», что неоспоримо: Владислав Максимович Княжевич многие годы был большим другом семьи Раевских и действительно родился 21 января 1798 г. Но остаются другие вопросы: 1) кто автор стихотворения, поскольку использованные в тексте глагольные формы указывают на мужчину; 2) каким образом помета А. М. Раевской «На станции Акбары» проясняет обстоятельства создания стихотворения? Ответы на эти вопросы входят в задачи настоящей статьи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенность в том, что стихотворение написано в традиции дружеских и связанных с семейными праздниками стихотворных посвящений 1820-х годов [5, с. 43], что подчеркнуто изысканными оборотами «вольно родиться», «дружба нежная» и классическим «Vivat!». Лаконизм и изящество дружеского экспромта свидетельствуют, что автор воспитан литературной культурой начала века, причем петербургской культурой 1815–1825 годов, когда в создававшихся литературных обществах, часто салонных, особенно активной была захваченная литературными идеями чиновная молодежь [3; 5], что, кстати, дополнительно сигнализирует нам о возрасте, роде занятий автора. Диалог именинника с гостем естественно и зримо рисует искрометно-радостную встречу старинных друзей. Приведем стихи полностью:

Владиславу Максимовичу 21-го января 1862.

*«Удивляюсь, как решиться
Ехать по такой поре?»
Но вольно же Вам родиться
Не в июне – в январе.
По дороге грязной, снежной
Я, больной, к Вам прискакал,
Чтоб в порыве дружбы нежной
С Вами осушить бокал.
Никаким желаньем новым
Не приветствую я Вас:
Дай лишь Бог Вам быть здоровым,*

*Жить для счастья всех нас!
От Фортуны смело ждите
Кучи денег и наград, –
А от нас теперь примите
Поздравленья и Vivat!*

На станции Акбары» [2, т. 5, с. 400].

Крымская почтовая станция Акбары (тат.: Айбар, Ай-бар; ныне Войково Первомайского района) образована при селе Айбар по приказу Г. А. Потемкина; находилась в степном Крыму на тракте к Перекопскому перешейку, в 87 верстах от Симферополя по дороге в Перекоп – и далее в Херсон, Николаев. К середине XIX в. станция уже хорошо устроена, так что здесь ночевал уезжавший в столицу морской министр России А. С. Меншиков [10, с. 486].

После Крымской войны село оставалось малолюдным; по зимнему времени путешественников было немного. Картина способствует логичному предположению: снежным январским вечером 1862 г. здесь, при смене лошадей, А. М. Раевская случайно встретила либо автора стихотворения, либо В. М. Княжевича – тоже проезжающих в Крым или из Крыма. В беседе коснулись минувшего дня рождения В. М. Княжевича, и Анна Михайловна решила переписать сообщенные ей стихи. Но заметим деталь: скрупулезная в записях Анна Михайловна не указывает фамилию адресата – записывает только имя и дату рождения, таким образом сохранив для памяти лишь текст – т. е., она не сомневалась, что фамилию не забудет. Не записала и фамилию автора – зная, что ее она тоже не забудет: видимо, потому что подобное стихотворение мог написать только самый близкий друг и В. М. Княжевича, и ее, А. М. Раевской. Думается, из этого и следует исходить в разгадке авторства стихотворения.

Комментарии Б. Л. Модзалевского к переписке В. М. Княжевича с А. М. Раевской передают основные сведения о В. М. Княжевиче и разъясняют деловые и жизненные обстоятельства, о которых идет речь в письмах. Но этих сведений мало, чтобы представить конкретные обстоятельства в истории стихотворения. Необходимо сопоставить ситуации «во времени» и более широко, а это возможно, если учесть, что дворянские родовые связи складывались годами и что Владислав Максимович и Анна Михайловна были крымскими дворянами, их связывали и общие для Крыма заботы.

Владислав Максимович Княжевич (21 января 1798 – 28 апреля 1873) и его жена Мария Ивановна Княжевич (рожд. Сулова, 10 декабря 1800 – 30 января 1899) поселились в Крыму в 1832 г., когда Владислав Максимович принял должность Таврического вице-губернатора, затем – председателя Таврической казенной палаты. Впоследствии Княжевичи владели на Южном берегу Крыма (по дороге из Алушты в Судак) виноградарскими имениями Кучук-Узень (ныне Малореченское) и частью имения Туак (ныне Рыбачье). Несомненно, В. М. Княжевич хорошо был знаком и с отцом Анны Михайловны М. М. Бороздиным, и с ее мужем Н. Н. Раевским, командиром Черноморской береговой линии; почтительно относился к заслугам Раевских и Бороздиных перед Отечеством.

Российский род Княжевичей был «молод»: в 1773 г. серб Максим Дмитриевич Княжевич перебрался в Россию «из Госпица, местечка в Военной-Кроации в полку Личском» [14, с. 3], стал кавалергардом Екатерины II «в числе 12-ти избранных»; в дальнейшем по рекомендации Г. Р. Державина получил место прокурора в Уфе [22, с. 132]. Отцовские трудоспособность, патриотизм, талант унаследовали его сыновья – Дмитрий, Александр, Николай и Владислав. Все четверо учились в Казанской гимназии (вместе с С. Т. Аксаковым и братьями Панаевыми). Старший из братьев, Дмитрий Максимович (25 апреля 1788 – 1 октября 1844), первым уехал в Петербург, поступив канцеляристом в Экспедицию о государственных доходах ведомства Государственного казначейства; в 1831 г. он стал директором Департамента Государственного казначейства [24, с. 103]. После смерти отца (М. Д. Княжевич умер в 1809 г.) в Петербург перебрались и младшие братья, начиная службу с самых незначительных постов в Министерстве финансов. Как и многие молодые чиновники, в Петербурге Княжевичи совмещали службу с занятиями литературой, пробовали силы в стихах и критике; являлись членами Вольного общества любителей российской словесности, в 1825 г. Д. М. Княжевич стал вице-президентом Общества [3, с. 291; 18]. Достаточно сказать, что произведения Княжевичей можно встретить в «Цветнике» 1809–1810 гг., в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года [19, с. 79–87], в «Соревнователе просвещения и благотворения», издаваемом Вольным обществом любителей российской словесности, в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова, «Невском альманахе» Е. В. Аладына, в «объединившей лучшее в словесности обеих столиц» [5, с. 224] «Полярной звезде» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, в «Калужских вечерах» А. А. Писарева и др. изданиях 1810–1825 гг. [18].

Увлеченность просвещением была в обычаях той эпохи «образования и воспитания умов» (П. В. Анненков). Кстати будет привести цитату из очерка Владислава Княжевича «Убивать время» («Невский альманах на 1825 год»), где выражено стремление к просветительским «упражнениям»: «Нет ничего более доказанного в мире, как то, что человек создан действовать: если судьба поставила вас выше всedневных нужд и работ, которым природа покоряет род человеческий, – образуйте свою душу, просвещайте свой разум, доставляйте себе благородные упражнения, употребляйте время на то, чтоб сделаться лучшими и, следовательно, более счастливыми» [9, с. 165–180]. Княжевичи работали над собой всю жизнь и, можно сказать, всю жизнь оставались «соревнователями просвещения». Так, в 1820 г. Д. М. Княжевич осуществил фольклорное издание «Подарок на святки 1820–1821 годов». В 1822 г. в С.-Петербурге (в тип. Карла Крайя) вышло его «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания оных для удобнейшего их приискания» (подписано: «Д. К.»). Собрание содержит 5365 русских пословиц и поговорок, использованных впоследствии в собрании пословиц и поговорок В. И. Даля [21, с. 103–114]. В 1823 г. братья Княжевичи издавали «Библиотеку для чтения» – прибавление к журналу «Сын отечества».

К 1830-м годам братья Княжевичи занимают серьезные чиновные посты, но для объективной характеристики их деятельности нужны более широкие сведения. Так,

Дмитрий Максимович, являясь с 1831 г. директором Департамента государственного казначейства, в 1837 г. резко меняет поприще службы. Он избран членом Российской Академии (в феврале 1837 г.) и, «по выбору» министра народного просвещения С. С. Уварова, назначается попечителем Одесского учебного округа, где организует Одесское общество истории и древностей, подготавливает к печати «Записки» Общества; издает Новороссийский календарь, «Одесский альманах» на 1839 и 1840 гг., много делает для становления народного образования в Одесском учебном округе, в том числе в Крыму [20, с. 137–152]. Это соответствует и его деятельному, энергичному характеру, и страстному с юности стремлению к наукам и литературе.

Александр Максимович Княжевич служит в министерстве финансов, и в 1858 г., после Крымской войны, в тяжелейший период подготовки крестьянской реформы ему доверяется пост министра финансов России. Николай Максимович, поэт, полковник в отставке, «страстный садовод и цветовод» [7, с. 268], с начала 1830-х годов служит председателем Рязанской губернской казенной палаты. Младший из братьев, Владислав Максимович, с 1832 г. 30 лет служил в Крыму, много сделав для хозяйственного развития губернии; особенно значима его роль председателя Таврической казенной палаты во время Крымской войны [23, с. 431–461].

В крымский период службы В. М. Княжевич опубликовал в «Одесском альманахе на 1840 год» поэтический перевод с нем. яз. поэмы «Элиазар» из «Маккавеев» И. Л. Пиркера, очерк-«путешествие» «Ишель и Гастейн». В «Одесском альманахе на 1839 год» появляется написанный В. М. Княжевичем в соавторстве с А. И. Казначеевым объемный «Очерк Южного берега Крыма». Последнее произведение имеет в свете нашей проблемы особое значение.

Текст подписан: «(А+В) К. Симферополь. Октябрь, 1838». Загадку криптонима раскрыл вскоре А. И. Казначеев в письме к Ю. Н. Бартеневу (9 марта 1842 г.) при посылке из Симферополя «Одесского альманаха»: «Литературу я очень люблю и подчас занимаюсь ею. <...> Посылаю Вам очерк Южного берега, начатый Княжевичем и dokonченный с 21-й страницы мною в 1838 году. Мы наскоро начертали его, по заказу, так сказать, издателя Одесского Альманаха (Д. М. Княжевича. – Л. О.). Теперь иное переменялось к лучшему, и я замышляю составить нечто полнее» [26, с. 123]. Задумка подписать текст «(А+В) К.», видимо, принадлежит Казначееву; в скобках скрыты имена авторов, а общая для фамилий «К» сохраняла память о их близкой дружбе, сотрудничестве. Отметим, что в тематической, сюжетной и стилистической организации текста совершенно не заметно «смены пера». Это значит, что Казначеев, писавший очерк после 21-ой страницы, уловил нюансы стилистики Княжевича и вообще тонко чувствовал слово. В «Очерке Южного берега Крыма» Княжевича и Казначеева объединяли горечь, что «Россия мало известна русским», и идея дать не мифологическое представление («полуостров представлял собой terra incognita для всего цивилизованного мира» [16, с. 5]), а «верное понятие» «об одной нашей стороне, об одном маленьком лоскутке нашего беспредельного отечества, который называется Крымом» [11, с. 470]. Ясно, что «культурное освоение Крыма было, прежде всего, российской задачей» [16, с. 7], и (А+В) К. стремились «говорить» «о настоящем состоянии» Южнобережья, потому что «в этом отношении Крым не так известен своим соотечественникам, как бы того

заслуживал» [11, с. 469–470]. На тот период наиболее актуальным отражением хозяйственного развития полуострова отличался лишь «Путеводитель путешественника по Крыму» Ш. Монтандона [13]. Собранный здесь информация была разнообразной и полезной, путеводитель создавал «документальную панораму Тавриды» [17, с. 13–14], однако в обществе явно ощущался запрос на расширение и детализацию сведений, что было под силу лишь авторам, вовлеченным в процессы местной жизни. Хорошо знавшие, по своему должностному положению, и достижения, и задачи хозяйственного развития Крыма, Казначеев и Княжевич подробно, «на пространстве» от Симферополя до Севастополя, рассказывают об освоении Южного берега, о развитии виноградарства и садоводства, строительстве дорог, создании предприятий. Дата под текстом – «Октябрь 1838» – означает окончание работы над очерком. Но она уточняет и обстоятельства: В. М. Княжевич в это время, получив отпуск, уехал на лечение в Австрию, чем и объясняется приостановка в его работе; в 1837 г. А. И. Казначеев вышел в отставку с должности Таврического губернатора, и написание очерка для него становилось своего рода отчетом, «хроникой» пережитого.

Александр Иванович Казначеев (7 ноября 1788, Рязань – 20 июня 1880, Москва) – участник Бородинского сражения, действительный тайный советник, сенатор. Начиная службу в Петербурге в 1807 г. в канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа, в 1809 г. был переведен в Комиссию по составлению законов [4, с. 33]. Здесь сдружился с С. Т. Аксаковым, хорошо знавшим Княжевичей по Казанской гимназии и, возможно, уже тогда познакомился с Дмитрием Княжевичем, а позднее и с его младшими братьями. В 1823 г. Казначеев служил правителем канцелярии наместника Новороссийского и Бессарабского М. С. Воронцова; в 1828 г. назначается на должность градоначальника в Феодосии, в 1829–1837 гг. являлся губернатором Таврической губернии. В 1834 г. пожалован в тайные советники. Следует иметь в виду, что на должность губернатора А. И. Казначеев согласился не сразу, сознавая противоречивость решений Воронцова относительно порта Феодосии; за годы губернаторства Казначеев сумел много сделать для Крыма и в 1837 г. вышел в отставку [4, с. 33–38]. А через несколько лет, в 1845 г., он был избран Таврическим губернским предводителем дворянства.

Находясь на первых постах в губернии, Казначеев и Княжевич хорошо узнали друг друга. Даже дачи их близ Симферополя в Салгирской долине (Мариино, иначе: Марьино – В. М. Княжевича и Джиен-Софу – А. И. Казначеева) находились рядом. Возникает логичное предположение, которое и попытаемся обосновать последующими рассуждениями и документами: автором стихотворного посвящения В. М. Княжевичу является А. И. Казначеев.

А насколько близки были семьи Казначеевых и Раевских, свидетельствует ряд писем Казначеева к Анне Михайловне, которые позволяют судить о самых теплых и доверительных отношениях, сложившихся еще в 1837–1841 годах, когда Н. Н. Раевский являлся командиром 1-го отделения Черноморской береговой линии и жил с семьей в Керчи. Об этом свидетельствует переписка А. И. Казначеева с А. М. Раевской 1840-х г. Еще более свидетельствуют о том сохранившиеся чудом после всех войн архивные записи в метрической книге керченской Свято-Троицкой

церкви. Здесь запись, что 5 января 1841 г. тайный советник и кавалер А. И. Казначеев и жена генерал-лейтенанта А. М. Раевская были восприемниками при крещении сына керченского градоначальника З. С. Херхеулидзева – Александра [6, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 3, л. 203]. А 26 февраля 1841 г. в той же церкви крестили сына Раевских Михаила, и восприемниками выступили А. И. Казначеев и вдова действительного тайного советника Варвара Александровна Баранова [6, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 3, л. 210]. Сказанного достаточно, чтобы видеть в Казначееве преданного друга семьи. Особенно необходимой была его и В. М. Княжевича помощь А. М. Раевской после смерти ее мужа.

В 1854 г. Казначеев стал сенатором; жил в Петербурге, в Москве. Состоял, между прочим, членом комиссии по наблюдению за постройкой Храма Христа Спасителя; в 1860–1863 гг. являлся управляющим сохранной кассы при Московском Воспитательном Доме. С переездом в 1857 г. Анны Михайловны в Москву они часто навещали друг друга, обменивались письмами и записками: скажем, опубликованные в «Архиве Раевских» письма и записки Казначеева от 15 сент. 1859 г. (2, т. 5, с. 127–129), 11 января 1860 г. (2, т. 5, с. 145), черновик записки Раевской к Казначееву, датируемый октябрем – ноябрем 1859 г. (2, т. 5, с. 135). В устройстве хозяйственных крымских дел А. М. Раевская теперь часто обращалась к жившему в Крыму В. М. Княжевичу, способному и посоветовать, и выполнить любое поручение. Так, весной 1858 г. Княжевич занимается оформлением документов по продаже дома Раевских в Симферополе для устройства в нем детского приюта. Вообще В. М. Княжевич и его жена Мария Ивановна с радостью оказывают множество разных услуг Анне Михайловне. Летом 1860 г. А. М. Раевская пишет из Москвы к Княжевичам и просит найти кухарку для приезжающего в Крым ее сына Николая [2, т. 5, с. 187]. Вот ответ М. И. Княжевич, иллюстрирующий уровень отношений (письмо на фр. языке; даем в переводе):

«30 июня 1860 г. Марьино.

Дорогая Анна Михайловна!

Ваше любезное письмо от 11 июня я имела удовольствие получить 26 числа сего месяца. Поскольку мы живем в деревне (Марьино – Л. О.), я в тот же день послала в город разыскать повара для ваших сыновей – найти его в Симферополе довольно трудно. Велико же было на завтра наше удивление, когда к нам приехал т-г Николай Раевский, но это было весьма кстати, потому что он заверил нас, что не имеет ни в чем нужды, так как Ваша экономка т-те Vorgeot, по полученным им справкам, имеет довольно хорошую кухарку, а молодые люди намеревались вести в деревне жизнь умеренную и непритязательную. Они собрались отправиться на побережье той же ночью, так что, вопреки моей воле, я не смогла помочь им в том, чего Вы желали. Жаль, дорогая Анна Михайловна, что я должна была упустить случай оказать Вам услугу...

Мой супруг и я очень сожалеем, что не можем преподнести Вам наших фотографий, хотя Ваше желание иметь их для нас обоих весьма приятно. Из десяти экземпляров фотографий моего супруга,

которые он взял из Петербурга, у него не осталось ни одной. А своей фотографии я никогда не делала.

Проведя с нами несколько часов, т-г Николай доставил нам удовольствие. Он показался нам очень благовоспитанным юношей и завоевал наши сердца. Находясь у нас одновременно с доктором, который давно живет в Крыму, он получил различные рекомендации на предмет того, как себя вести, чтобы не заболеть. Таким образом, в этом отношении Ваше желание выполнено. Мой супруг кланяется Вам, а я заверяю Вас в моей сердечной преданности.

Мари Княжевич» [2, т. 5, с. 190–191].

Сын Анны Михайловны Николай написал матери в Москву из южнобережного имения Раевских Карасан 6 июля 1860 г.: «<...> Отправился я к Княжевичевым, которые живут на своей даче в 5 верстах от Симферополя. Они приняли меня радушно, дали мне пообедать и потом отправились показывать мне и другим своим гостям сад <...>» [2, т. 5, с. 197]. Эти бытовые письма переводят наши рассуждения в важный для заявленной темы период 1860–1862 гг.; теперь оказывается необходимым любое свидетельство, восстанавливающее хронологию событий, поездок и объясняющее «хронотоп»: конец января 1862 года на станции Акбары.

Летом 1860 г., когда Николай Раевский посетил Княжевичей, они, после почти тридцатилетней жизни в Крыму, готовились к переезду в Петербург. К этому времени в живых оставался лишь один брат Владислава Максимовича – А. М. Княжевич, министр финансов России. Уже ушли из жизни Дмитрий Максимович – в 1844 г., Николай Максимович – в 1852 г. Хотя все Княжевичи были женаты, детей имел лишь Дмитрий Максимович; после его смерти заботу о племянниках – Антонине, Максиме, Екатерине и Марии – взяли на себя Александр и Владислав Княжевичи. В. М. Княжевич все более утверждает в мысли переехать в Петербург, продолжить там службу, приняв, в помощь брату Александру, должность советника министра финансов. К концу 1860 г. он с женой выезжает в столицу, оставляя пока не оформленной отставку от крымской должности.

О пребывании В. М. Княжевича в Петербурге в 1861 г. узнаем из дневника профессора Петербургского университета А. В. Никитенко. Друзья встретились в столице 6 января 1861 г. «Виделся с Владиславом Максимовичем Княжевичем, – записал А. В. Никитенко. – Очень обрадовались друг другу. Я искренно люблю и уважаю этого благородного и просвещенного человека» [15, с. 170]. 19 января 1861 г. А. В. Никитенко присутствовал на юбилее министра финансов А. М. Княжевича по поводу 50-летия его службы. А спустя два дня, 21 января 1861 г., Никитенко вновь в доме Княжевичей на Каменном острове – теперь на праздновании дня рождения Владислава Максимовича [15, с. 172]. 12 февраля: «дружеская беседа с Владиславом Максимовичем» в доме А. М. Княжевича [15, с. 176]. А. В. Никитенко встречается с В. М. Княжевичем и на юбилейном обеде 2 марта 1861 г. в честь 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского. Весенние записи А. В. Никитенко свидетельствуют, что они с В. М. Княжевичем видятся часто, подолгу беседуют [15, с. 184, 186, 191]. 7 июня 1861 г.: «<...> По обыкновению много беседовал с

Владиславом Максимовичем и с дамами. Немного погуляли. Вечер был тихий и безоблачный, с чудесным лунным светом» [15, с. 192].

Летом 1861 г. Никитенко уезжал на водные лечения. Трудно сказать поэтому, как долго оставался В. М. Княжевич в столице. Но вот важный для нас сигнал: рассказывая об обеде у министра финансов А. М. Княжевича 23 ноября 1861 г., А. В. Никитенко перечисляет всех присутствовавших, но не упомянуто о Владиславе Максимовиче; это означало, что в Петербурге его не было. Он уехал в Крым, возможно, еще летом и оставался там до февраля 1862 г.

В Крыму зимой 1861–1862 гг. оказались и А. М. Раевская, и А. И. Казначеев.

А. М. Раевская уехала из Москвы весной 1861 г., собираясь, по обыкновению, возвратиться из Крыма осенью. 20 июня 1861 г. А. И. Казначеев пишет ей из Москвы и сообщает, помимо прочего, о готовящейся поездке императорской фамилии в Ливадию в середине сентября 1861 г. Анне Михайловне он предлагает выехать из крымского имения, не ожидая поздней осени, по хорошей дороге, чтобы навестить другие имения Раевских до наступления зимы [2, т. 5, с. 300–301]. Рассказывает о своей занятости «по обязанностям первоприсутствующего в Департаментах Сената» и добавляет: «В конце июля буду свободнее, и если б было достаточно полувакантного времени, то полетел бы в Крым на крыльях восхищения» [2, т. 5, с. 301].

Приезд царской семьи был важным событием для Крыма, вносил коррективы в планы высокопоставленных владельцев южнобережных дач. Имение Ливадия было куплено удельным ведомством у наследников гр. Потоцкого; Александр II подарил его своей супруге, с тех пор имение заново застраивалось. В 1861 г., как описывалось впоследствии, «по окончании красносельского лагерного сбора» император «с императрицею и Августейшими детьми в первый раз отправился во вновь приобретенное имение»: «Они пробыли здесь до начала октября. Вся царская семья жила в этот раз в большом дворце (в доме графа Потоцкого)» [8, с. 349].

С 1867 г. царская семья приезжала в Ливадию почти каждую осень, но первый приезд для всех стал особенно значимым. По воспоминаниям К. К. Эшлиман, «царская семья жила очень просто»: «Доступ в Ливадию был открыт всем желающим, и члены царского семейства имели постоянное непосредственное общение и с ялтинскими горожанами, и с обывателями соседних деревень» [8, с. 350]. Очевидно, что А. М. Раевская, бывшая фрейлина, к тому же находившаяся в этот период в своем южнобережном имении, не могла не нанести визит в Ливадию, не участвовать в приемах. Это обусловило ее затянувшееся пребывание в Крыму до зимней поры 1861–1862 гг. Понятно теперь, почему она отправилась в Москву по крымскому бездорожью лишь в январе 1862 г.

Эту версию хронологии событий подтверждает сохранившийся в записных книжках А. М. Раевской черновик записки к В. М. Княжевичу от 17 ноября 1861 г. Документ не вошел в пятитомное издание «Архив Раевских» и хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:

«17 ноября 1861 г. из Симферополя

Добрейший Вл<адислав> М<аксимович>. Позвольте моему управляющему просить Ваших разъяснений насчет одного очень важного пункта. Положение о питейном сборе, которое столько пугает наших воронежских заводчиков. Дело в том, что мы, т. е. мои товарищи-заводчики и я, опытейшая из заводщиц, хотим даже смиренно припасть к стопам Александра М<аксимовича> (Княжевича, министра финансов. – Л. О.) и просить его о помиловании относительно какого-то параграфа, в котором говорится о каких-то чанах. Наше всенижайшее прошение будет, я вполне уверена, и красноречиво, и трогательно. В ожидании разъяснений означенного грозного параграфа остаюсь испуганная заводщица» [25, ед. хр. 351, л. 133–133 об.].

Трудно сказать, о каких чанах идет речь в Положении о питейном сборе, но остальное комментировать можно. А. М. Раевская уповает на разъяснения В. М. Княжевича о принятых министром финансов мерах по переходу от разорительной для государства откупной системы винной торговли – к акцизной. Это была не единственная инициатива министра Княжевича в трудный период реформ. Из первых его мер было обращение в апреле 1858 г. к царю за разрешением, чтобы позволено было открыто писать и печатать о финансах «все беспрепятственно». Ему удалось немало сделать для спасения финансовой системы России [24]. Не будем останавливаться на финансовых решениях Княжевича, но приведем оценку его деятельности современником: «По даровитости, многостороннему образованию и опытности в делах финансовой части он с давнего времени пользуется обширной известностью, так что о нем знают и имя его произносят с уважением во всей России. Назначением его в министры финансов было отгадано общее желание <...> Все успокоились на счет управления нашими финансами, убеждены, что он не предпримет никаких шатких или обманчивых мер и не упустит случая, когда потребуют или позволят обстоятельства, сделать все истинно полезное» [7, с. 268].

Итак, А. М. Раевская оставалась в конце 1861 г. в Крыму, в Карасане, где и зимой тепло и где она улаживала сложные хозяйственные дела. Лишь перед самым отъездом из Крыма она побывала в Марьино у Княжевичей, о чем свидетельствует написанный на почтовой станции в Перекопе черновик письма, тоже не включенный в издание «Архив Раевских». На черновике надпись «Из Перекопа», дата не указана, но расположен черновик среди корреспонденций, помеченных 29 января 1862 г. Стало быть, писался в эти сроки. Вот этот архивный документ:

«Из Перекопа.

Добрейший Вл<адислав> М<аксимович>. Возвращая Вам украденные газеты, еще раз благодарю Вас и милую Марию Ивановну за дружеский ваш прием. Видно, какая-то притягательная сила, центр которой находится в Вашем доме, задерживает меня на пути, потому что насилу я добралась в двое суток до Перекопа.

Первую ночь я провела на хуторе г. Цомакиона, вторую – в Дюрмене (ныне ж/д станция Мамут в Джанкойском районе на севере Крыма. – Л. О.), и, кажется, придется провести третью здесь,

потому что лошадей нет, да и при тяжелой спешной дороге я ни в коем случае не успею сделать сегодня более одной станции.

Прошу Вас поблагодарить от меня Степана Федоровича и Елизавету Семеновну (Цомакионов. – Л. О.) за покойный ночлег на их хуторе, из которого я выехала довольно поздно, потому что, подъезжая к нему, мы загрузили в канаве на обледеневшем водопое и в моей коляске что-то сломалось. Приехавши в Москву, я тотчас займусь поручениями Марии Ивановны, но лучше будет, если она меня известит, хотя через Александра Ивановича (Казначеева – Л.О.), к какому сроку поручение должно быть выполнено.

Р. S. Прошу Марию Ивановну сказать Крым-Гирею, чтобы он дня через 2 узнал, получил ли губернатор газеты, которые я ему возвратила через перекопского исправника.

Шуба меня очень греет» [25, ед. хр. 351, л. 181–182].

Письмо, как видим, готовилось в дороге, по пути из Симферополя в Москву. Содержание вполне подтверждает, что накануне отъезда Анна Михайловна побывала в гостях у Княжевичей. Учитывая ночевки в пути, датировать отъезд от Княжевичей следует 25–26 января 1862 г. Фраза в письме, что о поручении Марии Ивановны лучше «известить через Александра Ивановича», думаю, объясняется следующим образом: Казначеев, находившийся в своем южнобережном имении, собирался выезжать из Крыма вскоре после отъезда А. М. Раевской и, по ее расчету, в Москву приехал бы гораздо раньше, нежели дошло до Москвы письмо Марии Ивановны. Отсюда следует и наша уверенность, что осень 1861 г. и январь 1862 г. Казначеев провел в Крыму.

Он, кстати, вообще любил зиму на Южном берегу. Обратимся, например, к переписке А. И. Казначеева 1840-х годов. В январе 1842 г. он писал в Петербург Ю. Н. Бартеневу из своего имения Минга в Артеке, близ Сууксинского холма (сегодня называется Пушкинской скалой) – сидя «на скале, под благодатным небом», «окруженный горами и высокою природой», где «от большого света так далеко, а от неба близко»: «<...> Сегодня 6 Генваря (Генваря! – Л. О.), а у нас светло и тепло повесеннему; еще цветов много и зелени довольно, розовые кусты особенно сохраняют массу роз в полной свежести; миндали в зеленых листьях, не говоря уж о лаврах и оливах. Мы ходим гулять в летнем платье поутру, рвем розы на воздухе и украшаем обеденные столы свои огромными букетами; вечерние прогулки наши прекращаются лишь темнотою ночи. Если Вы спросите: “но всегда ли у вас такая весенняя зима?”, без ошибки и не обинуясь отвечать буду: “не всегда, а почти или около того”» [26, с. 123].

Заметим не только характерное «Генваря», но и использованные в письме диалогические конструкции – как и в стихотворном посвящении В. М. Княжевичу. И вот что еще важно в этой переписке 20-летней давности: следующее письмо А. И. Казначеев написал Бартеневу из Симферополя – «20 Генваря 1842» [26, с. 114–115]. Случайно ли предпринятый Казначеевым трудный выезд из горного Южнобережья в Симферополь (на лошадях не менее 6–7 часов пути) приурочен именно к 20 января? Не без оснований можем предположить, что Казначеев

стремился в Симферополь к этой дате, чтобы быть 21 января у В. М. Княжевича в день его рождения.

В 1862 г. для постаревших друзей встреча «21 Генваря» обрела уже символический смысл, и Казначеев спешил к Княжевичу («Я, больной, к Вам прискакал») – по погоде холодной, ветреной, «по дороге грязной, снежной». Он не мог пропустить дружеское торжество и потому, что знал о грядущих переменах в судьбе и карьере В. М. Княжевича, и в стихах поддерживал друга: «От Фортуны смело ждите...»

На семейном празднике Княжевичей 21 января 1862 г. Анна Михайловна по причине простуды не была, оставаясь в Карасане. Об этом она пишет (на фр. яз.) золовке, Софье Николаевне Раевской (сестре Н. Н. Раевского), из Харькова 9 февраля 1862 г.: что последние две недели в Крыму болела гриппом и что отъезд из имения задержали дела по устройству отношений с крестьянами [2, т. 5, с. 403]. К Княжевичам в Марьино она заехала по пути из Карасана в Симферополь после 21 января. Из Марьино, уже по морозной погоде, она отправлялась в Москву, и потому Княжевичи дали ей в долгую дорогу шубу.

Во время этого январского визита Анны Михайловны супруги Княжевичи, разумеется, говорили о приезде к ним 21 января А. И. Казначеева и показали стихотворение, которое гостя захотела списать с оригинала, сделав наскоро черновой набросок. Остается представить последнее: среди дорожных мытарств в течение двух суток, в ожидании лошадей на станции Акбары Анна Михайловна переписала стихотворение набело на отдельный листок, и произошло это, если оттолкнуться от черновика с пометой «В Перекопе», 28 или 29 января, а не 21 января – как указано в рукописи. Дата 21 января – в данном случае указание на само событие – день рождения В. М. Княжевича.

Но не одно это событие оказалось значимым для Княжевичей в январе 1862 г. 23 января 1862 г. ушел в отставку с поста министра финансов А. М. Княжевич. Последовательно настаивая на бюджетной гласности, он получил, наконец, накануне своей отставки Высочайшее повеление на обнародование «для всеобщего сведения» росписи государственных доходов и расходов («Табель доходов и расходов Государственного казначейства на 1862 год, составленная по государственной росписи, Высочайше утвержденной 22 января 1862 года»). В этот же день, 23 января 1862 г., А. М. Княжевич назначен членом Государственного Совета.

26 января 1862 г. в Симферополе В. М. Княжевич пишет прошение об отставке от должности председателя Таврической казенной палаты [6, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5672, л. 3–3 об.] и вскоре переезжает в Петербург.

А. М. Раевская и в Петербурге еще не раз обращалась к нему за дружеским советом по разным вопросам. Так, в воскресенье 14 марта 1865 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Поутру у В. М. Княжевича. Там познакомился с А. М. Раевскою, состоящею в родстве с Ломоносовым (муж А. М. Раевской Николай Николаевич по материнской линии приходился правнуком М. В. Ломоносову. – Л. О.). Она просила моего совета, как ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованием день 4 апреля – чествование Ломоносова в Академии наук. Она определяет для этого 2000 рублей, чтобы из них были учреждены стипендии для

образования в университете четырех молодых людей из крестьян Архангельской губернии, преимущественно Куроостровской волости. Мы с Княжевичем посоветовали ей обратиться с своим проектом к президенту Академии наук. Я взялся написать ей об этом бумагу» [15, с. 503]. На другой день, в понедельник 15 марта, Никитенко был у А. М. Раевской с готовым письмом к президенту Академии наук Ф. П. Литке, и письмо это Анна Михайловна одобрила. 20 марта Никитенко обедал у Раевской. 26 марта Раевская известила Никитенко, что царь утвердил ее стипендию, которая будет называться, по предложению Никитенко, «Ломоносовская стипендия Раевского». Таким образом, вся процедура заняла лишь 10 дней.

На академическом акте, посвященном памяти М. В. Ломоносова, Никитенко прочел речь «О значении Ломоносова в отношении изящной русской словесности», речь, как ему показалось, не очень удачную, но все же имеющую пользу. В знак признательности А. М. Раевская подарила ему фотографический портрет Ломоносова. А 29 декабря 1865 г. на обеде у Анны Михайловны собрались вместе В. М. Княжевич, А. И. Казначеев и А. В. Никитенко. «До обеда разбирал с хозяйкой черновые бумаги Ломоносова, которые хранятся у одного из потомков его – Орлова (сестра Н. Н. Раевского Екатерина Николаевна была замужем за М. Ф. Орловым. – Л. О.). Много бумаг написаны собственной рукою Ломоносова: почти все они касаются академических дел», – записал в дневнике Никитенко [15, с. 557].

Как видим, А. И. Казначеев, В. М. Княжевич и А. М. Раевская по-прежнему вместе.

Последние годы жизни В. М. Княжевич провел в столице. Запись в дневнике А. В. Никитенко от 17 декабря 1864 г. – наиболее впечатляющая характеристика В. М. Княжевича: «Вечером у Владислава Максимовича Княжевича. Вот один из немногих, у которых прекрасное сердце и ясный ум в связи с прочно установившимся возвышенным характером. <...> С первого взгляда в нем не подозреваешь ни того богатства мысли, ни той энергии в преследовании добра, ни той деликатности и полноты сердца, какими он вас изумит, когда вы поближе с ним познакомитесь. <...> Он любит Россию как благородный человек и как просвещенный гражданин» [15, с. 484].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Стихи в честь В. М. Княжевича. 21 января» потребовали широкого филологического и исторического комментария, помогающего лучше понять эпоху, которая, по словам издателя «Архива Раевских» П. М. Раевского, «охватывается сохранившимися документами». В этом смысле современная контекстовая актуализация стихотворения послужит восстановлению «фрагмента» к историческому портрету выдающегося крымского администратора А. И. Казначеева. Значимость представленных материалов состоит, как видим, в возможностях расширения регионального культурно-исторического дискурса.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3-х т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2. Воспоминания; Литературные и театральные воспоминания. – 557 с.

2. Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1–5. – СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908–1915. – Т. 1 [Письма 1791–1829 гг.]. – СПб, 1908. – XV, 574 с.; т. 5 [Письма 1858–1876 гг.] – Пг, 1915. – XXV, 776 с.
3. Базанов В. Г. Ученая республика. – М.–Л.: Наука, 1964. – 462 с.
4. Бобков В. В. Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев: Основные вехи административной деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2010. – Серия «Исторические науки». – Т. 23 (62). – № 1. – С. 32–41.
5. Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. – М.: Книга, 1989. – 415 с.
6. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6384.
7. Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. – 1898. – Кн. 1, вып. 1–4. – С. 239–276.
8. К 75-летию Ялты. Воспоминания К. К. Эшлиман. Сообщено В. Кашкаровым // Русский архив. – М.: Синодальная тип., 1913. – Кн. 1. – № 3. – С. 341–359.
9. Княжевич Вл. Убивать время // Невский альманах на 1825 год. – СПб, 1825. – С. 165–181.
10. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1855 // Русская старина. – 1877. – № 8. – С. 475–486.
11. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Мелкие рассказы Михаила Максимовича Попова // Русская старина. – 1896. – № 3. Март. – С. 543–565.
13. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стилос, 2011. – 414 с.
14. Надеждин Н. И. Род Княжевичей. – Одесса: Одесская городская типография, 1842. – 102 с.
15. Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. – Л.: ГИХЛ, 1955. – Т. 2: 1852–1865. – 651 с.
16. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
17. Орехов В. В. Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стилос, 2011. – С. 10–39.
18. Орехова Л. А. «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сборник научных статей. Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. С. 114–124.
19. Орехова Л. А. Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Т. 1(67). – № 1. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2015. – С. 79–87.
20. Орехова Л. А. О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2021. Филологические науки. – Т. 7(73). – № 2. – С. 137–152.

21. Орехова Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича // В. И. Даль – писатель и этнограф: Сб. научных трудов, посв. 200-летию В. И. Даля. – Торжок, 2003. – С. 103–114.
22. Орехова Л. А. Сосед Державина М. Д. Княжевич // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород: Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
23. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
24. Разманова Н. А. «...Способен и достоин»: Д. М. Княжевич в министерстве финансов (1805–1837 гг.) // Гуманитарные науки. История. – 2012. – № 1(5). – С. 97–106.
25. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Ф. 253. Архив Раевских. – Ед. хр. 680.
26. Юрий Никитич Бартенев (По его бумагам. 1840 годы) // Русский Архив. – 1898. – Кн. 1. – С. 100–124.

References

1. Aksakov S. T. *Sobranie sochinenij: V 3-h t.* [Collected works. In 3 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1986, vol. 2: Vospominanija; Literaturnye i teatral'nye vospominanija. 557 p.
2. *Arhiv Raevskih* [Archive of Raevsky] Ed. by P. M. Raevsky, B. L. Modzalevsky. St. Petersburg, Tipografija M. A. Aleksandrova Publ., 1908–1915, vol. 1. 776 p.
3. Bazanov V. G. *Uchenaja Respublika* [Scientific Republic]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 462 p.
4. Bobkov V. V. *Feodosijskij gradonachal'nik Aleksandr Ivanovich Kaznacheev: Osnovnye vehi administrativnoj dejatel'nosti* [Feodosia mayor Alexander Ivanovich Kaznacheev: Main milestones of administrative activity]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2010, vol. 23 (62), no. 1, pp. 32–41.
5. Vacuro V. Je. S. D. P. *Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoj pory* [S. D. P. From the history of the literary life of the Pushkin era]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 415 p.
6. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym* [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund 49, inventory 1, item 6384.
7. *Zapiski grafa M. D. Buturlina* [Notes by Count M. D. Buturlin]. *Russkij arhiv*, 1898, vol. 1, no. 1–4, pp. 239–276.
8. К 75-летию Ялты. Vospominanija K. K. Jeshliman. Soobshheno V. Kashkarovym [To the 75th anniversary of Yalta. Memoirs by K. K. Ashliman. Reported by V. Kashkarov]. *Russkij arhiv*, 1913, vol. 1, no. 3, pp. 341–359.
9. Knjazhevich Vl. *Ubivat' vremja* [Wasting time]. *Nevskij al'manah na 1825 god*. St. Petersburg, 1825, pp. 165–181.
10. *Knjaz' Aleksandr Sergeevich Menshikov v rasskazah byvshego ego ad#jutanta Arkadija Aleksandrovicha Panaeva. 1855* [Prince Alexander Sergeevich Menshikov in the stories of his former adjutant Arkady Alexandrovich Panaev. 1855]. *Russkaja starina*, 1877, no. 8, pp. 475–486.
11. *Krymskij mif v russkoj kul'ture pervoj poloviny XIX v. Svod maloizvestnyh svidetel'stv sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture in the first half of the 19th century. Collection of little-known testimonies of contemporaries]. Ed. by K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orehova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet. Veliky Novgorod, Simferopol, Rastr Publ., 2017. 768 p.

12. *Melkie rasskazy Mihaila Maksimovicha Popova* [Small stories by Mikhail Maksimovich Popov]. *Russkaja starina*, 1896, no. 3 (March), pp. 543–565.
13. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to the Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2011. 414 p.
14. Nadezhdin N. I. *Rod Knjazhevichej* [Knyazhevich family]. Odessa, Odesskaja gorodskaja tipografija Publ., 1842. 102 p.
15. Nikitenko A. V. *Dnevnik: V 3-h t.* [A diary. In 3 volumes]. Leningrad, GIHL Publ., 1955, vol. 2: 1852–1865. 651 p.
16. Orehov V. V. *V labirinte krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
17. Orehov V. V. *Pervyj putevoditel' po Krymu* [The first guide to the Crimea]. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym*. Kiev, Stilos Publ., 2011, pp. 10–39.
18. Orehova L. A. «Arzamas» i literaturnye orientiry D. M. Knjazhevicha ["Arzamas" and literary principles of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe obshhestvo «Arzamas»: istorija i sovremennost'*. *Sbornik nauchnyh statej*. Arzamas. Nizhnij Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 114–124.
19. Orehova L. A. *Literaturno-kriticheskie vozzrenija D. M. Knjazhevicha (po publikacijam v «Sankt-Peterburgskom vestnike» 1812 goda)* [Literary and critical views of D. M. Knyazhevich (according to publications in the St. Petersburg Bulletin of 1812)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 79–87.
20. Orehova L. A. *O prepodavanii russkogo i nacional'nyh jazykov v uchebnyh zavedenijah Tavricheskoj gubernii pervoj treti XIX veka* [On the teaching of Russian and national languages in educational institutions of the Tauride province of the first third of the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
21. Orehova L. A. *O sobranijah poslovic V. I. Dalja, F. I. Buslaeva i D. M. Knjazhevicha* [On the collections of proverbs by V. I. Dal, F. I. Buslaev and D. M. Knyazhevich]. *V. I. Dal' – pisatel' i jetnograf: Sb. nauchnyh trudov, posv. 200-letiju V. I. Dalja*. Torzhok, 2003, pp. 103–114.
22. Orehova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knjazhevich* [Derzhavin's neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskij Derzhavinskij sbornik (K 200-letiju so dnja smerti pojeta)*. Velikiy Novgorod, Nov GU im. Jaroslava Mudrogo Publ., 2016, pp. 130–142.
23. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
24. Razmanova N. A. «...Sposoben i dostoin»: D. M. Knjazhevich v ministerstve finansov (1805–1837 gg.) ["...Capable and worthy": D. M. Knyazhevich in the Ministry of Finance (1805–1837)]. *Gumanitarnye nauki. Istorija*, 2012, no. 1(5), pp. 97–106.
25. *Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Fund 253 (Arhiv Raevskih), storage unit 680.
26. Jurij Nikitich Bartenev (Po ego bumagam. 1840 gody) [Yuri Nikitich Bartenev (According to his papers, 1840-s)]. *Russkij Arhiv*, 1898, vol. 1, pp. 100–124.

**AUTHOR AND ADDRESSER OF ONE POEM
FROM THE ARCHIVE OF A. M. RAEVSKAYA**

Orekhova L. A.

In the archive of M. Raevskaya has preserved the poem "To Vladislav Maksimovich. January 21, 1862". The text is handwritten by M. Raevskaya, but belongs to another author. In addition, the text has a mysterious mark "At the Akbary station" (this is a postal station in the north of Crimea). All this is an occasion for the creation of a philological and historical commentary. We know the name of the addressee of the poem. This is V. M. Knyazhevich - the chairman of the Taurida Treasury Chamber. But there are other questions. Who is the author of the dedication? How does the litter "At the station of Akbary" clarify the development of the creation of the poem? The answers to these questions are the subject of this article. The article uses a large number of philological, chemical, regional-historical, historical-biographical, archival materials. This allows us to express the conviction that the author of the poem is a friend of A. M. Raevskaya and V. M. Knyazhevich, the Tauride Governor of 1829–1837, Senator A. I. Kaznacheev.

Keywords: A. M. Raevskaya, V. M. Knyazhevich, A. I. Kaznacheev, "Essay on the Southern Coast of Crimea", "Odessa Almanac", literary Crimean studies.

**ЛИРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ
В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА
«Я С КАЖДЫМ МОГУ ГОВОРИТЬ НА ЕГО ЯЗЫКЕ...»)**

Остапенко И. В., Гришина С. А.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: i_ostapenko@mail.ru*

В статье рассмотрены параметры художественности лирического произведения на материале стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...» из книги «Будем как Солнце» (1903). На семиотическом уровне выявлен принцип иносказательности – символичность художественного языка. Эстетический уровень представлен синтезом модусов героики и идиллики как типов завершения художественного целого. Коммуникативный уровень презентует «дискурс согласия» при активной позиции рецептивного сознания. Креативная деятельность авторского сознания направлена на расширение сознания реципиента. К. Д. Бальмонт эстетически обрабатывает философскую трактовку миропорядка. Информация, заложенная в тексте, не нова для современного ему читателя начала XX века, и читатель волен выбирать между принятием или отвержением знаний автора. Эстетическая ценность произведения состоит в том, что концепированный, или идеальный, читатель способен принять и трансформировать в собственном сознании духовный опыт автора. Выявленные параметры художественности стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке» позволяют отнести его к неотрадиционалистской субпарадигме модернистской парадигмы художественности.

Ключевые слова: Лирическое произведение, книга стихов «Будем как Солнце», К. Д. Бальмонт, тип иносказательности, картина мира автора, субъектная и объектная структура художественного языка, хронотоп, символический художественный язык, модус художественности, художественные компетенции, художественная парадигма.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «лирическое произведение» актуализирует смыслы, позволяющие рассматривать его в аспекте искусства как одного из видов человеческой деятельности, в первую очередь, духовной. «Произведение», в широком смысле, с точки зрения семантики представляет собой результат некоей деятельности активного субъекта. Определение «лирическое» (лирика – род художественной литературы) сужает универсальный смысл и в то же время акцентирует природу и субъекта действия, и саму деятельность – художественную. Лирическое произведение, таким образом, является продуктом деятельности креативного субъекта – автора¹, его творческой художественной² реализацией.

Как один из родов художественной литературы, лирика обладает типическими признаками литературности, и одновременно ей присущи специфические черты. Понятие литературности актуализировано в теории литературы XX в. в работах Н. Гудмена [11], Ж. Женетта [13], Ю. Лотмана [18], Цв. Тодорова [27] Ю. Тынянова [30], В. Шкловского

¹ от лат. Auctor – творец или от греч. Autos – сам.

² (ст.-сл. яз. *Хждогъ* – «опытный, искусный» <готск. **handags* «ловкий, умелый», от *handus* «рука». *Художник* буквально – «с умелыми руками»).

[34], Р. Якобсона [35; 36]. В работе «Лингвистика и поэтика» [35] Р. Якобсон в осмыслении понятия литературности применяет функциональный подход и приходит к выводу о том, что литературность определяется реализацией поэтической функции высказывания. С точки зрения ученого, поэтическое высказывание «ориентировано само на себя, на свое сообщение, т. е. на его форму. Внутритекстовые интенции преобладают в нем над внетекстовыми, это текст, замкнутый сам на себя» [14, с. 23].

К типическим чертам, свойственным всем произведениям искусства, отнесем соответствие его законам – конвенциальность; целостность и завершенность; оригинальность и неповторимость; конвергентность [26]. Эти законы оформились в процессе выделения и становления искусства как одного из видов духовной деятельности человека последовательно через осмысление ее семиотической, эстетической и коммуникативной природы. Так постепенно складывалось понятие художественности, осознанное и отрефлексированное в работах литературоведов XX–XXI вв. [23, с. 288–290]. Художественная деятельность имеет дискурсивный характер, поскольку к ее результату – художественному произведению – причастны креативное сознание автора и рецептивное сознание читателя, в разных аспектах находящие отклик в сознании референтного субъекта – центра эстетического объекта.

Характер участников художественного дискурса – адресанта (креативного авторского сознания), предмета (референтное сознание героя), адресата (рецептивное читательское сознание) – изменяется в ходе смены культурологических эпох, но их взаимодействие оказывается взаимообусловленным, что и формирует некие специфические черты художественности, присущие определенным стадиям развития литературного процесса.

Художественность таким образом приобретает вполне конкретные критерии и обнаруживается в самой природе литературной деятельности. На уровне семиотической природы литературы таким критерием является способ иносказания, или тип художественного языка (аллегория, эмблема, символ, гротеск), выявляющий условно-конвенциальный характер художественной реальности. Эстетическая природа литературного произведения эксплицируется способом завершения художественного мира, или модусом художественности (героика, идиллика, ирония и др.), в соответствии с законами целостности и оригинальности. Коммуникативная природа эстетического объекта выявляется через художественные компетенции участников дискурса как художественного, или поэтического высказывания (креативные, референтные, рецептивные). Синтез критериев художественности формирует парадигмы художественности (традиционализм, креативизм, модернизм) в соответствии с ценностными ориентирами художественного дискурсивного сознания. Смена парадигмы художественности не отменяет наработанного ранее, но использует достижения творческой мысли на другом уровне, смещает акценты, наполняет новыми открытиями и демонстрирует эволюцию художественного сознания развивающейся культуры.

Поскольку в данной работе заявлено исследование «в контексте парадигмы художественности» «лирического произведения», определим его специфические черты, которые во многом дополняют и корректируют особенности художественности конкретного текста. Родовыми характеристики лирики является синкретизм авторско-геройного плана, тематичность слова, особая ритмическая и звуковая организация [7]. С. Н. Бройтман в «Исторической поэтике» [7], развивая и дополняя размышления М. М. Бахтина [5], В. Н. Веселовского [10], О. М. Фрейденберг [31], доказывает, что в

лирике «автор и герой “нераздельны и неслиянны”» [7, с. 95], в ней «не произошло ни объективации героя, ни самообъективации автора», автор и герой предстают как «субъекты художественного события», которые более, чем в других родах, «сохраняют синкретизм» [7, с. 105].

Лирике присуща «своеобразная субъектная «оборачиваемость», основанная на изначальном мифологическом тождестве субъектов, «особая роль ритма-звука-слова» и «соотнесенность текста с внехудожественной ситуацией» [7, с. 107]. Бахтинское определение «тематичности» лирического слова С. Н. Бройтман связывает с «внесловесной ситуацией высказывания» [7, с. 108], описанной в трудах О. М. Фрейденберг, изучавшей древнегреческую лирику. «Внесловесные ситуации высказывания», по мнению ученого – это «бывшие субъекты-адресаты поэзии, сначала непосредственно совпадавшие с автором, а потом ставшие лирическими масками-персонажами, обусловившими тип автора и тематику его песен» [Цит. по: 93, с. 108].

Таким образом, понятия критериев художественности на разных стадиях развития литературного процесса и родовой специфики лирики являются теоретико-методологической базой исследования лирического произведения в контексте парадигмы художественности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования в статье избрано стихотворение К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...», которое открывает цикл «Сознание» книги стихов К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» (1903) [2]. Предмет исследования – поэтика стихотворения, эксплицирующая авторские интенции, адресованные воспринимающему сознанию.

Цель исследования – выявить параметры художественности произведения (тип художественного языка, модус художественности, художественные компетенции), что позволит определить его место в литературном процессе и эстетическую ценность в художественном дискурсе современной культуры.

Стихотворение «Я с каждым могу говорить на его языке...» будем рассматривать как самоценное сообщение с преобладающей поэтической функцией, как поэтическое высказывание креативного авторского сознания, направленное на себя самое. Поэтому в своем исследовании сосредоточимся на внутритекстовых интенциях, но при этом будем учитывать его включенность в цикл и книгу, поскольку общие поэтические тенденции отражены в той или иной мере в частном высказывании. Кроме того, невозможно рассматривать высказывание, даже поэтическое, без идентификации адресанта, авторского сознания, неразрывно связанного с эмпирической личностью автора, о чем настоятельно предупреждал М. Бахтин в статье «Искусство и ответственность» [5, с 5–6].

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) – знаковая фигура в русской литературе начала XX века, один из первых символистов, который не только обогатил поэтическую сокровищницу национальной культуры, но своими эстетико-философскими рефлексиями способствовал расширению духовного плана художественного сознания. Личность и творчество К. Д. Бальмонта вызвали широчайший интерес соратников по перу [8] и современных ему литературных критиков [1; 15], не ослабевает к нему внимание литературоведов и впоследствии, и в наши дни [9; 16; 19; 32]. В соответствии с целями и задачами нашего исследования, в частности, чтобы подчеркнуть богатство и

ценность поэтической личности К. Д. Бальмонта, приведем высказывание о нем И. Анненского: «В поэзии Бальмонта есть все, что хотите: и русское предание, и Бодлер, и китайское богословие, и фламандский пейзаж в роденбаховском освещении, и Рибейра, и Упанишады, и Агура-мазда, и шотландская сага, и народная психология, и Ницше, и ницшеанство. И при этом поэт всегда целостно живет в том, что он пишет, во что в настоящую минуту влюблен его стих, ничему одинаково не верный» [1, с. 107]. То есть, богатая эрудиция и внутреннее стремление к осознанному постижению мироустройства направляли автора в русло создания собственной концепции мира и человека.

Один из наиболее плодотворных этапов духовно-творческого пути К. Д. Бальмонта отражен в книге стихов «Будем как Солнце». Для сорокалетнего поэта она стала квинтэссенцией эстетических поисков – на содержательном уровне поэт идет путем проникновения в глубинную суть явлений и их синтезирования, на уровне формы отчетливо проявляются черты индивидуального стиля. В целом, книга обретает символистскую направленность, что запечатлено автором в подзаголовке «Книга символов». В. Брюсов в одной из первых рецензии отметил – «в этой книге творчество Бальмонта разлилось во всю ширь и видимо достигло своих вечных берегов» [8].

Книга «Будем как Солнце» состоит из семи частей, их принято рассматривать как лирические циклы, снабженные отдельными названиями, объединяющими тексты в целостные высказывания. Интересующее нас стихотворение «Я с каждым могу говорить на его языке...» открывает шестой цикл книги под названием «Сознание».

Обратим внимание, что К. Д. Бальмонт назвал свое произведение не «книгой стихов», что было традиционно для современной ему организации художественного материала, а «книгой символов». Откровенный посыл автора ориентирует читателя на восприятие каждого отдельного текста именно как на символ – стихотворение-символ.

Исходя из семиотической природы художественного произведения, любой образ является «знаком знака», «иносказанием». Внешняя сторона знака в художественном тексте созвучна с именем в языке коммуникации, а его значение и смысл варьируются в зависимости от целей и задач авторского сознания, создающего собственный художественный язык для своего высказывания-произведения. К. Д. Бальмонт, конечно, облегчает работу исследователя, практически, определяя тип художественного языка как символический. Но, как представляется, идти за такими авторскими подсказками в художественном мире не совсем продуктивно. Следовательно, чтобы аналитически определить тип художественного языка, необходимо рассмотреть его на уровне структуры – субъектной и объектной организации художественного текста.

Субъектная организация предполагает анализ системы голосов (глосализация), внутритекстовых дискурсов (композиция), ритмических рядов (ритмотектоника). Объектная организация просматривается на уровне объектной детализации (фокализация), системы эпизодов (сюжет), системы хронотопов (архитектоника целого). Поскольку стихотворение является лирическим произведением, представляется возможным дополнить методику исследования обращением к категории «картины мира автора в лирике» [21; 22], эксплицированной в тексте на субъектном, хронотопном, образном и сюжетном уровнях. При этом необходимо помнить о синкретизме как генетическом коде лирике, который обнаруживается на всех уровнях художественного произведения.

Исходя из синкретизма лирики, авторское сознание эманерирует из себя творческую интенцию – автора-творца, разворачивающуюся в художественное произведение,

синкретическое единство события изображенного и события изображения, или художественного мира и текста. Каждый из названных элементов картины мира автора является паритетным элементом авторского сознания.

Субъектная организация лирики на внутритекстовом уровне представлена перволичной формой («я», внеличный голос, личные местоимения), формой «я-другой» и формой «другой» [21]. Синтез этих форм очерчивает образ лирического субъекта текста как презентанта авторского сознания. На уровне субъектной структуры художественного языка выявляется система голосов, на уровне объектной организации – актанты эпизодов и их объектная детализация.

Для наглядности приводим текст стихотворения полностью:

*Я с каждым могу говорить на его языке,
Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке.*

*Я знаю, что некогда, в воздухе, темном от гроз,
Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос.*

*Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле,
Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле.*

*Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен,
И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон.*

*Я был беспощадным, когда набегал на врагов,
Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов.*

*С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе,
И молча я вторил сраженный «О, слава тебе?»*

*И мной, безымянным, не раз изумлен был Сократ.
И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят.*

*Я с каждым могу говорить на его языке,
Ищи меня в небе, ищи меня в темной реке [2, с. 428]*

Как видим, в стихотворении преобладают именно субъектные формы, но они же раскрывают и объектную организацию на уровне детализации. Преобладающей субъектной формой является перволичное «я», представленное как начальной формой местоимения (11), так и косвенными формами – «мною», «мне», «меня» (6), а также глаголами в перволичной форме – «знаю» (2). Объектные характеристики перволичного актанта обнаруживаются через его коммуникацию с «другими». Чтобы их осмыслить, необходимо этих «других» идентифицировать.

К сфере «другого» отнесем такие субъектные формы: «каждый», «ручей», «река», «братья», «червь», «Солнце», «враги», «враг», «Сократ», «ты» («ищи»). Этот ряд форм сам по себе уже является информативным, поскольку выстраивает облик перволичной формы лирического субъекта. Но обратить внимание в первую очередь следует на иное –

на связь между субъектными формами. Отношения между субъектными формами всегда имеет коммуникативную основу, но в данном тексте коммуникация прямо эксплицирована «языком» – «Я с каждым могу говорить на его языке». Художественный образ «язык» – центральный во всем произведении, и именно он несет наибольшую смысловую нагрузку. Язык – средство коммуникации, это основное значение знака-образа, но у К. Д. Бальмонта первичное значение расширяется за счет наполнения новыми смыслами, что является основной отличительной чертой символа как художественного языка [26, с. 25]. Язык как средство общения эксплицирует картину мира человека, является презентантом его мировоззрения, то есть, выражает собственно индивидуальность говорящего. Лирическое «я» К. Д. Бальмонта может говорить с «каждым» на «его языке» – это значит, что между «я» и «каждым» установлена субстанциальная близость, сродство, единение.

Рассмотрим последовательно фигуры собеседников, которых авторское сознание выбирает для оформления лирического «я». Буквально в первой строфе «каждый» в функции «другого» представлен «ручьем» и «рекой». Конечно, это маркеры пространственных реалий, но в данном тексте они выполняют субъектную функцию – *«Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке»*. Образы актуализируют символический смысл, поскольку говорить с пространством субъект не может. Собеседник должен также владеть языком, и раскрывается он именно через символику – жизни, ее динамики. «Ручей» акцентирует символику изначальности, истока, «река» – текучести, изменчивости; в каждом обнаруживается бинерное единство: «ручей» соединяет подземное и наземное пространства, «река» – разделяет два берега. Здесь актуализируются языческие и пантеистические представления одушевления природных стихий.

Следующие субъектные формы «другого», дополняющие облик перволичного субъекта на уровне объектной детализации, можно представить в антиномиях – «братья» / «враги», «червь» / «Солнце». «Братские» отношения у перволичного субъекта с «длиннокрылыми», имплицитными насельниками небесного пространства; «червь» обитает в «земле», но весенней; с «весной» и «рассветом» коррелирует образ «Солнца», как источника жизни, в единстве с которым явлено лирическое «я» – *«Я с Солнцем сливался»*.

Образ «Солнца» является смысло- и структурообразующим в масштабах всей книги, той «связующей нитью» (М. Волошин), которая удерживает конструкцию целостного авторского высказывания. В тексте он коррелирует с образом «языка» через символику человеческого творчества и божественного творения. «Язык» символически связан со «Словом» как результатом творения, а «Солнце», с пропиской буквы, с истоком мирового творения – с Богом. Созидательные мотивы в тексте органично переплетаются с деструктивными, что подчеркивает антиномичность перволичного лирического субъекта – *«Я был беспощадным, когда набегал на врагов, / Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов»*.

Особое место среди «других» занимает «Сократ» – традиционный символ человеческой мудрости – *«И мной, безмянным, не раз изумлен был Сократ»*. «Безмянность» перволичного субъекта, намеренная уничижительность (Ср. у А. С. Пушкина «И меж детей ничтожных мира, // Быть может, всех ничтожней он»), как видим, не стала преградой для выбора собеседника, как впрочем, и в случае с «Солнцем», что вполне вписывается в эстетическую традицию идентификации поэта-пророка,

вестника, «божественного глагола». Истоки таких высоких амбиций авторского сознания станут более понятны, если рассмотреть еще один ряд субъектных форм текста – «я-другой».

Напомним, эта субъектная форма актуализировалась в лирике эпохи модальности, когда синкретизм авторско-геройного плана проявился через принцип дополнительности. Лирическое «я», которое перестало быть аналогом автора, что можно было наблюдать в эйдетическую эпоху, потребовало для своей завершенности «другого». Но не только «другого» дистанцированного, а «себя как другого», «внутреннего другого», того «я», которое может быть открыто другим, которое позволяет и себе самому посмотреть на себя как бы со стороны.

Обратим внимание, что анализируемое стихотворение начинает цикл «Сознание». Понятие «сознание» является одной из онтологических категорий, разные науки и религии дают ему свою трактовку. Обобщая взгляды ученых и теологов, можно посмотреть на «сознание» как на синтез аспектов личности – духовного, эмоционально-этического, физического. В поэтическом мире этот синтез возможно обнаружить в субъектной организации текста. Облик лирического субъекта отдельного произведения создается авторским сознанием из взаимодействия перволичного «я» (духовный план), «я-другого» (эмоционально-этический план), «другого» (физический план). Для реализации духовных задач личности («я») авторское сознание вводит перволичного субъекта в коммуникацию с «другими» в определенных жизненных обстоятельствах, разворачивающихся в пространственно-временных координатах.

Выбор собеседника актуализирует ценностную систему «я» через экспликацию хронопного измерения. Сам же выбор формируется в эмоциональной, душевной сфере личности, что, собственно, в психологии соответствует понятию «сознание», а в литературоведении определяет эстетический план произведения. В лирическом тексте – это уровень субъектной сферы «я-другого». Эмоциональный уровень личности напрямую связан с ее ценностной системой, поскольку эмоция как реакция человека на внешние обстоятельства всегда обусловлена его уже сложившимися представлениями о мире. В то же время, картина мира личности всегда эмоционально окрашена. Форма «я-другой» в лирическом произведении оказывается весьма презентабельной для выявления авторских интенций по формированию своего эстетического презентанта, поскольку раскрывает душевный потенциал его духа.

В анализируемом стихотворении эта форма впервые появляется во второй строфе – «я был альбатрос», и далее в каждой следующей, кроме последней, возникают новые формы: «я-червь», «я-Солнце», «я-Мемнон», «я-враг», «я-Сократ». Рассмотрим семантику каждого образа в их корреляции, обратим также внимание на их бинерность: «альбатрос» / «червь», «Солнце» / «Сократ», «Мемнон» / «враг». Напомним, каждая из субъектных форм вносит определенные черты в облик лирического субъекта текста в целом.

«Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос». Кроме традиционной классической символики (птица/поэт) этот образ эксплицирует выбор литературных ориентиров автора. К. Д. Бальмонт был переводчиком Кольриджа и Бодлера, следовательно, «альбатрос» («Сказание о Старом мореходе» Кольриджа и «Альбатрос» Бодлера) связывает поэта с английской романтической и французской символистской традициями – отношения человека и природы; божественное творение и человеческое проявление; стихийность и гармоничность; поэт и толпа и др. аспекты, которые, как

видим, амбивалентны по своему содержанию. В форме «я-альбатрос» на уровне объектной организации обнаруживаем цветовую символику – альбатрос имеет белое оперение, в пределах текста он помещен в пространство, которое само по себе нейтральное в колористическом плане и задает аксиологический верх, но обретает цвет вследствие природного явления – «*в воздухе, темном от гроз*», что усиливает общую амбивалентность художественного мира. Таким образом, форма «я-альбатрос» в контексте стихотворения – «*среди длиннокрылых, меж братьев*» – эксплицирует эстетические приоритеты авторского сознания.

«*Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле, / Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле*». Субъектная форма «я-червь», в первую очередь, выстраивает пространственную оппозицию в корреляции с предыдущей строфой – «воздух» / «земля». Далее раскрываются многослойные смыслы образа «червя». Это и прямая апелляция к державинской оде «Бог» – «Я царь – я раб – я червь – я бог!», что демонстрирует включенность авторского сознания в классическую русскую поэтическую традицию, и в широкую сферу философско-теологической трактовки основ мироздания (образ «Змия» как антипода Бога, одна из символических номинаций – «великий червь» [33]); и автореминисценции (один из циклов книги «Будем как Солнце» – «Змеиный глаз»).

В корреляции с объектной детализацией этот образ позволяет выявить аксиологические параметры лирического субъекта. «Рыхлая», «весенняя» «земля» – начало жизненного цикла, оплодотворенность пассивного женского начала активным мужским, великий союз неба и земли. «Чарующая мгла» – иллюзия проявленного мира по отношению к божественному истинному плану бытия. Властелином проявленного мира стал символический «Змий», он же «червь» у К. Д. Бальмонта. Этот образ презентует этическую бинерность мира, эстетическую амбивалентность лирического субъекта как презентанта авторского сознания, субстанциальную связь с миром Бытия в его высших и низших реализациях.

«*Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен, / И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон*». Здесь эксплицированы две субъектные формы – «Я-Солнце» и «Я-Мемнон». Наблюдаем связь образа «Солнца» с лейтмотивом книги – Солнце как воплощение Бога-творца, что традиционно для многих мировых мифологических и религиозных традиций. Но если в эйдетической парадигме человек – «образ и подобие» Бога, то в философско-эстетической парадигме эпохи модальности человек представлен как вместилище бога, он сам становится богом созданного им самим мира. Именно этот ракурс божественного присутствия обнаруживается у К. Д. Бальмонта – «*мною рассвет был зажжен*».

Вторая субъектная форма актуализирует два мифа, древнегреческий и древнеегипетский. У древних греков Мемнон – сын Эос, богини утренней зари, и Тифона, царя эфиопов, брата Приама, чье оружие изготовил Гефест, бог огня. Во время Троянской войны Мемнон привел большое войско эфиопов на защиту Трои. Он убил Антилоха, но погиб от руки Ахилла, который мстил за смерть друга. Аллюзия на этот аспект образа еще обнаружится в тексте в последующих строфах.

Древние египтяне мемнонами называли фараонов, а они, как известно, имели солнечную родословную (Ра – бог Солнца). Статуям Аменхотепа III в Фивах греки дали имя Колоссы Мемнона [24], приняв Нембаатра (тронное имя Аменхотепа III) за Мемнона. Колоссы в силу природных явлений и материала, из которого они созданы, издавали на рассвете специфические звуки, за что были названы «поющими», отсюда образ – «звучал

на рассвете Мемнон». Так в субъектных формах «Я-Солнце» и «Я-Мемнон» синтезируются древние египетские и греческие мифы, а облик лирического субъекта расширяет свои культурологические параметры.

«Я был беспощадным, когда набегал на врагов, / Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов». Здесь раскрывается семантика мифического героя – «я-беспощадный», что коррелирует с образом Мемнона. Эллинистические мифы фиксируют переход коллективного сознания к индивидуальному, постепенно формируется понятие вины и ответственности. Мифическое сознание не имело этической составляющей, задачей героя было совершение подвига, одна сила противопоставлялась другой, и для установления космического равновесия совершалось убийство врага, которое не расценивалось как преступление в современном понимании. И все же в древнегреческих мифах обнаруживается ритуал физического очищения, а позже и морального. Функция очищения приписывается Аполлону, богу Солнца у древних греков, и даже самому Зевсу. Обряд состоял в том, «что руки убийцы обливались кровью животного и затем обтирались, что служило символом его освобождения от кровавого греха» [17], а далее – «умилостивления божества жертвами и молитвами» [17].

Так в облике лирического субъекта постепенно формируется нравственная парадигма, но бинарные полюса не противопоставляются, а уравниваются оригинальным способом, привлеченным авторским сознанием, что обнаруживаем в следующей строфе: *«С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе, / И молча я вторил сраженный “О, слава тебе?”»*. Субъектная форма «я-враг» демонстрирует актуализацию авторским сознанием понятия реинкарнации, перерождения, одного из главных принципов мироустройства, не актуализированных в мировых религиях Откровения. Так понятие греха, убийства, уравнивается понятием кармы, причинно-следственных отношений, не ограниченных одним воплощением индивидуальности. Принцип реинкарнации и кармы, по определенным причинам выведен за пределы официальных религий западной культуры, он ближе восточной традиции. Актуализация его в поэтическом мире К. Д. Бальмонта свидетельствует о знании и принятии данных идей автором.

Разворачиваются эти идеи и в следующей строфе: *«И мной, безымянным, не раз изумлен был Сократ. / И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят»*. Форма «я-Сократ» утверждает мировоззренческие приоритеты авторского сознания, основания которых следует искать не столько в восточных религиях, сколько в герметической философии, известной К. Д. Бальмонту через теософию Н. П. Блаватской [6], чрезвычайно популярной в России в конце XIX – начале XX века. Связь Сократа с Платоном имплицитно вводит в символическую семантику стихотворения и имя Гермеса. Отметим лишь одно из значений древнегреческого Гермеса, или древнеегипетского Тота, актуальное в данном контексте – бог мудрости, покровитель наук, писцов и священных книг. Согласно Платону, Тот познакомил египтян со знаниями предыдущих цивилизаций, открыл геометрию, астрономию, числа и буквы.

Несущий уровень текста в структуре художественного языка представлен на субъектном уровне композицией, а на объектном – сюжетом. Специфика лирического сюжета состоит в получении авторским сознанием новых знаний о мире, это некая когниция, переводящая сознание на новый уровень восприятия и понимания. В стихотворении обнаруживается кольцевая композиция, первая и последние строфы почти идентичны, за исключением одного нюанса. Если в первой констатируется способность

перволичного субъекта говорить с «каждым» «на его языке», то есть, авторская интенция направлена на самое лирическое «я» как утверждение его дара коммуникации с «другими», в последующих строфах доказывается эта возможность в диалоге с самим собой «как с другим», то в последней строфе появляется совершенно новая форма «другого» – ты, выраженная личным глаголом «ищи». Этим «другим» «ты», как представляется, является имплицитный читатель, к сознанию которого апеллирует автор, делясь с ним собственным духовным опытом.

Таким образом, анализ внешнего уровня субъектной организации текста позволяет выявить систему голосов субъектных форм – «я», «я-другого» и «другого», где две последние формы представлены образами, в которых преобладает контекстуальный смысл, обусловленный исключительно авторскими интенциями, что позволяет говорить о символизации как принципе иносказания, работающей на формирование синкретической амбивалентной природы лирического субъекта произведения.

Кольцевая композиция высказывания поддерживается и на внутреннем уровне субъектной организации (ритмических рядов). Не имея возможности в пределах статьи рассмотреть все тонкости ритмо-звуковой системы текста, обратим внимание лишь на самые значимые аспекты. Стихотворение поделено на восемь строф по два стиха, написано пятистопным анапестом с гипометрией первой стопы, то есть, первая стопа имеет два слога со вторым ударным. Строфы чередуются по наличию мужских и женских рифм. При парном количестве строф стихотворение начинается и заканчивается женской рифмой, а четвертая и пятая строфы – мужской. Таким образом, двусложная первая стопа, строфы из двух стихов, парные рифмы и деление текста на ритмическом уровне на две части поддерживают амбивалентность лирического субъекта, а обрамление мужских рифм в центре текста женскими в начале и финале – его синкретизм, внутреннее единство.

Внутренний уровень объектной структуры художественного языка выявляет специфику хронотопа как синтеза ценностной системы авторского сознания. Хронос в стихотворении представлен преимущественно грамматически – перволичными глаголами в настоящем («знаю») и прошедшем времени («сливался»), притом, настоящее время относится к перволичному «я», в прошедшее – к форме «я-другой» или характеризует «других». Единственный временной маркер – неопределенное временное наречие «некогда», но именно он является ключевым в лирическом сюжете. По мнению Л. Н. Синельниковой, «неопределенное местоимение может быть маркером перехода одного вида знаний в другой вид – физического в метафизическое» [25, с. 329], что и является основной функцией лирического сюжета – экспликация «рефлексии лирического субъекта, формирующейся из синкретизма сенсорно-эмпирического и ментального планов текста» [21, с. 188].

Пространственные маркеры текста формируют бинарные оппозиции – «воздух» / «земля», «небо» / «река», что само по себе определяет ценностную вертикаль авторского сознания, акцентируя его амбивалентность. Особое внимание здесь надо обратить на образ «реки» в корреляции с ведущим образом внешнего уровня объектной организации текста – «языком».

«Язык», или «речь», на фонетическом уровне созвучна слову «речка». И такое сближение не может быть натянутым. Синкретизм «речи» и «реки» является архетипическим образом и обнаруживается во многих мировых мифологиях. К примеру, у хеттов (Малая Азия) и ханаанейян (Палестина, Сирия) он олицетворяет «божество,

символизирующее высший суд» [20]. В мифопоэтическом, народном, сознании человеческая речь издревле сближается со звучанием течения воды («речь льется», «речевой поток», «плавная речь»). Несмотря на то, что этимологические словари славянских языков не зафиксировали семантическое родство слов «река» и «речь», все же В. И. Даль не отрицал их близости, «*речь* по отношению к *река* – вероятно того же корня, но отшатнулось и стоит по себе» [12, с. 95]. Наиболее крепкой эта связь оказалась в культуре Индии. В древнеиндийской мифологии Сарасвати – имя высшего женского божества и сакральное имя священной реки Инд. Сарасвати также отождествляют с богиней речи Вач, считают ее покровительницей поэзии. Она находится на небе и на земле, а ее лоно – в воде [29, с. 220].

Культуру Индии В. Н. Топоров охарактеризовал как «словоцентричную», поскольку она «ставит в своем начале Слово как высшую реальность», сохраняет «уникальную среди исторически известных культур осознанность своего отношения к языку» [28, с. 6]. Идея «словоцентризма» характерна и для религиозной христианской традиции – «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна (1:1,2)).

Так, связь «реки» с «языком» в инициальной (субъектная функция образа «реки») и финальной (пространственный маркер) позиции стихотворения «Я с каждым могу говорить на его языке...» оказывается весьма значимой и определяет тип иносказания в художественном тексте как языка символического. Анализ субъектной организации текста позволяет сделать вывод о синкретизме лирического субъекта, а объектной – о его амбивалентной природе. Символический образ «язык» предстает сюжетообразующим в пространстве художественного мира, презентует индивидуально-авторские смыслы расширения первичного значения слова, что в целом позволяет выявить специфику художественности на семиотическом уровне текста.

Эстетическая природа произведения, как указывалось выше, определяется через модус художественности, или тип «эстетического завершения». Эстетическая деятельность авторского сознания, сотворение им художественной виртуальной реальности, по мнению М. М. Бахтина, представляется как «ценностное уплотнение» воображаемого мира вокруг «я» героя как «ценностного центра» этого мира» [Цит. по 26, с. 53]. А зерно художественности составляет «диада личности и противостоящего ей внешнего мира» [Цит. по 26, с. 53]. Развивая концепцию «эстетического завершения» М. М. Бахтина, В. И. Тюпа выделил «типы эстетического завершения»: героика, сатира, трагизм, комизм, идилика, элегизм, драматизм, ирония [26].

На первый взгляд, принимая во внимание время написания стихотворения и его авторство, можно предположить реализацию идилического модуса художественности как первого модуса эпохи модальности. Напомним, что принцип отношений «я-мир» в эйдетическую эпоху задавался «миром», именно он наделял личность определенной ролью, а в эпоху модальности актуализируются «внеролевые границы» личности, «интимные связи между внутренними людьми» [4, с. 304]. «Мир» уже не мыслится более как виртуальный миропорядок, но как другая жизнь (природа) или жизнь других (общество). «Я», в свою очередь, предстает как личная заданность самореализации: стать самим собой» [26, с. 67].

Принципом идилического модуса художественности является конвергенция (схождение) «внутренней заданности бытия («я») и его внешней данности (событийной границы)» [26, с. 68]. В идилическом модусе наблюдается «совмещение внутренних

границ «я» с его внеролевыми (событийными) внешними границами» [26, с. 67]. Но в стихотворении К. Д. Бальмонта, как представляется, авторское сознание не ставит перед лирическим субъектом задачу личного самоопределения. Лирическое «я» абсолютно гармонично вписано в «мировой порядок», при этом «мир» предстает не как «жизнь других», а именно как «сверхличный миропорядок», что характерно для героического модуса художественности.

Подтверждение этому находим в мировоззренческих приоритетах авторского сознания, ориентированного на философию герметизма, что эксплицировано субъектными формами «я-Солнце», «я-Змий», «я-Мемнон», «я-Сократ». В основе герметизма понятие о Едином как Первопричине всего сущего, проявленном во всех элементах мира, в том числе, и в индивидуальностях. Чтобы с «каждым» говорить на «его языке», лирический субъект должен знать все «языки», иметь все знания о мире, а это возможно лишь в случае божественного происхождения, что и подтверждается формой «я-Солнце».

Авторскому сознанию нет нужды в самоопределении лирического субъекта, он уже утверждён в Единстве Бога, в проявленном мире героев – Мемнона, Сократа. Амбивалентность лирического субъекта, в данном тексте явленная через пространственные и субъектные («Солнце» и «червь», «небо и «земля») оппозиции, презентует его синкретизм как тождество, что характерно архаическому, доэстетическому сознанию, но сохранённому в словесном искусстве именно в лирике. Так в тексте постепенно обнаруживается «принцип эстетического завершения, состоящий в совмещении внутренней данности бытия («я») и его внешней заданности (ролевая граница, сопрягающая и размежевывающая личность с миропорядком)» [26, с. 56], что характерно для героического модуса художественности. И с этим можно было бы согласиться, если бы в финальной строфе не появилась субъектная форма «ты».

Наличие имплицитного адресата авторского сознания кардинально меняет тип эстетического завершения. Героизированный перволичный лирический субъект создан авторским сознанием для того, чтобы передать свои знания, свое понимание мира – «другому», читателю, «каждому», кто захочет «говорить» с ним «на его языке», кто пожелает войти с ним в коммуникацию. Так «героические» отношения «мир → я» транслируются в идиллические «я → мир других». Если для перволичного субъекта вопрос самопознания не стоит, то актуален он для «другого», «ты», читателя.

Тип эстетического завершения обуславливает и коммуникативные компетенции текста. Как представляется, референтные компетенции представляют синтез прецедентной (для перволичного субъекта – «причастность к общему миропорядку») и вероятностной (для «другого», «ты» – «мир как опыт» в самоопределении) картин мира. На уровне креативных компетенций авторское сознание в тексте-высказывании передает знания о мире, притом, не индивидуально-личные, полученные опытным путем, а извлеченные из глубин человеческой культуры, из самых его истоков – философии герметизма. Рецептивные же компетенции в данном тексте не совпадают с креативными. Читательское сознание, вовлеченное в дискурс «сообщения знаний», должно бы принять их как достоверные. Но такая позиция в полной мере уже недоступна человеку эпохи модальности, тем более, ее неклассического периода. Читатель не приемлет знания на веру, тем более не терпит назидательности и авторитаризма автора, он становится полноправным и «равнодостоинным» участником художественного дискурса.

Поэтому авторское сознание не принуждает читателя к принятию знаний, а дает ему свободу выбора – следовать или нет духовно-эстетическим приоритетам лирического субъекта. Те, кто принимает авторский опыт, кто хочет разговаривать на одном языке с ним, тот включается в дискурсивные отношения. Изучение «языка» креативного сознания обогатит духовный опыт и читательского сознания, но для этого читателю самому необходимо отправиться в путь самопознания, поэтому – «ищи меня в небе, ищи меня в темной реке».

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...», позволяет определить параметры художественности лирического произведения. На семиотическом уровне выявлен принцип иносказательности – символичность художественного языка. Эстетический уровень представлен синтезом модусов героики и идиллики как типов завершения художественного целого. Коммуникативный уровень презентует «дискурс согласия» при активной позиции рецептивного сознания. Креативная деятельность авторского сознания направлена на расширение сознания реципиента. Автор, владея «языком», «словом» как творческим началом, делится своими знаниями о мире с читателем, организует коммуникативное событие таким образом, что читатель волен принимать или не принимать авторские интенции. К. Д. Бальмонт эстетически обрабатывает философскую трактовку миропорядка. Информация, заложенная в тексте, не нова для современного ему читателя начала XX века, и читатель волен выбирать между принятием или отвержением знаний автора. Эстетическая ценность произведения состоит в том, что концептированный, или идеальный, читатель способен принять и трансформировать в собственном сознании духовный опыт автора. Выявленные параметры художественности стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке» позволяют отнести его к неотрадиционалистской субпарадигме модернистской парадигмы художественности.

Список литературы

1. *Анненский И. Ф.* Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров; [Акад. наук СССР]. – М.: Наука, 1979. – 679, [1] с. – [4] л. ил. портр.
2. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 1–3. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 504 с.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. *Бахтин М. М.* Проблема сентиментализма // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т.: Т. 5. – М.: Русское слово, 1996. – 732 с.
5. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Издательство Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – 958 с.
6. *Блаватская Е. П.* Теософский словарь. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 640 с.
7. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика: Учеб. пособие. – М.: РГГУ, 2001. – 418 с.
8. *Брюсов В. Я.* Бальмонт («Будем как Солнце») // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Сов. Писатель, 1990. – 714 с.

9. *Бурдин В. В.* Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х – 1900-х годов.: Дисс. канд. филол. н. : 10.01.01. – Иваново, 1998. – 175 с.
10. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. – М. : Высш. шк., 1989. – 404,[2] с.
11. *Гудмен Н.* Способы создания миров. – М.: “Идея-пресс” – “Праксис”, 2001. – 376 с.
12. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4-х т.]. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1978. — 712 с.
13. *Женетт Ж.* Вымысел и слог // Женетт, Жерар. Фигуры. В 2-х томах. – Т.2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
14. *Зенкин С. Н.* Введение в литературоведение: Теория литературы: Учеб. пособие. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 81 с.
15. *Красин П.* Нравственные начала новейшей русской художественной литературы // Вера и Разум. – 1907. – № 6. – С. 795–810.
16. *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. – Воронеж, 2004. – 198 с.
17. *Латышев В В.* Очерк греческих древностей. URL: <http://centant.spbu.ru/sno/lib/lat/2/3-10.htm> (дата обращения: 03.10.2021).
18. *Лотман Ю. М.* О содержании и структуре понятия "художественная литература" // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
19. *Марьева М. В.* Книга К. Д. Бальмонта "Будем как солнце". Вопросы поэтики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. – Иваново, 2003. – 17 с.
20. *Мечковская Н.* Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. II. Фидеистическое отношение к слову. Мифология речи. 18. Река – древнейший образ речи. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Mechkov/06.php (дата обращения: 03.10.2021)
21. *Остапенко И. В.* Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : Дисс. ... докт. филол. н. : 10.01.02. – Симферополь, 2013. – 530 с.
22. *Остапенко И. В.* Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира : монография. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
23. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
24. Поющие Колоссы Мемнона. URL: <https://masterok.livejournal.com/2956540.html> (дата обращения: 03.10.2021).
25. *Синельникова Л. Н.* Местоимение в дискурсе : монография. – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2009. – 412 с.
26. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
27. *Тодоров Ц.* Понятие литературы // Сост. и общ. ред. Степанов Ю. С. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 634 с.
28. *Топоров В. Н.* Санскрит и его уроки // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. – М.: Наука, 1985. – 268 с.
29. *Топоров В. Н.* Вач // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах (2-е издание). – М.: «Советская Энциклопедия», 1988. – Т. 1. А–К (Корейская мифология). — 720 с.
30. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
31. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. – 2. изд., испр. и доп. – М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. – 798 с.

32. Цыкунова Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта : автореф. дис. ... к. филол. н. : 10.01.01. – Москва, 2005. – 23 с.
33. Червь // Энциклопедия знаков и символов. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C> (дата обращения: 03.10.2021).
34. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. – М.: Сов. писатель, 1990. – 544 с.
35. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сборник статей. – М.: Прогресс, 1975. – 468 с.
36. Якобсон Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: [Сборник]. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.

References

1. Annenskij I. F. *Knigi otrazhenij* [Books of Reflection]. Moscow: Nauka, 1979. 679 p.
2. Balmont K. D. *Sobranie sochinenij: V 7 vv.* [Collected Works in 7 volumes]. Vol. 1: *Polnoe sobranie stihov 1909-1914: Kn. 1-3.* Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. 504 p.
3. Bahtin M. M. *Estetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 1979. 163 p.
4. Bahtin M. M. *Problema sentimentalizma* [The Problem of Sentimentalism]. Bahtin M. M. *Sobr soch.: V 7 vv.: Vol.5.* Moscow: Russkoe slovo, 1996. 732 p.
5. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij v 7 vv* [Collected Works in 7 volumes]: Vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 958 p.
6. Blavatskaja E. P. *Teosofskij slovar'* [Theosophical Dictionary]. Moscow: Jeksmo Publ., 2004. 640 p.
7. Brojtmann S. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Rossiyskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet Publ., 2001. 418 p.
8. Brjusov V. Ja. *Balmont («Budem kak Solnce»)* [Balmont ("Be Like the Sun")]. Brjusov V. Ja. *Sredi stihov: 1894-1924: Manifesty, stat'i, recenzii.* Moscow: Sov. Pisatel' Publ., 1990. 714 p.
9. Burdin V. V. *Mifologicheskoe nachalo v poezii K. Balmonta 1890-h — 1900-h godov. : Diss. ... kand. filolol. n.* [Mythological origins in the poetry of K. Balmont in the 1890s-1900s. Thesis]. Ivanovo, 1998. 175 p.
10. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya Poetika* [Istorical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. 404 p.
11. Gudmen N. *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways of creating worlds]. Moscow: "Ideja-press" Publ., 2001. 376 p.
12. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka v 4 vv* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1978. 712 p.
13. Zhenett Zh. *Vymysel i slog* [Fiction and syllable]. Figury. V 2 vv. Vol. 2. Moscow: Publ. im. Sabashnikovyh, 1998. 944 p.
14. Zenkin S. N. *Vvedenie v literaturovedenie: Teorija literatury: Ucheb. posobie* [Introduction to Literary Studies: Theory of Literature: Textbook]. Moscow: Rossijsk. gos. humanit. un-t Publ., 2000. 81 p.
15. Krasin P. *Nravstvennye nachala novejshej russkoj hudozhestvennoj literatury* [Moral Principles of Contemporary Russian Literature] // *Vera i Razum.* 1907. № 6. Pp. 795–810.
16. Kuprijanovskij P. V., Molchanova N. A. *K. D. Balmont i ego literaturnoe okruzenie* [K. D. Balmont and his literary environment]. Voronezh, 2004. 198 p.
17. Latyshev V. V. *Oчерк grecheskih drevnostej* [Sketch of Greek antiquities]. URL: <http://centant.spbu.ru/sno/lib/lat/2/3-10.html>.

18. Lotman Ju. M. O sodержanii i strukture ponjatija "hudozhestvennaja literatura" [On the content and structure of the concept of "fiction"]. Lotman Ju. M. Izbrannye stati: V 2 vv. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992. 479 p.
19. Mar'eva M. V. *Kniga K. D. Balmonta "Budem kak solnce". Voprosy pojetiki : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Book by K. D. Balmont "Be like the sun". Questions of poetics. Thesis]. Ivanovo, 2003. 17 p.
20. Mechkovskaja N. *Jazyk i religija. Lekcii po filologii i istorii religij. II. Fideisticheskoe otnoshenie k slovu. Mifologija rechi. 18. Reka – drevnejshij obraz rechi* [Language and Religion. Lectures in Philology and History of Religion. II. Fideistic attitude to the word. The mythology of speech. 18. The river is the most ancient image of speech]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Mechkov/06.php.
21. Ostapenko I. V. *Pejzazhnij Diskurs kak Kartina Mira v Russkoj Lirike 1960–1980-h Godov. Diss. ... dokt. filol. Nauk* [Landscape Discourse as a Picture of the World in Russian Lyrics of the 1960s-1980s. Thesis]. Simferopol', 2013. 530 p.
22. Ostapenko I. V. *Priroda v Russkoj Lirike 1960-1980-h Godov: ot Pejzazha k Kartine Mira* [Nature in Russian Lyrics of the 1960s-1980s: from Landscape to World Picture]. Simferopol': IT «ARIAL» Publ., 2012. 432 p.
23. *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. N. D. Tamarchenko. Moscow: Publ. Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 s.
24. *Pojushhie Kolossy Memnona* [Singing Coloss of Memnon]. URL: <https://masterok.livejournal.com/2956540.html>.
25. Sinel'nikova L. N. *Mestoimenie v diskurse : monografija* [The pronoun in discourse : monograph]. Lugansk : Publ. GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko», 2009. 412 p.
26. *Teoriya Literatury: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshih uchebnyh zavedenij : V 2 t. : T. 1. Teoriya Hudozhestvennogo Diskursa. Teoreticheskaya Poetika* [Theory of Literature : Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions : In 2 volumes : Vol. 1. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics] N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Brojtman ; Pod red. N. D. Tamarchenko. Moscow: «Akademiya» Publ., 2004. 512 p.
27. Todorov C. *Ponjatie literatury* [The concept of literature] // Semiotika. Moscow: Raduga Publ., 1983. 634 p.
28. Toporov V. N. *Sanskrit i ego uroki* [Sanskrit and its lessons] // Drevnjaja Indija: Jazyk. Kul'tura. Tekst. Moscow: Nauka Publ., 1985. 268 p.
29. Toporov V. N. *Vach* [Wach] // Mify narodov mira. Enciklopediya. V 2 vv. Moscow: «Sovetskaya Enciklopediya» Publ., 1988. 720 p.
30. Tynjanov Ju. N. *Literaturnyj fakt* [Literary fact] // Tynjanov Ju.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moscow: Nauka Publ., 1977. 574 p.
31. Frejdenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and the literature of antiquity]. Moscow: «Vost. lit.» Publ., RAN, 1998. 798 p.
32. Cykunova G. V. *Religioznye i filosofskie idei, motivy, obrazy v hudozhestvennom mire K. D. Balmonta: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Religious and philosophical ideas, motives, images in the art world of K. D. Balmont. Thesis]. Moscow, 2005. 23 s.
33. Cherv' // Jenciklopedija znakov i simvolov [Worm // Encyclopedia of signs and symbols]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C>.
34. Shklovskij V. B. *Iskusstvo kak priem* [Art as a reception] // Shklovskij V. B. Gamburgskij schet. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1990. 544 p.
35. Jakobson P. O. *Lingvistika i pojetika* [Linguistics and Poetics] // Strukturalizm: "za" i "protiv": Sbornik statej. Moscow: Progress Publ., 1975. 468 p.

36. Yakobson P. O. *Dva Aspekta Yazyka i Dva Tipa Fakticheskikh Narushenij // Teoriya Metafory: Sbornik* [Two Aspects of Language and Two Types of Aphatic Disorders // The Theory of Metaphor: Collection]. Moscow: Progress Publ., 1990. 512 p.

**THE LYRICAL WORK AS AN AESTHETIC OBJECT
IN THE CONTEXT OF THE PARADIGM OF ARTISTRY
(ON THE MATERIAL OF K.D. BALMONT'S POEM
"I CAN SPEAK TO EVERYONE IN HIS LANGUAGE...")**

Ostapenko I. V., Grishina S. A.

The article deals with the parameters of artistry of a lyrical work on the material of K. D. Balmont's poem "I can speak to everyone in his language..." from the book "Let's be like the Sun" (1903). The semiotic level reveals the principle of allegorality – symbolic nature of the artistic language. The aesthetic level is represented by synthesis of heroic and idyllic modes as types of completion of the artistic whole. Communicative level presents the "discourse of agreement" with the active position of receptive consciousness. Creative activity of the author's consciousness is aimed at expanding the consciousness of the recipient. The author, possessing "language", "word" as creative beginning, shares his knowledge about the world with the reader, organizes communicative event in such a way that the reader is free to accept or not the author's intentions. K. D. Balmont aesthetically processes the philosophical interpretation of the world order. The information embedded in the text is not new to the modern reader of the early twentieth century, and the reader is free to choose between accepting or rejecting the author's knowledge. The aesthetic value of the work consists in the fact that the endoped, or ideal, reader is able to accept and transform in his own consciousness the spiritual experience of the author. The identified parameters of artistry of K. D. Balmont's poem "I can speak to everyone in his language" allow us to refer it to the non-traditionalist sub-paradigm of the modernist paradigm of artistry.

Keywords: Lyrical work, book of poems "Let's be like the Sun", K. D. Balmont, type of allegoric, author's picture of the world, subject and object structure of artistic language, chronotope, symbolic artistic language, modus of fiction, artistic competence, artistic paradigm.

УДК 82-94

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (АНАЛИЗ АЛЛЮЗИЙ И ЦИТАТ)

Резник О. В., Чепурина И. В., Шилова Л. В.

*ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: oreznik2005@yandex.ru*

В статье представлена попытка системы аллюзивного ряда автобиографической прозы с точки зрения мировоззренческих доминант. Особое внимание уделяется мемороцентристскому вектору данного сегмента литературы, предложена классификация, в которой в качестве основополагающего концепта рассматривается образ Отца – от Отца Небесного до отца земного. В качестве источников выступают воспоминания самых разных авторов – от священника О. Адриана (Рымаренко) до З. Шаховской, В. Набокова.

Концепт «Рай» соотносится с картинами детства, не находя отражения в реальной, синхронной жизни ни в одном топографическом образе. Отдельно рассматриваются образы «Ноев ковчег», «Голгофа», «Лотова жена», приобретающие в эмигрантском историческом контексте новый смысл. Подвижническая и мученическая позиции представлены наиболее частотно, что дает возможность выделить индивидуальный взгляд каждого из авторов в общей, типичной картине мира.

В статье исследуется также роль религиозных воззрений в формировании эмигрантской картины мира. Отмечается, что для массового варианта обращение к библейским образам было своего рода психологической защитой, поиском совпадений ветхозаветной истории и ситуации в России. И. Бунин, Н. Тэффи и другие в свободных ассоциациях обращаются к библейским образам, при этом доминантой остается этическая сторона веры. Авторы утверждают, что произведениям священников свойствен косвенный автобиографизм, ключевым жанром выступает проповедь.

Ключевые слова: христианские мотивы, мемороцентризм, автобиографическая проза, первая волна русской эмиграции, библейские реминисценции, образ Отца, нравственная опора.

ВВЕДЕНИЕ

Кризисная ситуация эмиграции, раскола повседневной жизни интересна типологическими историческими параллелями, которые характеризуют переломные эпохи, периоды национального детерминанта личности и нации. Идея этической ценности личности, основы ее самоидентификации представлены наиболее ярко в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Перед современным исследователем стоит проблема систематизации большого текстуального материала, дифференциации универсальных констант и методологий с целью анализа эмигрантского наследия авторов, которые придерживались разных идеологических принципов, разрабатывали разные темы и стили, но вместе с тем представляли единое русло эмигрантской литературы, объединенное рядом концептуальных понятий и ценностных ориентаций.

Библейские образы, исполненные глубочайшего смысла, в произведениях эмигрантов выражают вечные истины, вступают в личностные ассоциативные связи. Это, во-первых, обусловлено культурой воспитания и обучения того слоя населения, который оказывается в условиях изоляции от родной земли. Во-вторых, именно в

Боге многие из них видят и судьбу всего происходящего, и последнюю надежду на спасение. Подчеркнем, что в автобиографических трудах того или иного деятеля православной культуры личность нарратора неизменно отходит на второй план, так как для него важнее донести идею, а не уделять внимание своей фигуре. Отталкиваясь непосредственно от традиций русской классики, писатели-эмигранты не просто значительно обогащают эти традиции. Перед нами практически новая художественная стратегия, новый мемороцентристский вектор в развитии жанра: человеческая личность, конкретные события обусловлены не только реальной историей, но и бытийной подоплёкой из «мира горнего». Ряд авторов (Т. Г. Мегрелишвили [1], Н. Н. Кознова [2] и др.) рассматривают «сквозные образы» и «вечные темы» данного сегмента литературы, однако не представляют классификации или системы аллюзивного ряда автобиографической прозы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной публикации – проанализировать ключевые образы и выделить направления, по которым идет обращение в кризисной ситуации к библейским мотивам в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции.

Автобиографическая проза может трансформироваться в спор или молитву, но о самом авторе в обычном смысле может быть сказано немного. Для мировоззрения большинства религиозных авторов русского зарубежья было характерно переживание личного опыта открытия «истины христианства», его неограниченных гуманистических потенций, позволяющих находить решение любых социальных и персональных проблем в общении с Богом и посредством чтения Священного Писания. В качестве нравственной и художественной доминанты выступает образ Отца Небесного, христианские мотивы. Так, например, о. Адриан (Рымаренко) в своей брошюре «Религиозное состояние эмиграции в Германии» многократно подчеркивает, что он, «немошный из немощных», обращается со словами правды к несчастным братьям-эмигрантам из больничной палаты, не собираясь кого-либо судить: «Я стремлюсь только помочь. Я и помогаю, я и напоминаю нашим братьям-христианам, как пастырь, я и предостерегаю их» [3, с.16]. В этой цитате можно почувствовать именно «отцовское» наставление, в воспоминаниях других священников представлены также яркие образы духовных отцов – например, отца Анатолия у о. Александра Семенова-Тян-Шанского и отца Афанасия у митрополита А. Суроожского.

На противоположном полюсе представлен отцовский дискурс, но в сугубо земном преломлении. Так, говорящие о своем «примитивном всебожии» во «Временах» М. Осоргин или В. Набоков в «Других берегах» одинаково чужды риторическим восклицаниям или обращениям к Отцу небесному, но выражают свое отношение к отцу земному в различных ситуациях. Возможно, такая общность продиктована тем, что отец у каждого был достаточно заметной фигурой в иерархической лестнице социума (отец М. Осоргина был членом окружного суда по уголовному отделению, а отец автора «Других берегов» – известный общественный деятель).

Средний, массовый вариант представлен персоналистским взглядом тех авторов, которые обращаются к небесному Отцу эпизодически, ситуативно, улавливая его проявления или объединяя его с отцом земным типологически. Покаяние, горечь о потерянном доме и заблудившейся душе, тяготение к Богу писатели изображают через прямое цитирование или использование аллюзий на литургические или библейские тексты. Такую позицию можно обозначить как «обыденная вера» или обывательский вариант. В этом плане достаточно показательны слова З. Шаховской: «Моей семье была свойственна безыскусная, «детская» вера. С раннего детства я твердо верю в то, что жизнь есть не что иное, как цепочка чудес, малых или больших, ярких или скромных» [4, с. 154]. Так сама писательница определяет, что ее вера – наивная (детская). Единственная цитата из Священного Писания – о Слове, но это, скорее, о той власти, которую имеет искусство над людьми, чем о Божественной природе творчества. Сопричастность с данным контекстом позволяет автору идентифицировать себя как теурга, создать образ человека рационалистического.

Именно на этом уровне прослеживается бинарность мироощущения эмиграции. С одной стороны, представители первой волны апеллируют к Библии как к тому общему духовному источнику, который позволял почувствовать свою сопричастность культуре и традиционному верованию, активно используют церковно-славянскую лексику, аллюзии из Священного Писания. Библейская лексика и культурный код понимались социумом как обязательный элемент общей коммуникации. Таким образом, для одного полюса эмигрантской парадигмы Библия была предметом рефлексии, константного поиска вечного евангельского смысла, а для массового варианта обращение к библейским образам указывало на определенный уровень культуры нарратора и на значимость происходившего с ним, его субъективных переживаний. Так, в «Окаянных днях» И. Бунина можно найти яркие подтверждения этой мысли: «Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают!» [5, с. 156] (аллюзия на растолкованное Иосифом сновидение о семи тучных и семи тощих коровах), «Каиновой злобы» [5, с. 152], «Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их» [5, с. 71]. Причем в последнем случае приводится достаточно точная цитата из Библии, с комментарием «Изумительно» [5, с. 71]. Однако это грустное удивление буквальным совпадением ветхозаветной истории и ситуации в России 1918 года для читателя было продолжено имплицитным знанием текста через упоминание имени Иеремии. Особенно уместны в этом контексте слова Иеремии, которые И. Бунин не приводит, но они хорошо были известны эмигрировавшей интеллигенции: «Вспомни, Господи, что над нами свершилось; призри и посмотри на поругание наше. Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся; обнови дни наши, как древле» [6, с. 326].

В качестве примера библейских реминисценций можно привести и свободные ассоциации в «Воспоминаниях» Н. Тэффи, которая видит в кисловодских пастухах библейских персонажей (даже посох у них «библейский», а бараны напоминают

«кудри Суламифи»), как бы отыскивая в новой, опасно-незнакомой обстановке вечные, незбылемые ориентиры. Если принять во внимание то обстоятельство, что Моисей, Давид и многие ветхозаветные пророки вели пастушескую жизнь, то это говорит о неосознанном желании автора воспоминаний подчиниться воле пастыря, знающего, куда и как двигаться дальше заблудившемуся беженцу. Попутно заметим, что «колосс на глиняных ногах» также встречается в ироническом контексте у Н. Тэффи. Гетман – «это колосс, которого я должна поддерживать своими фельетонами» [7, с. 339]. Тем самым подчеркивается зыбкость положения новой власти в конкретный исторический период. Однако еще ярче раскрывается через эту аллюзию автор, явно преувеличивающий свое значение в культурной жизни бывшей Российской империи, пусть даже выражая это через постороннее мнение. Однако именно для представителей этой группы характерна и вторая особенность: они могут рефлексировать или не рефлексировать над своим мироощущением, однако главной для них оказывается этическая сторона веры, поэтому в критических ситуациях – личностных и социальных – они поступают в русле христианской традиции. Юная княжна Зинаида Шаховская кормит последним хлебом умирающую от голода женщину, обиравший больным красноармейцем И. Савин жалеет своего классового врага, брат А. Семенова-Тян-Шанского учится смирению у заключенных.

Выделим в отдельную группу тех представителей эмиграции, у которых вопросы веры интерферированы служением (Н. И. Ильинская обозначает такой тип религиозно-поэтического сознания как традиционно-догматический). В эту группу входят теологи высокого полета – философы, автобиографическая проза которых генетически восходит (возможно, неосознанно) к «Исповеди» Блаж. Августина. Они обращаются к жанру проповеди, который может быть представлен в газетной или журнальной публикации или в философском эссе, статье. Вторая категория – практики. Они всегда выступают на фоне своей аудитории, и их проповеди – отчасти двойной портрет – аудитории, чьим запросам они следуют, и самого проповедника, который ориентирует свои слова в соответствии с церковными службами. Это косвенный портрет священника-эмигранта, характерная черта его – автолиризм, что дает нам возможность говорить о косвенном автобиографизме.

Третья группа писателей – те, кто в условиях эмиграции утратил веру в незыблемость и справедливость христианского мироустройства. Они были воспитаны в христианской традиции, в круг их чтения входили произведения не столько религиозных философов, сколько наставления подвижников и мучеников – Феофан Затворник и Серафим Саровский были авторитетом для человека конца XIX – начала XX века, они приобретают статус неявных духовных учителей в эмиграции, когда сохранение своей культуры переплеталось с сохранением своей веры. Эта группа эмигрантов стремится к инновационным взглядам на веру, обусловленным условиями проживания на чужой территории.

Отметим, что эмигрантская публицистика неоднократно обращалась к личности Преподобного Сергия Радонежского. По мысли Е. Н. Трубецкого (во многом сходной с высказываниями П. Флоренского), притягательность этого образа заключена в идее преодоления ненавистного разделения мира. Это разделение эмигранты остро ощутили на своей судьбе, когда дифференциация и сепарация шли по человеческим

судьбам и семьям, истории личностной и социальной. Можно добавить, что даже у православно-центристских художников представлены различные стратегии изображения автобиографического героя. Если светский писатель ориентируется на культурно-религиозную традицию и личную веру для создания авторского мифа, авторской картины мира, то православный писатель актуализирует молитвенно-аскетический и религиозный опыт для изложения вероисповедальных истин.

Сопоставляя различные константы автобиографической прозы, уместно выделить следующие образы, нашедшие отражение в автобиографической прозе различных жанров. В качестве прецедентных фигур выделим следующие группы:

- ветхозаветные пророки: Иеремия, Каин, Исав, Иосиф;
- российские святые: Александр Невский, Св. Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Сергей Радонежский;
- подвижники как духовные наставники и авторитеты: Л. Н. Толстой, брат Леонид, отец Анатолий. К данному списку авторитетов примыкает значимая группа православных святынь: Оптиная пустынь, Киево-Печерская лавра («это сердце богомольной Руси») [7, с. 349].

В автобиографической прозе указанных авторов мы не смогли выделить субконцепт «рая», связанный с синхрон-картинами. Согласно Библейской энциклопедии, Рай – Эдем (приятность, сладость), «означенное слово употребляется также и для означения всякой местности, замечательной по своей красоте и плодородию» [6, с. 213]. Очевидно, ни одна из стран – ни оставленная Россия, ни ее Юг, ни тем более страны Европы – уже не воспринимались беженцами как нечто радостное или приятное. В то же время субконцепт «рай» прослеживается в той части воспоминаний, которая посвящена детству – В. Набоков, М. Осоргин ностальгически подчеркивают тяжелую для взрослеющей личности утрату покоя и безмятежного счастья ранних лет. Тем самым «рай» выступает частотным атрибутом ретрокартин, особенно детских.

Казалось бы, ближе всего для изгнанников эпизод исхода из Египта (не случайно даже общеупотребительное название первой волны эмиграции – «исход»), но эта реминисценция не частотна, так как эмиграция четко разграничивает «возвращение на родину (землю обетованную)» и «бегство с родины». Различный контекст и адресность исхода не позволяют эмигрантам актуализировать указанную параллель. Однако этически вектор «бегства» оказывается связан с переосмыслением эпизода спасения Лота. В частности, Н. А. Тэффи уподобляет себя Лотовой жене, когда прощается с родиной: «как жена Лота, застыла, остолбенела навеки» [7, с. 446]. Превращение жены Лота в соляной столб («остолбенела») было наказанием за преступление – непослушание Бога и пристрастие к жилищу разврата. У Н. А. Тэффи этот образ дан в совершенно ином ключе, который оказывается типологически сходным с трактовкой А. Ахматовой. Свою связь с прошлым, с оставленным домом они персонифицируют в библейском образе.

В добавление к вышесказанному можно назвать и другую параллель – Ноев ковчег. Так, один из городов уподобляется последней надежде спасающихся от стихии народного бунта, случайному и не очень надежному приюту: «Так, вероятно, дружно обнюхиваясь, страдали от качки впервые встретившиеся семь пар чистых с

семью парами нечистых в Ноевом ковчеге» [7, с. 330]. Возможно, растерянность и полная зависимость от воли Бога в данной ситуации оказались близки и неопределенной эмигрантской судьбе.

ВЫВОДЫ

Можно сделать вывод, что Библия и жития святых появляются в литературе первой волны русской эмиграции не стихийно. Прощание с родиной вызывает у писателей различные ассоциации, однако они отнесены в основном к ветхозаветным временам. Это не демонстрация эрудиции, а, скорее, подсознательное ощущение грандиозности происходящего, глубинного изменения исторических событий – И. Савин назовет пореволюционный период «те воистину голгофские года» [8, с. 139], сочетая в этом эпитете ощущение ужаса от происходящего и обновление, изменение нравственных первооснов тех, кто оказался втянутым в этот конфликт.

Список литературы

1. Мегрелишвили Т. Г. Функционирование библейских метафор изгнания / исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции "первой волны") / Т. Г. Мегрелишвили // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 44–50.
2. Кознова Н. Н. Своеобразие повествовательных форм в мемуарной прозе русского зарубежья / Н. Н. Кознова // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. филология. – СПб., 2008. – № 2 (12). – С. 56–64.
3. Рымаренко А. А. Религиозное состояние эмиграции в Германии / Протоиерей о. Адриан Римаренко. – Мюнхен: Изд-во православного детского дома «Милосердный самарянин», [1925]. – 18 с.
4. Шаховская З. А. Таков мой век / З. А. Шаховская. – М.: Новый путь, 2007. – 267 с.
5. Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин. – М.: Сов. писатель, 1990. – 416 с.
6. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: В 4 вып. / Труд и издание архим. Никифора. Вып. 1–4 А–Е. – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. – 903 с. – (Репринтное издание).
7. Тэффи Н. Ностальгия: рассказы, воспоминания / Н. Тэффи. – Л.: Худож. лит., 1989. – 450 с.
8. Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Феодосия; Москва: Изд. дом «Коктебель». – 1998. – Вып. 3. – 237 с.

References

1. Megrelishvili T. G. *Funkcionirovanie Biblejskih Metafor Izgnaniya / Iskhoda v Memuarnom Diskurse (na Materiale Memuarnyh Tekstov Russkoj Emigracii "Pervoj Volny")* [Functioning of Biblical Metaphors of Exile/Exodus in Memoir Discourse (Based on the Memoir Texts of the Russian Emigration of the "First Wave")]. *Filologicheskij Klass*, 2019, no. 1 (55), pp. 44–50.
2. Koznova N. N. *Svoeobrazie Povestvovatel'nyh Form v Memuarnoj Proze Russkogo Zarubezh'ya* [Originality of Narrative Forms in the Memoir Prose of the Russian Abroad]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. Filologiya*, 2008, no. 2 (12), pp. 56–64.
3. Rymarenko A. A. *Religioznoe Sostoyanie Emigracii v Germanii* [Religious State of Emigration in Germany]. Myunhen: Pravoslavnogo Detskogo Doma «Miloserdnyj Samaryanin» Publ. [1925], 18 p.
4. Shahovskaya Z. A. *Takov Moj Vek* [This is my Age]. Moscow: Novyj put' Publ., 2007, 267 p.

5. Bunin I. *Okayannye Dni* [Cursed Days]. Moscow: Sov. pisatel' Publ., 1990, 416 p.
6. *Illyustrirovannaya Polnaya Populyarnaya Biblejskaya Enciklopediya: v 4 Vyp.* [Illustrated Complete Popular Bible Encyclopedia: in 4 Vols]. Moscow: A. I. Snegirevoj Publ., 1891, 903 p.
7. Teffi N. *Nostal'giya: Rasskazy, Vospominaniya* [Nostalgia: Stories, Memories]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ.: Leningr. otd-nie, 1989, 450 p.
8. *Krymskij Al'bom: Istoriko-Kraevedcheskij i Literaturno-Hudozhestvennyj Al'manah* [Crimean Album: Local History and Literary and Artistic Almanac]. Feodosia; Moscow: Izdatel'skij dom «Koktebel'» Publ., 1998, us. 3. 237 p.

THE BIBLICAL MOTIFS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE FIRST WAVE OF THE RUSSIAN EMIGRATION (THE ANALYSIS OF ALLUSIONS AND QUOTATIONS)

Reznik O. V., Chepurina I. V., Shilova L. V.

This article presents an attempt of the system of the allusive series of the autobiographical prose from the point of view of the ideological dominants. The special attention is paid to the memory-centric vector of this segment of literature, the classification is proposed in which the image of the Father is considered as the fundamental concept - from the Heavenly Father to the earthly father. The sources are the memoirs of the variety of authors - from the priest Fr. Adrian (Rymarenko) to Z. Shakhovskaya, V. Nabokov. The researchers note that all writers significantly enrich the traditions of the Russian classical literature, find the moral support in Faith in the conditions of the emigration. The concept of "the Paradise" correlates with the pictures of childhood; it cannot find the reflection in the real, synchronous life in any topographic image. The images of "Noah's Ark", "Golgotha", "Lot's Wife", which acquire the new meaning in the emigrant historical context, are considered separately. The ascetic and martyr positions are presented most frequently, which makes it possible to highlight the individual view of the authors in the general, typical picture of the world.

This article inquires into the role of religious view in formation of emigrant world pattern. It is also mentioned, that for the masses to access of biblical figures has become a psychological protection, a retrieval of coincidence of the history in Old Testament and the situation in Russia. I. Bunin, N. Taffy and others in their free association apply to biblical figures, at the same time the ethical aspect of trusting in God has kept a dominant. In clergymen's works it may be mentioned the indirect autobiographism but it is the preach has come-to-be a key genre.

Keywords: the Christian motives, the memoircentrism, the autobiographical prose, the first wave of the Russian emigration, the biblical reminiscences, the image of the Father, the moral support.

УДК 821.161.1.0

ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ЭПОПЕЕ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»

Шестакова Е. Ю.

*Гуманитарный институт
Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова,
Северодвинск, Российская Федерация
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru*

В статье раскрываются особенности художественного воплощения образа природы, воссозданного И. С. Шмелевым в эпопее «Солнце мертвых». В произведении, наполненном личными переживаниями, богато представлены пейзажные картины, передающие авторское восприятие окружающего мира. Перед читателем проходит галерея образов-чувств, звуковых образов, обонятельных, осязательных, визуальных. Образы-мотивы камня, гор, моря, солнца, сада, животных, птиц, появляющиеся на страницах эпопеи, включены в контекст духовно-философских исканий автора-повествователя. Важнейшую смысловую нагрузку в произведении несут образы крымской природы, акцентирующие мотивы красоты и поэтизации. Вместе с тем художественной установкой писателя становится сопряжение реалистического и символическо-метафорического планов природной образности. Пейзажные образы в произведении имеют амбивалентный характер. Образ крымской природы вбирает семантику красоты, очарования, и одновременно с этим смерти, пустоты, равнодушия. Эти значения реализуются в образах «мертвого солнца», «мертвого города», «пустого неба», «пустого песка», «каменной улыбки» гор, разлаженного «чудесного оркестра». Развитие темы природы в эпопее «Солнце мертвых» неразрывно связано с темой разрушения и гибели дома, России. Исполненный символизма образ сада получает развитие в мотивах идиллии, «утраченного рая», теме детства. Образ природы в эпопее обогащается проблемой духовных поисков, раздумьями автора о Боге-«Солнце Правды».

Ключевые слова: образ природы, творчество, литература русского зарубежья, И. С. Шмелев, природоописание, пейзаж, эпопея «Солнце мертвых»

ВВЕДЕНИЕ

Жизненный и творческий путь выдающего писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) тесно связан с социально-историческими потрясениями, последовавшими за революционными событиями 1917 г. Оказавшись в эмиграции, автор обратился к художественному осмыслению личного опыта пребывания в России (Крыму), находящейся в состоянии разрухи, голода, террора и смерти. Глубинным смыслом эпопеи «Солнце мертвых» (1923) стало постижение страшной действительности, сменившей естественное течение жизни русского человека. Природа, воссозданная в произведении, явилась не столько обрамлением описываемых событий, сколько одним из ведущих образов, отражающих напряженный диалог рассказчика с самим собой и миром.

Художественное своеобразие эпопеи «Солнце мертвых» привлекает пристальное внимание современных исследователей. Основательными в этом отношении можно признать работы Т. Ф. Куприяновой, Н. В. Нориной, Л. А. Ореховой, Сюе Чэнь [8, 9, 13, 14, 15, 20, 21]. Отдельные аспекты произведения нашли отражение в исследованиях Н. Б. Бугаковой, Е. Ю. Горбынко, Е. Ю. Лисицыной [3, 4, 10]. Специфика природной образности в эпопее изучалась в

трудах А. Т. Аблаевой, Т. Д. Беловой, Я. О. Дзыги, А. В. Корнеева, Е. О. Кузьминых, А. И. Смирновой [1, 2, 5, 6, 7, 18]. Наше исследование является продолжением этого направления литературоведческих поисков.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Центральным образом эпопеи является рассказчик, его повествовательный дискурс занимает ключевую идейно-ценностную и содержательную позицию. Весь образно-мотивный пейзажный спектр произведения, природные картины и зарисовки изображаются из перспективы повествователя, называющего себя «камнем, валяющимся под солнцем», «с глазами, с ушами» [23, с. 413]. Образ камня в тексте многогранен, выражает состояние униженности рассказчика («<...> камень. Жди, когда пнут ногой» [23, с. 413]), вызванное нищетой, голодом, постоянной физической слабостью, осознанием разрушенности налаженной жизни. С мотивом камня связаны «экзистенциальные предчувствия рассказчика – его эмпатия по отношению к людям, животным, природе чрезвычайна» [20, с. 73]. Образ камня реализует ветхозаветное значение «посредника между двумя реальностями, воплощающими связь между ними», является «символом оппозиции “мертвое – живое”» [11, с. 96, 99]. Рассказчик вещает из «мертвого» пространства, его речь обращена к миру «живых», находящихся за пределами гибельного хронотопа, преодолевает временные границы настоящего и апеллирует к будущему. В эпопее «Солнце мертвых» «реализованы мифологические представления о Крымском полуострове как о мрачном крае, где находится вход в Царство мертвых» [10, с. 13]. И. С. Шмелев «все происходящее осмысливает не просто в общероссийском – но в мировом масштабе. <...> Писатель изображает схватку Добра и Зла как постепенную гибель всего живого – вместе с людьми и природой» [16, с. 11].

Повествование в эпопее начинается в жарком августе, который сменяет «сухой, мягкий» сентябрь, затем наступает пора «зимней смерти» [23, с. 436, 463] с холодом и сильными ветрами, весна венчает концовку-финал произведения. Вместе с угасанием природы, переходом от лета к зиме в пейзажных зарисовках нарастают мотивы смерти, умирания, гибели, пустоты, темноты и холода. И. С. Шмелев изображает «мир, где господствует смерть» [12, с. 189]. Описание утра, обозначающего предстоящий трудный день, помещено в первую главу произведения, ночь, утишающая тревожно-потрясенное внутреннее состояние рассказчика, завершает эпопею. Изображение основных событий «Солнца мертвых» разворачивается на фоне Крымской природы, повествователь называет ее горные массивы и вершины (Чатырдаг, Яйла, Бабуган, Куш-Кая, Палат-Гора, Демерджи, Судакские горы, Кастель), города (Судак, Ялта, Алушта), дачи (Профессорский Уголок), пансионаты («Линдена корпуса»).

Окружающий природный мир интенсивно включается в художественное пространство эпопеи, рассказчик непрерывно акцентирует свое внимание на меняющихся картинах неба, солнца, земли, гор, моря, растений, деревьев, животных, птиц, насекомых. Пейзаж предстает как ряд реалистических зарисовок: «Сентябрь отходит. Затихли ветры осеннего равноденствия – жару сбили. <...> Воздух прозрачен, тонок. И звонко все, – сухо-звонко», «Кастель начинает золотиться. В

долине, по ближним горкам, – все больше рыжих и красных пятен в подсыхающих виноградниках, по грабу и дубняку. Я всякое утро примечаю, как пятна всползают выше, а серого камня больше выглядывает в лесах: сохнут леса, сквозят» [23, с. 436–437]. Повествователь детализирует собственные впечатления от окружающей природы, воссоздает ее запахи («Крепкой, душистой горечью потягивает от гор, горным вином осенним, – полынным камнем»), краски («Выгоревшие скаты <...> жарко блещут. Кузнечишки, сухая мелочь, вспыхивают по ним серыми брызгами»; «Куш-Кая розовая и синяя»; «золотится Бабуган»; «<...> яхонты вон горят на лозах, теплые, в нежном мате <...> золотится чауш, розовая шасла, мускат душистый <...> как смородина черная – мускат черный, александрийский»), звуки («Сбитое ветром “перекати-поле” звонко треплется по кустам. Днем и ночью зудят цикады, заводят свои пружинки») [23, с. 436–437, 369].

Природа в произведении олицетворяется, ее жизнь исполнена тайны и очарования: «<...> начинают синеть и мерцать горы. Двигутся, оживают. Смотрят»; «Звезды стрелками будут плавать в море»; «Смотреть на странные кусты граба, игру природы. Не кусты, а чудесные превращения, таинственные намеки» [23, с. 386, 387, 422]. Как отмечает исследователь, «Крым для писателя – это прекрасные пейзажи» [1, с. 20]. Поэтичен образ Глубокой Балки, внешний облик которой поражает своей красотой: «Там стены – глубокой чашей, небо там – сине-сине. <...> Солнечный зной курится, дрожит-млеет. Спят тысячелетние пни дубов, заваленные камнями, – во сне последнем» [23, с. 408]. Звезды становятся предметом любования и долгих размышлений рассказчика: «Можно <...> глядеть на звезды. Они буду мигать, мигать <...> Есть ли там, темные между ними, умирающие земли? Где ты, страждущая душа, моей родная?» [23, с. 416]. Возможные звездные цивилизации, по мысли повествователя, неизбежно повторяют путь человеческого развития: «А сколько там крови пролито и выстрадано страданий!» [23, с. 416].

Наслаждение красотой природы полностью не захватывает рассказчика, его трагическое мироощущение постоянно прорывается сквозь эстетическое содержание пейзажных картин. В целом «феномен трагического» является «важнейшей составляющей мирозерцания писателя и мирообразующей доминантой его творчества Крымского периода» [13, с. 7]. Метафорический образ падающих, умирающих и угасающих звезд («неслышная музыка холодеющего огня над тленьем») смыкается с представлением о смерти всего живого, обреченности любого «мира» «лопнуть», «сгореть в огнях, как сор» [23, с. 416]. Звезды остаются безмолвными, как и само Небо (Бог), уподобляясь жестокосердным, равнодушным «камням» [23, с. 416].

В начале эпопеи описывается скучный «огородик» рассказчика («зеленые помидоры», «с десяток кукурузы», «завязывается тыква»), помогающий ему прокормиться в тяжелое голодное время, «низенький, скромный, тихий домик <...> под красной крышей» [23, с. 367, 373]. Здесь намечены черты идиллического пейзажного пространства с устойчивыми мотивами тишины, покоя («в саду ни души», «домик одинокий»), красоты («цвели глицинии на веранде», «розовые кусты шиповника по ограде»; «черный дрозд <...> поет на сухой рябине»; «Красота какая!»), темой смены поколений («А вот и дуб. Ты долго будешь расти. Долго-

долго. Увидишь старого человека, меня-другого <...> ты будешь благодушным свидетелем новых жизней») [23, с. 367, 373, 409]. Тяготеет к мирной жизни и молодой писатель Борис Шишкин, гость рассказчика, мечтающий обрести внутренний покой в тесном слиянии с природой, обитать в «скалах», где только «солнышко, да звезды, да море», стараться «обрабатывать сад» [23, с. 427].

Однако грозная действительность вмешивается в мирный, тихий уголок, в котором хотела укрыться семья рассказчика, разрушает желанную идиллию («Теперь ничего не будет») [23, с. 409]. Повествователь вынужден постоянно включаться в окружающую реальность, полную суеты, тревог, забот о «хлебе насущном», человеческого горя и лишений. Идиллия нарушается и самим рассказчиком, ежедневно отправляющимся на поиски пропитания, и приходящими гостями, приносящими нерадостные вести. Борис Шишкин погибает во цвете лет, его мечты о творчестве и мирном сосуществовании наедине с природой остаются нереализованными. Дом в неустойчивом мире пореволюционной России теряет свойства стабильности, уюта и защиты.

Черты реалистического пейзажа в тексте неустойчивы, границы его непрерывно размываются, разрушаются. Природоописания в произведении обретают символично-инфернальный характер, выраженный в мотивах сна, смерти и образе «мертвого солнца»: повествователю снится сон о дворцах, садах, «цветущих деревьях», освещенных «солнцем из бледной жести», о заглядывающих в окна людях с «лицами неживыми <...> в одеждах бледных» [23, с. 367]. В данном случае сновидческая поэтика напоминает «инфернальные картины “Божественной комедии”» [22, с. 100]. Пейзаж из сна проецируется на окружающую действительность, явь уподобляется страшному сну, мотивы пустоты («сена нет, трава давно погорела»; «каменистый клочок земли, убитый»; «побили виноградник коровы»; «отсохшее “перекати-поле”»), разорения («“Ясная Горка”, дачка учительницы екатеринославской. <...> Давно обобрали ее воры, побили стекла, и она ослепла. Осыпается штукатурка, показывает ребра»), неизбежной гибели всего живого («Знаю, что земля напилалась кровью») [23, с. 367, 370, 369], омертвелости духовной и физической пронизывают реалистические пейзажные природоописания.

Внешняя красота южной природы оказывается обманчивой, мнимой, рассказчик, наблюдая за «городком беленьким <...> с древней, от гнузцев, башней», утопающим в «садах, в кипарисах, в виноградниках, в тополях», знает, что его кажущееся на первый взгляд «житие мирное» – ложное, ненастоящее, а его тишина – «неблагостная», «тишина погоста» [23, с. 373]. В тексте предстает образ «мертвого города», в котором властвуют люди-духовные мертвецы, жестокие убийцы-безбожники. Центром этого страшного пространства является не храм, как прежде, а «подвал тюремный» [23, с. 374], где томятся невинные жертвы, обреченные на муки и смерть. За внешней красотой города скрывается духовная пустота.

Мотив пустоты получает наиболее полное развитие в образах гор, равнодушно «смотрящих» на страдания и смерть людей, «синего и пустого моря», «пустого песка» [23, с. 374–376]. Темы улыбки, смеха и игры, звучащие в пейзажных зарисовках, вносят в повествование негативную семантику. У гор – «улыбка камня», они хранят «каменное молчание» [23, с. 374] в ответ на ужас, пронизывающий жизнь людей.

«Глухие буквые леса», «горная глухая дорога» и «камни» [23, с. 422] слышат плач матери об убитом сыне, только их холодная строгость способна выдержать предельное выражение человеческого горя. На поверхности «играющего моря» беспечно «вскипает синь-бель» [23, с. 374], его не волнует страх и отчаяние рыбаков, приплывших с пустыми сетями, не поймавших рыбы для своих голодных детей. Образ «синего пустого неба», в котором «нет Бога», сравнение человека с муравьем, которого «чья-то слепая сила метет» [23, с. 374, 415], становится выражением внутреннего потрясения рассказчика от увиденного и пережитого.

С общей трагической тональностью повествования связана специфика воплощения сказочных образов (Баба-Яга) и мотивов («железной метлой метет») [23, с. 393], отражающих авторское видение сил Зла, царящих в окружающем мире. Новая власть заливаёт крымскую землю кровью настолько, что она «выбирается из-под земли, играет по виноградникам» [23, с. 393].

Особая роль в художественной структуре эпопеи отведена образу солнца. Солнце в восприятии рассказчика амбивалентно, оно является источником красоты, удивительным природным чудом: «<...> утро ослепительно солнечное, роскошное <...> Солнцем пронизанная ночная свежесть горных лесов, долин горных» [23, с. 368]. Для И. С. Шмелева солнце – «прежде всего источник радостного приятия бытия, необходимое условие и атрибут жизни» [5, с. 87]. Вместе с тем «смех солнца», которое «плавится и играет в море» [23, с. 386], особенно болезненно воспринимается повествователем. Солнце является источником непрерывных физических и душевных страданий, «колет и бьет в глаза», ослепляет своим блеском, обжигающим светом, распространяет вокруг себя смерть и разрушение («Солнце давно все выжгло»; «помидоры омертвели, огурцы пожухли») [23, с. 368, 371, 386]. Связь солнца и мотивов смерти, холода, пустоты проявляется во всей повествовательной структуре произведения («Оно и в мертвых глазах смеется»; «На штыке солнышко играет»; «холодное и пустое солнце»; «солнце смерти»; «оловянное солнце») [23, с. 373, 386]. Согласно наблюдениям исследователя, образ шмелевского солнца «сопоставляется с солнцем из Апокалипсиса, где оно имеет два значения: слава Бога и кара Бога» [7].

Антиномия образов «живого» и «мертвого» солнца является важной отличительной особенностью художественного мира эпопеи. В глазах умирающей курочки Торпедки заключено «живое солнце», в зрачке Жадньюхи «смеялось золотой точкой солнце» [23, с. 387, 411], души птиц оказываются полны любви и кротости. В глазах чекистов, утративших способность к состраданию и милосердию, приговаривающих тысячи невинных людей к смерти, отражается «оловянное солнце» – «солнце мертвых» [23, с. 386].

Власть дьявольского «оловянного солнца», по твердому убеждению рассказчика, неограничена, оно «будет остановлено» и «не будет ходить по кругу» [23, с. 415]. Возникающее здесь представление о всемогущем Боге, способном победить, усмирить разбушевавшееся Зло, вводит в текст важнейшую для автора тему – человек и Бог. Образ солнца в произведении близко перекликается с библейским образом Бога – «Солнцем Правды», «Истинным Светом», «Светом миру», «Светом

невечернем, вечным, незаходимым» (Мал. 4:2; Ин. 1:9, 3:9, 8:12, 9:5; От. 21:23, 22:5): «С детства еще привык отыскивать Солнце Правды» [23, с. 413].

Повествователь, раздираемый внутренними противоречиями, вопрошает: «Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое?» [23, с. 413]. Он колеблется, мечется, ощущает полное безверие, отвергает бытие Божие, не в силах примирить Бога-Любовь со страшной действительностью: «Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски <...> ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью» [23, с. 413]. И одновременно с этим повествователь убеждается в необходимости крестного пути, по которому должен пройти русский человек, чтобы духовно возродиться, «ожить». Для этого необходимо обрести твердую веру и воскликнуть: «Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет» [23, с. 498].

Образы солнца и моря в «Солнце мертвых» смыкаются с темой детства и мотивами изобилия и благодати, намеченными в главе «В Глубокой Балке». Образ-видение, образ-воспоминание «пузатого мальчугана-трехлетки, обожженного солнцем до черноты, с кусищем пышного ситного в кулачке», соединяется с мотивом «благодатной сыти», образами «молочного моря» и «благодатного солнца» [23, с. 425]. Эта идиллическая картина ассоциируется с прошлым, дореволюционной Россией, разрушение которой привело к потере Божией благодати и разгулу Зла, нищеты, голода и страданий. Русский человек, отказавшийся от Бога, утратил свой «рай», безмятежное существование под благословляющей Господней дланью, и теперь пожинает горькие плоды своих решений и поступков. Его существование превратилось в безрадостное блуждание по «глубоким балками» и «непролазным чащам» [23, с. 367]. Образ «черного креста» с прицепившейся к нему портянкой и горлышком бутылки, находящийся на дне Глубокой Балки, в полной мере актуализируется в мотиве бездуховности и образе обезбоженной России.

В авторском восприятии Россия ушедшая, благодатное прошлое, обладало собственным неповторимым звучанием. Вся природа (камни, сады, виноградники, дубы, ветер, трава, горы, «золотая и розовая пшеница», «розовый луч солнца») «пела свое, чудесное», беззаботно «смеялась мириадами сладких глаз», «пела тихую песню родивших ее полей» [23, с. 430]. Она представляла собой гармоничную «симфонию», единый «чудесный вселенский оркестр», поющий славу «Кому-то ласковому», который «ходил по жизни» и «благостно сеял душевную мудрость в людях» [23, с. 430]. «Оркестр» благозвучной России, воспринимаемой «утраченным раем», «развалился», сменился безумной какофонией, «шумами и ревами», «ором дырявых глоток по дорогам» [23, с. 430].

Мотив «утраченного рая», один из ключевых в поэтике «Солнца Мертвых», реализуется в образах «советского сада» и «миндальных садов». Образ «советского сада» возникает в рассказе няни (главка «Нянины сказки»), которая ужасается увиденному: за работу в саду голодным мальчикам руководство выдает «полбутылки вина», от которого дети «пьяне-ошеньки» [23, с. 388]. Развращение, разрушение чистых, непорочных детских душ осознается героиней страшным нравственным преступлением, равным физическому убийству. Итогом речи няни становятся апокалиптические умозаключения: «Всем, значит, помирать скоро?...» [23, с. 388]. Эдемский сад превратился в место соблазна и гибели «малых сих».

Тема погибающих «садов миндальных» впервые появляется в первой главе эпопеи «Утро»: «молодые миндали» [23, с. 369] рассказчика пожирает корова Тамарка, словно само Время, отнимающее у человека прошлое – детство, юность, молодость, яркость и энергию жизни. «Чудесные» миндальные сады доктора до революции переживают период расцвета («А когда сад вошел в силу, когда зацвел <...> сон! Розовато-молочный сон <...> цветочная сказка»), становятся воплощением сокровенных мечтаний о «свете» и «чистоте», дарят радость [23, с. 396]. После революции они превращаются в наглядный пример горьких, неутешительных «итогов и опыта жизни» [23, с. 404] русской и европейской интеллигенции, и, шире, культурно-цивилизационных достижений всего человечества. И. С. Шмелев «видит корень проблемы в одержимости западной революционной идеей русской интеллигенции» [17, с. 168].

Образ вырубаемых миндальных садов соотносится с темой погибающей России, на что указывает исследователь: «<...> горечь об утраченном и никогда уже не восстановимом <...> – реминисценция из “Вишневого сада” А. П. Чехова» [17, с. 168]. Гибнущие миндальные сады в размышлениях доктора связываются с проблемой духовного обнищания человека, его «нисхождения, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей» [23, с. 405]. Человек отказывается от «Бога-Слова» и заменяет Его «земным богом», результатом чего становится «Великое Воскресение <...> вши», создавшей свое «евангелие»: «Никакой ответственности, и ничего не страшно!» [23, с. 405]. Прообразом «человека-вши» здесь выступают рассуждения Родиона Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Русский народ, на взгляд доктора и рассказчика, обмельчал, утратил былое духовное могущество, превратился в «букашек-людей», «людей-мошек» [23, с. 411]. Россия, бывшая некогда благословенным, цветущим миндальным садом, превратилась в «кошмарную действительность», «реальную ирреальность», страшное экспериментальное пространство, где люди являются подопытными «лягушечками»: «Два миллиончика “лягушечек” искромсали: и груди вырезали, и на плечи “звездочки” сажали, и над ретирадами затылки из наганов дробили, и стенки в повалах мозгами мазали, <...> вот это – О-пыт!» [23, с. 406].

Животные оказываются главными жертвами жестокого социального эксперимента, они «в картине гибнущего мира <...> вынуждены разделить общую участь с человеком» [18, с. 204]. Корова Тамарка, некогда бывшая «опорой семьи» [23, с. 367], теперь мечется в поисках скудной пищи, ее вымя высохло от голода и больше не дает молока. Павлин – «красавец», «с царственной поступью», становится «никому не нужным <...> бродягой», его жизнь превращается в постоянную «жалобу» и «тоску» [23, с. 370]. Кобыла Лявва предельно истощена и измучена, ее «костлявость» становится живым напоминанием о неизбежной Смерти. «Брошенные ушедшей за море армией добровольцев» [23, с. 391], умирают кони, каждый день падая замертво от голода. Перед лицом смерти они сохраняют достоинство, до последнего не поддаваясь страшному напору «стервятников, орлов, собак» [23, с. 391].

Отношение к животным осознается главным мерилom человечности, способности в ситуации тотального голода и нищеты сохранить в себе возможность проявления любви и заботы. Для рассказчика птицы (курочки, индюшка) являются живыми существами, наделяются именами, осознаются «родными» существами, с которыми можно разговаривать, делиться потаенными чувствами и мыслями, «открывать душу, все поверять им, и они так умеют слушать!» [23, с. 382]. С птицами разделяется скромная трапеза, отдается последнее зернышко, их невозможно убить ради пропитания, так как они «связывают с прошлым» [23, с. 371], с утраченной благословенной Россией.

Птицы становятся для человека примером жертвенной любви (индюшка полностью отказывается от пищи, высиживая цыплят). Напротив, люди «озверели», в их голосах появились «ревы звериной жизни», в погоне за едой они превратились в «злых», готовых убить хищников, чьи «голодные зубы до жути белы» [23, с. 372]. Рассказчик делает неутешительный вывод: «Человек злей собаки» [23, с. 414]. При этом дети сохраняют внутреннюю чистоту, любовь и милосердие, они сравниваются с голубями (восьмилетняя Ляля «похожа на белую голубку»), жестокие взрослые – с ястребами, «стервятниками», змеями (Шура Сокол, беспредельно развращенный, убивший много невинных людей, называется «мелким стервятником», а его зубы напоминают змеиные) [23, с. 383–384].

Принцип антиномии, ведущий в художественной канве произведения, проявляется себя и при описании Профессорского Уголка, когда противопоставляются образы благостной былой, ушедшей жизни («белый домик <...> под Кастью» с «кипарисами», «рано расцветающими подснежниками и фиалками», «поющими черными дроздами») нынешнему разорению и упадку («<...> там теперь обитают совки, мелкие совки-сплюшки, кричат по ночам тоскливо: сплю-у <...> сплю-у <...>»), принесенному ночными «рожами в сажу» [23, с. 392–393, 410]. Ассоциативная связь воров с бесами продолжает тему «утраченного рая».

Россия послереволюционная сравнивается рассказчиком с Парижем – «нездешней страной», «призрачным городом-сказкой» [23, с. 378, 418], сопоставляется образ мирного, благополучного Зарубежья с разрушенным, аномальным пространством Родины. Повествователю кажутся несбыточным сном «предобеденные прогулки в экипажах», «веселое и свободное» пребывание людей на улицах, описанное «у Мопассана» [23, с. 378]. Россия обрела черты «перевернутого» хронотопа, места, где жить невозможно: «<...> отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на западни, гноят и расстреливают в подвалах, ключей проволокой окружают дома и создают “человеческие бойни”» [23, с. 378].

Гибель России осознается рассказчиком как уничтожение национальной культуры, на смену которой пришел «пещерный век» с «людьми-зверями», «ходящими в железе» и «пожирающими детей своих» [23, с. 378]. Образ тумана, окутывающего «храмы великих мудрецов», чьи открытия «проданы за грош, на обертку пущены под собачье мясо, в пыжи забиты» [23, с. 413], выражает авторское понимание духовно-нравственного состояния послереволюционной России.

Финал эпопеи содержит природоописания, наполненные особым символическим звучанием. Составляющими завершающей пейзажной картины становятся образы

цветущего миндаля с характерной колористической гаммой («в розовато-белой дымке»), едва распустившихся подснежников, «золотых крокусов», ароматных фиалок, поющего «черного дрозда», «светлого неба», «синеющих гор», белеющих звезд [23, с. 502]. Образно-мотивное наполнение концовки произведения, сопровождающееся особой цветовой символикой розового, белого и золотого тонов, смыкается с идиллическими воспоминаниями рассказчика о былой благополучной жизни, указывая на возможность ее возрождения. Переходное природное состояние (вечер, надвигающаяся ночь, обещающая наступление нового дня) выражает внутреннюю растерянность, душевную усталость повествователя, находящегося на перепутье и одновременно ожидающего радостных перемен в жизни России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ природы выступает как ведущая ценностно-смысловая и сюжетно-образная основа эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Личностный характер повествования позволяет раскрыть широкую картину авторского мироощущения окружающего пейзажа, состоящую из образов-чувств, звуковых образов, обонятельных, осязательных, визуальных. Одна из ключевых тем произведения – жизни и смерти – получает наиболее полное развитие в образах-мотивах камня, гор, моря, солнца, сада, животных, птиц. С образом крымской природы связаны мотивы красоты и поэтизации. Авторская художественная концепция предполагает соединение реалистического и символично-метафорического плана пейзажных образов, а также амбивалентности их семантического наполнения. Мотив красоты крымской природы смыкается с образами «мертвого солнца», «мертвого города», «пустого неба», «пустого песка», «каменной улыбки» гор, разлаженного «чудесного оркестра», темой разрушения и гибели дома, России. Образ сада в произведении соотносится с мотивами идиллии и «утраченного рая», образами «советского сада» и «миндального сада», темой детства. Важное место в художественной структуре эпопеи занимают приемы сопоставления («люди-муравьи», «люди-букашки», «люди-лягушечки») и противопоставления (дети – голуби / взрослые – стервятники, звери; Париж / Россия; Россия прошлого / Россия настоящего). Проблема духовных поисков, размышлений повествователя о Боге-«Солнце Правды» интенсивно развернута в текстовом решении темы природы. Текст насыщен реминисценциями из произведений русской классической литературы XIX – начала XX века (А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский).

Список литературы

1. Аблаева, А. Т. «Чужая земля, татарская»: крымскотатарский мир в творчестве И. С. Шмелева [Текст] / А. Т. Аблаева // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2016. – № 2. – Т. 26. – С. 19–22.
2. Белова, Т. Д. Поэзия печали и боли: образы крымской природы в повести И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Текст] / Т. Д. Белова // И. С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Материалы международных научных конференций Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 275–281.
3. Бугакова, Н. Б. Особенности авторского восприятия ключевых образов в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Текст] / Н. Б. Бугакова // Научный вестник

- Воронежского архитектурно-строительного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. – Вып. 14. – С. 117–122.
4. Горбынко, Е. Ю. Крымский миф в романе И. Шмелева «Солнце мертвых» [Текст] / Е. Ю. Горбынко // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс: сборник статей VI международной научной конференции. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. – С. 253–255.
5. Дзыга, Я. О. Образ солнца в творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта [Текст] / Я. О. Дзыга // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 153. – Кн. 2. – С. 86–96.
6. Корнеев, А. В. Архетип сада в романе-эпопее «Солнце мертвых» Ивана Шмелева [Текст] / А. В. Корнеев // GAUDEAMUS IGITUR. – 2018. – № 3. – С. 54–60.
7. Кузьминых, Е. О. Пространственная символика в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Текст] / Е. О. Кузьминых // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 15 (15). – С. 59–68.
8. Куприянова, Т. Ф. Лексико-грамматический и структурный аспекты смыслообразования текста (на материале эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых»). [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Ф. Куприянова. – СПб., 1998. – 15 с.
9. Куприянова, Т. Ф. Тема разрушения и гибели в тексте эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Текст] / Т. Ф. Куприянова // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара: Инновационные центр развития образования и науки, 2015. – С. 53–58.
10. Лисицына, Е. Ю. Крымский миф в русской литературе рубежа XIX–XX веков. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Симферополь, 2019. – 22 с.
11. Моисеева С. А., Фролов Д. В. Камень в Евангелии от Матфея [Текст] / С. А. Моисеева, Д. В. Фролов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3. Филология. – 2016. – № 4 (49). – С. 96–116.
12. Николина, Н. А. «Солнце мертвых» И. С. Шмелева: ключевые слова в структуре текста [Текст] / Н. А. Николина // Н. А. Николина. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». – М.: Академия, 2007. – С. 188–196.
13. Норина, Н. В. Поэтика трагического в прозе И. С. Шмелева 1920-х – 1930-х годов. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. В. Норина. – Пермь, 2012. – 23 с.
14. Орехова, Л. А. История профессора Голубева по архивным документам: материалы к изучению «Солнца мертвых» И. С. Шмелева [Текст] / Л. А. Орехова // Наследие И. С. Шмелева: Проблемы изучения издания. Сб. материалов междунар. науч. конференций 2003 и 2005 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 356–367.
15. Орехова, Л. А. «Солнце мертвых»: крымский текст и крымский архив [Текст] / Л. А. Орехова // Крымский текст в русской культуре. Материалы научной конференции. – Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006. – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2008. – С. 190–202.
16. Осьминина, Е. А. «Художник обездоленных» [Текст] / Е. А. Осьминина // И. С. Шмелев. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Солнце мертвых. Повести. Рассказы. Эпопея. – М.: Русская книга, 1998. – С. 3–12.
17. Резник, О. В. «Солнце мертвых» И. С. Шмелева в контексте эмигрантской литературы о Гражданской войне [Текст] / О. В. Резник // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 74. – Т. 2. – С. 167–172.

18. Смирнова, А. И. Животные на заклании (по повести Ивана Шмелева *Солнце мертвых*) [Текст] / А. И. Смирнова // *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*. – 2019. – No. 5. – Рр. 203–210.
19. Суматохина, Л. В. Символика сада в крымских произведениях И. С. Шмелева [Текст] / Л. В. Суматохина // *Новые российские гуманитарные исследования*. – 2019. – № 14. – С. 83.
20. Сюе Чэнь. «Солнце мертвых» И. С. Шмелева: пространственные символы картины бытия [Текст] / Сюе Чэнь // *Вестник Воронежского государственного университета*. – 2020. – № 3. – С. 70–73.
21. Сюе Чэнь. Картина бытия в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева и литературный контекст. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сюе Чэнь. – М., 2021. – 27 с.
22. Федотов, О. И. Черное солнце Ивана Шмелева [Текст] / О. И. Федотов // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. – 2013. – № 4. – С. 93–109.
23. Шмелев, И. С. Собрание сочинений в одной книге [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москва АО», 2013. – 832 с.

References

1. Ablaeва, A. T. «*Chuzhaja zemlja, tatarskaja*»: *krymskotatarskij mir v tvorchestve I. S. Shmeleva* [«A foreign land, Tatar»: the Crimean Tatar world in the works of I. S. Shmelev]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istorija i filologija*, 2016, no. 2, т. 26, pp. 19–22.
2. Belova, T. D. *Pojezija pechali i boli: obrazy krymskoj prirody v povesti I. S. Shmeleva «Solnce mertvyh»* [Poetry of sadness and pain: images of the Crimean nature in the story of I. S. Shmelev «The Sun of the Dead»]. *I. S. Shmelev i problemy nacional'nogo samosoznaniya (tradicii i novatorstvo). Materialy mezhdunarodnyh nauchnyh konferencij Shmelevskie chtenija 2011 i 2013 gg.* Moscow: IMLI RAN Publ., 2015, pp. 275–281.
3. Bugakova, N. B. *Osobennosti avtorskogo vosprijatija ključevyh obrazov v jepopee I. S. Shmeleva «Solnce mertvyh»* [Features of the author's perception of key images in I. S. Shmelev's epic «The Sun of the Dead»]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2014, vyp. 14, pp. 117–122.
4. Gorbyňko, E. Ju. *Krymskij mif v romane I. Shmeleva «Solnce mertvyh»* [The Crimean Myth in I. Shmelev's novel «The Sun of the Dead»]. *Koncept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: jazykovaja lichnost'. Tekst. Diskurs: sbornik statej VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2016, pp. 253–255.
5. Dzyga, Ja. O. *Obraz solnca v tvorchestve I. S. Shmeleva i K. D. Bal'monta* [The image of the sun in the works of I. S. Shmelev and K. D. Balmont]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, t. 153, kn. 2, pp. 86–96.
6. Korneev, A. V. *Arhetip sada v romane-jepopee «Solnce mertvyh» Ivana Shmeleva* [The archetype of the garden in the epic novel «The Sun of the Dead» by Ivan Shmelev]. *GAUDEAMUS IGITUR*, 2018, no. 3, pp. 54–60.
7. Kuz'minyh, E. O. *Prostranstvennaja simbolika v jepopee I. S. Shmeleva «Solnce mertvyh»* [Spatial symbolism in I. S. Shmelev's epic «The Sun of the Dead»]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2014, no. 15 (15), pp. 59–68.
8. Kuprijanova, T. F. *Leksiko-grammatičeskij i strukturnyj aspekty smysloobrazovanija teksta (na materiale jepopei I. S. Shmeleva «Solnce mertvyh»): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Lexico-grammatical and structural aspects of the meaning formation of the text (based on the material of I. S. Shmelev's epic «The Sun of the Dead»). Abstract of Thesis]. SPb., 1998. 15 p.
9. Kuprijanova, T. F. *Tema razrushenija i gibeli v tekste jepopei I. S. Shmeleva «Solnce mertvyh»* [The theme of destruction and death in the text of I. S. Shmelev's epic «The Sun of the Dead»]. *Aktual'nye problemy i dostizhenija v humanitarnyh naukah: sbornik nauchnyh trudov po itogam*

- mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Samara: Innovacionnye centr razvitiya obrazovaniya i nauki Publ., 2015, pp. 53–58.
10. Lisicyna, E. Ju. *Krymskij mif v russkoj literature rubezha XIX – XX vekov: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The Crimean myth in Russian literature of the turn of the XIX - XX centuries. Abstract of Thesis]. Simferopol', 2019. 22 p.
11. Moiseeva S. A., Frolov D. V. *Kamen' v Evangelii ot Matfeja* [The Stone in the Gospel of Matthew]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3. Filologija*, 2016, no. 4 (49), pp. 96–116.
12. Nikolina, N. A. «*Solnce mertvyh*» I.S. Shmeleva: *kljuchevye slova v strukture teksta* [«The Sun of the Dead» by I.S. Shmelev: key words in the structure of the text]. N. A. Nikolina. *Filologicheskij analiz teksta: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchajushhihsja po special'nosti «Russkij jazyk i literatura»*. Moscow: Akademija Publ., 2007, pp. 188–196.
13. Norina, N. V. *Pojetika tragicheskogo v proze I. S. Shmeleva 1920-h –1930-h godov.: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Poetics of the Tragic in the prose of I. S. Shmelev of the 1920s - 1930s. Abstract of Thesis]. Perm', 2012, 23 p.
14. Orehova, L. A. *Istorija professora Golubeva po arhivnym dokumentam: materialy k izucheniju «Solnce mertvyh» I. S. Shmeleva* [The history of Professor Golubev according to archival documents: materials for the study of the «Sun of the Dead» by I. S. Shmelev]. *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy izuchenija izdaniya. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konferencij 2003 i 2005 gg.* Moscow: IMLI RAN Publ., 2007, pp. 356–367.
15. Orehova, L. A. «*Solnce mertvyh*»: *krymskij tekst i krymskij arhiv* [«The Sun of the Dead»: Crimean text and Crimean archive]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy nauchnoj konferencii*. Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006. SPb.: Izd-vo Pushkinskogo doma, 2008, pp. 190–202.
16. Os'minina, E.A. «*Hudozhnik obezdoennyj*» [«The Artist of the dispossessed»]. I. S. Shmelev. *Sobr. soch.: V 5 t. T. 1. Solnce mertvyh. Povesti. Rasskazy. Jepopeja*. Moscow: Russkaja kniga Publ., 1998, pp. 3–12.
17. Reznik, O.V. «*Solnce mertvyh*» I.S. Shmeleva *v kontekste jemigrantskoj literatury o Grazhdanskoj vojne* [«The Sun of the Dead» by I. S. Shmelev in the context of Emigrant literature about the Civil War]. *Kul'tura narodov prichernomor'ja*, 2005, no. 74, t. 2, pp. 167–172.
18. Smirnova, A.I. *Zhivotnye na zaklanii (po povesti Ivana Shmeleva Solnce mertvyh)* [Animals at the slaughter (based on the novel by Ivan Shmelev The Sun of the Dead)]. *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*, 2019, no. 5, pp. 203–210.
19. Sumatohina, L. V. *Simvolika sada v krymskikh proizvedenijah I. S. Shmeleva* [The symbolism of the garden in the Crimean works of I. S. Shmelev]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 2019, no. 14, p. 83.
20. Sjue Chjen'. «*Solnce mertvyh*» I. S. Shmeleva: *prostranstvennye simvolj kartiny bytija* [«The Sun of the Dead» by I. S. Shmelev: spatial symbols of the picture of being]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 70–73.
21. Sjue Chjen'. *Kartina bytija v «Solnce mertvyh» I. S. Shmeleva i literaturnyj kontekst: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The picture of being in the «Sun of the Dead» by I. S. Shmelev and the literary context. Abstract of Thesis]. Moscow, 2021. 27 p.
22. Fedotov, O. I. *Chernoje solnce Ivana Shmeleva* [The Black Sun by Ivan Shmelev]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija*, 2013, no. 4, pp. 93–109.
23. Shmelev, I. S. *Sobranie sochinenij v odnoj knige* [Collected works in one book]. Moscow: ZAO Firma «Bertel'smann Media Moskau AO» Publ., 2013. 832 p.

**THE IMAGE OF NATURE
IN I. S. SHMELEV'S EPIC «THE SUN OF THE DEAD»**

Shestakova E. Yu.

This article reveals the features of the artistic embodiment of the image of nature, recreated by the writer of the Russian diaspora Ivan Sergeevich Shmelev in the epic «The Sun of the Dead». The work, filled with personal experiences, richly presents landscape paintings that convey the author's perception of the surrounding world. A gallery of images passes before the reader-feelings, sound images, olfactory, tactile, visual. The images-motifs of stone, mountains, sea, sun, garden, animals, birds appearing on the pages of the epic are included in the context of the spiritual and philosophical searches of the author-narrator. The most important semantic load in the work is carried by images of the Crimean nature, emphasizing the motives of beauty and poetization. At the same time, the writer's artistic attitude becomes the conjugation of the realistic and symbolic-metaphorical plan of natural imagery. Landscape images in the work have an ambivalent character. The image of the Crimean nature absorbs the semantics of beauty, charm, and at the same time death, emptiness, indifference. These meanings are realized in the images of the «dead sun», «dead city», «empty sky», «empty sand», «stone smile» of the mountains, a disordered «wonderful orchestra». The development of the theme of nature in the epic «The Sun of the Dead» is inextricably linked with the theme of the destruction and death of home, Russia. The symbolistic image of the garden is developed in the motifs of idyll, «paradise lost», the theme of childhood. The image of nature in the epic is enriched by the problem of spiritual searches, the author's thoughts about God- the «Sun of Truth».

Keywords: the image of nature, creativity, literature of the Russian abroad, I. S. Shmelev, nature descriptions, landscape, epic «The Sun of the Dead».

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.112.2`36

ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Архипова И. В.

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: irarch@yandex.ru*

В статье исследуются девербативы различной лексической и словообразовательной семантики, выступающие в качестве таксисных актуализаторов в современном немецком языке. Рассмотрены немецкие высказывания примарного и секундарного типов с девербативами в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики. Целью работы является рассмотрение девербативных имен существительных немецкого языка в качестве актуализаторов примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности при условии их сочетания с различными таксисными предложениями. В высказываниях примарного типа при сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *während, seit, vor, nach, in, bei, mit* девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В высказываниях секундарного типа с монотаксисными и политаксисными таксисными предложениями обстоятельственной семантики *bei, in, unter, durch, mit, vor, wegen, aus, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, mittels, zu, für, zwecks* немецкие девербативы актуализируют секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (модально-таксисные, медиально-таксисные, кондиционально-таксисные, concessивно-таксисные, финально-таксисные и др.). Итеративные и мультипликативные девербативы выступают в качестве актуализаторов итеративно-таксисных и мультипликативно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

Ключевые слова: немецкие девербативы, таксисные актуализаторы, примарно-таксисная категориальная ситуация, секундарно-таксисная категориальная ситуация, итеративно-таксисная категориальная ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

В фокусе исследовательского внимания современных языковедов сегодня находятся вопросы актуализации таксисной категориальной семантики одновременности и разновременности в различных типах высказываний, в том числе, в высказываниях с неличными формами глаголов и предложно-девербативными конструкциями. Данная проблематика освещена в работах И.В. Архиповой [1], А.В. Бондарко [2, с. 234–242], Н.Г.Васиной [3, с. 16–24], Я. Коцковой [4, с. 87–110], Н.А. Ляшенко [5, с. 101–129].

Отдельные исследователи исследуют девербативы как производные имена существительные в аспекте их структурно-семантических, словообразовательных и функциональных особенностей, в том числе, рассматривая их как языковые репрезентанты таксисной или инструментальной категориальной ситуации

(Н.Г. Васина, И.В. Архипова, В.А. Ямшанова, Р.З. Мурясов и др.) [1; 3; 6; 7]. Р.З. Мурясов рассматривает девербативы различной словообразовательной семантики в составе предложных конструкций как продуктивное средство языковой репрезентации таксисных значений одновременности и разновременности [6, с. 50]. В. А. Ямшанова рассматривает различные типы инструментальных категориальных ситуаций (регулятивные, исполнительские, результативные), средством актуализации которых также могут выступать предложные девербативы [7].

В этой связи актуальность изучения вопроса актуализации категориальной семантики таксиса в немецких высказываниях с предложными девербативами не вызывает сомнения, чем и обусловлен наш исследовательский интерес. Научную новизну исследования состоит в том, что немецкие девербативы в сочетании с таксисными предлогами или так называемые предложные девербативы (термин наш. – И. В. Архипова) впервые рассматриваются в качестве актуализаторов различных таксисных категориальных ситуаций.

Материалом исследования послужили немецкие высказывания с предложными девербативами, включающие в свой состав различные монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной и обстоятельственной семантики. Отметим, что монотаксисные предлоги темпоральной или обстоятельственной семантики маркируют одну разновидность таксисных категориальных ситуаций одновременности или разновременности, в то время как политаксисные предлоги в силу своего семантического потенциала и полисемии могут эксплицировать несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций одновременности. Обследованные немецкие высказывания были получены методом сплошной выборки из электронных баз данных Немецкого словаря (Dwds) и Лейпцигского национального корпуса (LC).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования является рассмотрение роли немецких девербативных имен существительных различной семантики (лексической, словообразовательной), выступающих при условии их сочетания с монотаксисными и политаксисными предлогами в качестве актуализаторов таксисной категориальной семантики одновременности и разновременности.

Немецкие девербативы при условии их сочетания с монотаксисными и политаксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной (модальной, инструментальной, каузальной, кондициональной, concessивной и др.) выступают в качестве актуализаторов различных таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, в частности, примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных ситуаций.

Среди немецких девербативов, выступающих в качестве таксисных актуализаторов, мы различаем: (1) статальные девербативы с семантикой физического/психического состояния человека (*das Sitzen, das Stehen, das Liegen*); (2) процессуальные девербативы с семантикой физиологического/психического дуративного или трансформативного процесса (*das Atmen, das Rauschen, das Schlafen, das Einschlafen, das Erwachen, das Sehen, das Schauen, das Hinschauen, das Zusehen, das*

Hören, das Zuhören, das Aufstehen, das Beobachten, das Betrachten); (3) акциональные девербативы с значением физической/умственной нерезультативной/результативной деятельности или физического/нефизического действия-акции (*das Gehen, das Reiten, das Fahren, das Tanzen, das Arbeiten, das Essen, die Begrüßung, die Anwendung, die Verwendung, die Besprechung, die Beschreibung, die Verbesserung, die Untersuchung*); (4) событийные девербативы с семантикой события как результата физического/психического действия (*die Scheidung, die Ankunft, die Abreise, das Auftreten, der Anblick, der Verhör, der Abschied, der Auftritt, der Angriff, der Überfall*).

Среди обследованных девербативов вышеперечисленной лексической семантики следует назвать имена следующих словообразовательных моделей: (1) аффиксальные девербативы на *-en* (*das Betrachten, das Einschlafen, das Liegen, das Sitzen, das Lesen, das Gehen, das Sprechen, das Reden, das Lachen, das Lächeln, das Husten, das Hüsteln, das Rufen, das Schreien, das Schreiten, das Klopfen, das Zucken, das Knirschen, das Knurren, das Schütteln, das Drehen, das Heben, das Senken, das Ziehen, das Drücken, das Schaukeln, das Winken, das Treffen, das Erscheinen, das Auftreten, das Zaudern, das Zögern, das Wachen, , das Rattern, das Rauschen, das Schlucken, das Klingeln, das Essen, das Trinken, das Wiegen, das Stehen, das Sehen, das Schauen, das Zusehen, das Zuschauen, das Hören, das Anhören, das Zuhören*); (2) аффиксальные девербативы на *-ung, -t, -e* (*die Beschreibung, die Verbesserung, die Verschlechterung, die Verabredung, die Verbreitung, die Anwendung, die Verwendung, die Verzögerung, die Verlängerung, die Scheidung, die Begeisterung, die Verwunderung, die Bewunderung, die Enttäuschung, die Empörung, die Verwirrung, die Verärgerung, die Aufregung, die Erregung, die Erwartung, die Übersiedlung, die Trennung, die Ablieferung, die Behandlung, die Verhandlung, die Abreise, die Ankunft*); (3) безаффиксные девербативы (*der Auszug, der Überfall, der Angriff, der Eintritt, der Schrei, der Aufschrei, der Abschied, der Verhör, der Ruf, der Anruf, der Ausruf, der Sprung*).

Немецкие девербативы при их сочетании с таксисными предлогами темпоральной семантики *während, vor, seit, nach, bis, bei, in, mit* в составе высказываний примарного типа актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности.

Девербативы в сочетании с вышеперечисленными таксисными предлогами выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования, например: *Beim Gehen* schienen Tausende von Nadeln in ihren Füßen zu stechen (Dwds); Einen der Schnäpse trank er, *im Stehen* (там же); Auf der Saunabank findet das eigentliche Schwitzen *im Sitzen* oder *im Liegen* statt (там же); Schon *mit dem Dunkelwerden* begab er sich nach dem Stall, wo er sich mit dem Stallwärter, so gut es ging, nun so versteckte, daß er alles, was mit dem Rennpferde etwa vorgehen mochte, genau zu übersehen im Stande war (там же); *Während der Untersuchung* flogen falsche Spesenabrechnungen auf (там же); *Bei der Untersuchung* wird der neurologische Status des Patienten erhoben (LC); Gleich *nach der Ernennung* bekam sie einen Anruf der Kanzlerin, die – was auch sonst – versicherte: „Ich freue mich auf die Zusammenarbeit.“ (Dwds); Seine Ehefrau reist *seit seiner Verhaftung* um die Welt und wirbt um Unterstützung für ihren Mann (там же); *Nach der Untersuchung der Bombe am Flughafen* glaubt die Polizei, dass die linksextreme Marxistisch-Leninistische

Kommunistische Partei (MLKP) hinter der Anschlagsplanung steckt (там же); Er selbst beschäftigt sich *bis zur Abreise* nur noch mit «Privaten Geschäftsfeldern» der Universität (там же); *Vor dem Schlafen* las er unter der Bettdecke versteckt in dem Buch ... (там же); Ein halbes Jahr *vor der Abreise* war ich einmal pro Woche beim Chinesisch-Sprachkurs (там же); Die Ministerbesuche in Afghanistan finden unter massiven Sicherheitsvorkehrungen statt und werden *bis zur Ankunft* möglichst geheim gehalten (там же); *Vor der Ankunft des Helikopters* umkreisten zehntausende von Menschen die Mukata, wo das Grab für Arafat bereits ausgehoben war, pausenlos – als ob es die Kaba in Mekka wäre (там же).

В приведенных выше высказываниях акциональные, статальные и процессуальные девербативы на *-en* и *-ung*: *das Stehen, das Sitzen, das Liegen, das Gehen, das Dunkelwerden, die Untersuchung* в сочетании с политаксисными и моноксисными предложениями *in, bei, während, mit* в темпоральном значении выступают в роли актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (см. предложные девербативы *beim Gehen, im Stehen, im Sitzen, im Liegen, mit dem Dunkelwerden, während der Untersuchung, bei der Untersuchung*).

Девербативы аналогичной лексической и словообразовательной семантики на *-en* и *-ung* *das Schlafen, die Verhaftung, die Ernennung, die Untersuchung*, а также безаффиксные имена *die Abreise, die Ankunft* в сочетании с моноксисными предложениями темпорального значения *nach, seit, bis, vor* выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций предшествования и следования (см. предложные девербативы *nach der Ernennung, nach der Untersuchung der Bombe am Flughafen, seit seiner Verhaftung, bis zur Abreise, bis zur Ankunft, vor dem Schlafen, vor der Abreise, vor der Ankunft des Helikopters*).

При условии сочетания немецких девербативов с моноксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики *unter, durch, bei, mit, in, vor, wegen, aus, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks, mittels* в высказываниях так называемого секундарного типа актуализируется восемь различных вариантов секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности: модально-таксисные, медиально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные, консекутивно-таксисные и финально-таксисные. Ср.:

(1) *модально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Kranach begrüßt *mit Kopfnicken* einen Patienten (Dwds); *Mit Lachen* reagierte der Kanzler auf Proteste in Göttingen (там же); ... sie wird von vielen Studenten *mit Grinsen* begrüßt, von Studentinnen – als bössartige Provokation empfunden (там же); Nach dem «Svenska Dagbladet» wurde der erste Akt *mit Schweigen* aufgenommen ... (там же); Eine Nacht vergeht *mit Heulen und Schreien* (там же); *Mit etwas Zittern* rettete der FCM den Sieg ins Ziel (LC).

В приведенных выше примерах (п.1) в качестве актуализаторов модально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с политаксисным предлогом *mit* в модальном значении: *mit Kopfnicken, mit Lachen, mit Grinsen, mit Schweigen, mit Heulen und Schreien, mit etwas Zittern*.

(2) *медиаально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Auch hierfür bewarb ich mich *durch Einsendung einer Probe* und erhielt die Stellung gegen ein festes kleines Monatsgehalt (Dwds); Vor acht Monaten, vor der Reichsgrenze, in seinem mit Devisen gefütterten Rock hatte er sich *durch Zittern* verraten (там же); Er wies ihnen, ohn ein Wort zu sagen, nur *mit Winken*, ihre Posten an, wo sie anstehen sollten (там же); Er habe sich *durch Nicken* mit ihr verständigt (там же); «Irgendwann dachte ich, dass ich sie allein *durch Anschauen* auch wirklich verletze» sagt sie (там же); Da hat Wilder seiner humanistischen Leidenschaft freien Lauf gelassen: *durch Lesen* wird man besser (там же).

В приведенных выше высказываниях (п.2) в качестве актуализаторов медиаально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с политаксисным предлогом *durch* в медиаальном значении: *durch Einsendung einer Probe, durch Zittern, mit Winken, durch Nicken, durch Anschauen, durch Lesen*.

(3) *инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: *Durch das Pressen* unter hohem Druck haben Pellets einen niedrigen Wassergehalt und eine hohe Dichte (Dwds); *Durch das Drehen des Handrades* wird er in diese Stellung gebracht (там же); *Durch Senken eines unten im Turm untergebrachten Gegengewichtes* werden die Flügel mit ihrer Breitseite so weit in den Wind gedrückt, als es der gewünschten Kraftentnahme bei der gerade herrschenden Windstärke entspricht (там же); *Durch das Pressen der Sojabohne* wird Öl gewonnen (там же); Diese gilt es *mittels Vermittlung von Medienkompetenz* zu begegnen (LC); Immerhin der erste Schritt in die richtige Richtung ist von dieser Regierung *mittels Abschaffung des Religionsunterrichts* in der öffentlichen Schule erledigt worden (там же).

В приведенных выше примерах (п.3) в качестве актуализаторов инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с политаксисным предлогом инструментальной семантики *durch* и монотаксисным инструментальным предлогом *mittels*: *durch das Pressen, durch das Drehen des Handrades, durch Senken eines unten im Turm untergebrachten Gegengewichtes, durch das Pressen der Sojabohne, mittels Vermittlung von Medienkompetenz, mittels Abschaffung des Religionsunterrichts*.

(4) *кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: *Nur beim Schreien, Husten oder Niesen* tritt eine erbsen- bis haselnußgroße Wölbung hervor (Dwds); Doch offenbaren sich *beim genauen Hinschauen* rasch die Abgründe von Drechsels Kunst (там же); *Bei genauem Betrachten* sehen sie aber ganz anders aus als im Fernsehen (там же); *Bei genauerem Zusehen* zeigt sich jedoch, daß die Soziologie hier einem Artefakt ihrer vergleichenden Methodologie aufsitzt (там же); *Erst bei genauem Hinschauen* wird klar, woran die Diskussion krankt (там же).

В приведенных выше высказываниях (п.4) в качестве актуализаторов кондиционально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с политаксисным предлогом *bei* в кондициональном значении и дополнительными кондициональными экспликаторами *nur, erst, genau, genauer*: *nur beim Schreien, Husten oder Niesen, beim genauen Hinschauen, bei genauem Betrachten, bei genauerem Zusehen, erst bei genauem Hinschauen*.

(5) *каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Da erschöß sich der reiche Mann *aus Verzweiflung* ... (Dwds); *Aus Begeisterung* nannten ihn die Eltern: Golan (LC); *Wegen der Verzweiflung der Palästinenser* drohe nun ein dritter Palästinenseraufstand (там же); Ich schluckte, *vor Bedauern*, nicht mitsingen zu können (Dwds); Schwieriger wird es allerdings, wenn *durch die Verzögerung* andere Flugzeuge am Starten oder Landen gehindert werden (LC); In den Niederlanden ist der Markt dagegen *aufgrund der Rücknahme von Anreizen* drastisch zurückgegangen (там же); Die Porsche Holding hat im ersten Halbjahr ihren Gewinn wieder *dank der Beteiligung* an Volkswagen gesteigert (там же).

В приведенных выше высказываниях (п.5) в качестве актуализаторов каузально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с политаксисным предлогом *durch* в каузальном значении и монотаксисными каузальными предлогами *aus, wegen, vor, aufgrund, dank*: *aus Verzweiflung, aus Begeisterung, wegen der Verzweiflung der Palästinenser, vor Bedauern, durch die Verzögerung, aufgrund der Rücknahme von Anreizen, dank der Beteiligung*.

(6) *концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности*: *Trotz des Schweigens der offiziellen DDR-Medien* über diese kirchlichen Friedensaktivitäten wurden sie von großen Teilen der DDR-Gesellschaft wahrgenommen und führten dazu, daß seitdem von einer neuen oder alternativen F. in der DDR gesprochen wird (Dwds); *Trotz der Verbesserung* lag dieser Wert rund sechs Punkte unter seinem langfristigen Durchschnitt. (там же); Allerdings hat das lang erwartete Papier *trotz Verspätung* noch die Chance, in die Verordnung der Ministerin Eingang zu finden (там же); Dabei sieht der gebürtige Londoner sich selbst *trotz Verwendung modernster Techniken* noch immer als Maler (там же); *Trotz des Angriffs auf die parteilose Kandidatin Henriette Reker* wählt Köln an diesem Sonntag einen neuen Oberbürgermeister (там же); *Trotz des Versprechens*, die Gewalt zu beenden, wurden gestern mindestens 28 Menschen getötet (там же); Im Laufe der Jahrhunderte hat dieses Volk seine Identität verteidigt, seine Kultur, Sprache und geistige Einheit bewahrt, *ungeachtet der Versuche der zaristischen Verwaltung*, die Ukrainer in Russen zu verwandeln (там же).

В приведенных выше высказываниях (п.6) в качестве актуализаторов концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с монотаксисными концессивными предлогами *trotz* и *ungeachtet*: *trotz des Schweigens der offiziellen DDR-Medien, trotz der Verbesserung, trotz Verspätung, trotz Verwendung modernster Techniken, trotz des Angriffs auf die parteilose Kandidatin Henriette Reker, trotz des Versprechens, ungeachtet der Versuche der zaristischen Verwaltung*.

(7) *консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Diese Verbindungen vom Typ CuSCN·nL [143] besitzen offenbar einen polymeren Charakter *infolge des Auftretens von SCN-Brückengruppen* (Dwds); Doch der Vorsitzende Rechtsanwalt Röhrig teilte gleich bei der Eröffnung der Versammlung mit, daß Dr. Wiemer *infolge der Besprechung der Finanzfragen* in der freisinnigen Fraktionsgemeinschaft jedenfalls erst in späterer Stunde erscheint (там же); *Infolge der Behandlung mit Antibiotika* ist die Sterblichkeit auf etwa ein Prozent zurückgegangen (там же); Ab heute werden

infolge der Abreise eines Großteils der Urlauber wieder Betten und mehr Campingplätze frei (LC); Er ist *infolge der Ablehnung* nun obsolet (там же).

В приведенных выше высказываниях (п.7) в качестве актуализаторов консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с монотаксисным консекутивным предлогом *infolge*: *infolge des Auftretens von SCN-Brückengruppen, infolge der Besprechung der Finanzfragen, infolge der Behandlung mit Antibiotika, infolge der Abreise eines Großteils der Urlauber, infolge der Ablehnung*.

(8) *финально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Ich hatte mal einen Kollegen, der eine Gedichtsammlung geschrieben hat und sie mir *zum Lesen* gab (Dwds); In speziellen Fällen (Plaketten, Kacheln, industrielle Formteile) werden T. *zwecks feinerer Detaillierung* und besserer Formhaltigkeit in Pulverform zwischen Metallstempeln gepreßt, sowie auch als Puder oder Füllstoff verwendet (там же); *Zwecks Erzielung toniger Flächen* wird stufenweise geätzt (там же); Die F. e dienen *zum Schneiden (Sägen), Schaben und Hacken* (там же); Vor einiger Zeit hat ihn Siemens in diese Werkstatt geschickt – *zum Basteln auf Betriebskosten* (там же); *Zum Kleben* wird wie dazumal Haut- oder Knochenleim verwendet (там же); Die Probe wurde *zur genaueren Untersuchung* in ein medizinisches Institut geschickt (LC); *Für die Untersuchung* werden zahlreiche Daten gesammelt, etwa über das Wetter, die Windrichtung und den Wasserstand (там же).

В вышеперечисленных высказываниях (п.8) в роли актуализаторов финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие предложные девербативы с монотаксисными финальными предлогами *zu, für, zwecks*: *zum Lesen, zwecks feinerer Detaillierung, zwecks Erzielung toniger Flächen, zum Schneiden (Sägen), Schaben und Hacken, zum Basteln auf Betriebskosten, zum Kleben, zur genaueren Untersuchung, für die Untersuchung*.

При наличии в высказываниях примарного или секундарного типов итеративных адвербиалов или атрибутов (*immer, immer wieder, immerfort, wieder, meistens, meist, mehrmals, nicht oft, oft, selten, stets, häufig, manchmal, mehrfach, mehrmalig, jeder, jedesmalig, mehrere Male*), а также девербативов с семантикой генетической мультипликативности и итеративности, унаследованной ими от производящих глаголов (*das Zittern, das Herzklopfen, das Zucken, das Winken, das Streicheln*), или словообразовательно-итеративных имен, актуализируются итеративно-примарно-таксисные или итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности, а также мультипликативно-примарно-таксисные и мультипликативно-секундарно-таксисные категориальные ситуации, например: *Beim Laufen* waren mir diese Gespräche *wieder* eingefallen (Dwds); *Manchmal beim Gehen* knackt sein Knie, dann denkt er ... (там же); *Oft* kamen ihm *beim Reden* erst die Ideen, die sich nach seiner Auffassung zur praktischen Verwirklichung in Jugoslawien eigneten ... (там же); Man konnte körperlich spüren, wie *hinter jedem Fenster* Menschen *mit Herzklopfen* zitterten (там же); *Mit Zittern* leistet die Muskulatur ihren Beitrag dazu (там же); Möglicherweise lächeln die Verkäufer *beim Abschied immer* ... (Dwds); Beruflich überforderte Menschen reagieren *oft* schon *beim Anblick ihres Arbeitsplatzes* unbewusst mit Muskelanspannung (там же); *Nach langem Zittern* erlöst sie das Siegtor von Mario Götze (LC).

Под генетически мультипликативными и генетически итеративными девербативами следует понимать имена, образованные от глаголов мультипликативной и итеративной семантики (ср., например: *zittern* – *das Zittern*, *klopfen* – *das Klopfen*, *winken* – *das Winken*, *klingleln* – *das Klingeln*, *knacken* – *das Knacken*, *rascheln* – *das Rascheln*, *streicheln* – *das Streicheln* и др.). Словообразовательно-итеративные девербативы приобретают итеративное значение в процессе деривации и употребляются в форме множественного числа (ср.: *die Beobachtung* – *die Beobachtungen*, *die Untersuchung* – *die Untersuchungen*, *der Besuch* – *die Besuche*, *der Angriff* – *die Angriffe* и др.).

В приведенных выше высказываниях с девербативами на *-en* (*das Gehen*, *das Reden*, *das Laufen*) и безаффиксными именами *der Abschied*, *der Anblick* в сочетании с политаксисным предлогом *bei* в темпоральном значении актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, детерминированные семантикой итеративных адвербиалов *wieder*, *manchmal*, *oft*, *immer*.

В высказываниях с генетически-мультипликативным девербативом *das Zittern*, *das Herzklopfen* в сочетании с политаксисным предлогом модальной семантики *mit* в силу мультипликативной семантики данных имен актуализируются мультипликативно-секундарно-таксисные, в частности, мультипликативно-модально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Термин «мультипликативно-модально-таксисная категориальная ситуация одновременности» подразумевает полисинкретизм мультипликативной семантики девербатива, модального значения политаксисного предлога *mit* и таксисного значения одновременности.

В высказывании с генетически-мультипликативным девербативом *das Zittern* в сочетании с монотаксисным предлогом темпорального значения *nach* актуализируется мультипликативно-примарно-таксисная категориальная ситуация следования. Актуализируемая мультипликативно-примарно-таксисная категориальная ситуация следования «объединяет» семантику мультипликативного девербатива и темпоральное значение следования, характерное для монотаксисного предлога *nach*.

Как уже отмечалось выше, в высказываниях примарного типа с монотаксисными и политаксисными предлогами темпоральной семантики итеративные и мультипликативные девербативы могут выступать в качестве актуализаторов итеративно-примарно-таксисных или мультипликативно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, например: *Staatspräsident Chirac, der sich gerne beim Streicheln von Rindvieh fotografieren lässt, hat sich als Bauernlobbyist hervorragend bewährt* (Dwds); *Beim Klopfen zerbrach Walters Schmiedehammer, er bewahrt ihn mit ein paar Betonbrocken, von denen er nicht mehr viele hat, in einer Kiste auf* (там же); *In der Flüssigkeit entsteht beim Klopfen eine stehende Welle* (Dwds); *Die Befürworter härterer Waffengesetze halten nach den Angriffen keine Pietätsfrist mehr ein ...* (там же); *Bei jedem Klingeln zuckten wir zusammen, als hätten wir etwas Böses getan* (там же); *Bundespolizei bietet Behörden Hilfe beim Knacken von Smartphones an* (LC); *Während der Untersuchungen war der Torhüter schwer belastet*

worden (Dwds); *Bei den Besuchen* bei meinen Großeltern als kleines Kind war das Labyrinth aus Gassen ein Spielplatz für mich und meine Cousins (там же); Die Gruppe *zuckt bei jedem Rascheln im Gebüsch*, tappt vorsichtig durch den Wald (там же); *Bei den Beobachtungen* wurden alle Anschriften überprüft (там же).

В вышеприведенных высказываниях девербативы-мультипликативы и девербативы-итеративы генетической кратности, унаследованной от производящих глаголов (*das Klingeln, das Rascheln, das Klopfen, das Streicheln, das Knacken*), а также словообразовательно-итеративные девербативы *die Angriffe, die Besuche, die Untersuchungen, die Beobachtungen* выступают в качестве актуализаторов итеративно-примарно-таксисных и мультипликативно-примарно-таксисных категориальных ситуаций, а также сопряженных итеративно-мультипликативно-примарно-таксисных и итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности. Актуализация итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности может быть обусловлена наличием итеративного атрибута *jeder* (см. *bei jedem Rascheln im Gebüsch, bei jedem Klingeln*). Сопряженная итеративно-мультипликативно- таксисная семантика детерминирована наличием мультипликативного глагола *zucken*, итеративного девербатива *das Rascheln* и итеративного атрибута *jeder*. Сопряженная итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная семантика детерминирована наличием словообразовательно-итеративного девербатива *die Beobachtungen* и множественностью субъектных актантов глагольных действий (*alle Anschriften*).

При сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной (модальной, инструментальной, медиальной, concessивной, каузальной и др.) *in, bei, vor, aus, wegen, dank, aufgrund, trotz, ungeachtet, mit, unter, durch, mittels, zu, für, zwecks, infolge* итеративные и мультипликативные девербативы генетической или словообразовательной кратности выступают в качестве актуализаторов различных мультипликативно-секундарно-таксисных и итеративно-секундарно-таксисных ситуаций одновременности, например: *Es klang genau, wie man sich eine schlechte Auslandsverbindung vorstellt, mit Knistern, Rauschen, kurzen Unterbrechungen und einer aus weiter Ferne kommenden, leisen Stimme* (Dwds); *Durch Winken* lassen sich damit Nachrichten in die Luft schreiben (там же); Von der neuen Führungsmannschaft in der Baracke wird manches *mit Kopfnicken* quittiert werden (там же); ... der Entwurf wird *mit Kopfnicken* angenommen (там же); Die Umsitzenden bejahen *durch Kopfnicken* (там же); Der Alten-Friesacker gab auch hierzu *durch Nicken* seine Zustimmung (там же); Damit verdient er sein Geld: *mit Klappern, Knarren, Rascheln* (там же); Diese Kämpfe wirken sehr dramatisch *mit lautem Knurren*, Staub und Speichel, doch meist verlaufen sie ohne Verletzungen (там же); Diese reagierten im Landtag auf die Rede gleichwohl *mit Murren* und Protest (там же); In den Lesesälen der Bibliotheken, deren Ruhe bis vor ein paar Jahren allenfalls *durch das Rascheln des Papiers und das Knarren der Dielen* gestört wurde, hat die moderne Technik lärmefrig Einzug gehalten (там же); Das Verdeck (ein Knopfdruck, und schon schiebt es sich *mit leisem Surren* über die Sitze nach vorn, zwei Handgriffe, und es verriegelt), ist absolut wasserdicht und hält wirksam den Wind und auch die Windgeräusche ab (LC); Und ganz sicher wird so mancher bereits einige Tage vor dem Neujahrsfest und speziell an diesem Tag *durch das Knattern der Knallfrösche*

geweckt, die unbesorgt überall abgebrannt werden (там же); *Vor lauter Klappern* blieb kein Handwerk übrig (там же); Diese wurden jedoch *durch das laute Knistern des Feuers* darauf aufmerksam und brachten den Brand mit einem Handfeuerlöscher bis zum Eintreffen der Feuerwehr unter Kontrolle (там же);). Zwar lässt sich das Auto auf Kopfsteinpiste nicht aus der Ruhe bringen und der Federungskomfort ist ausreichend, doch gab der Testwagen seinem Unmut über das unangemessene Terrain *durch Knistern im Verdeck* und *Klappern im Handschuhfach* Ausdruck (там же); *Ungeachtet der Angriffe* erreichte das PSG-Team um den schwedischen Superstar Zlatan Ibrahimovic die Arena unverletzt (Dwds); Die Entscheidung kam *aufgrund der Angriffe* auf Sarajevo zustande (там же); *Ungeachtet der Angriffe* nahmen Millionen Nigerianer an der Wahl teil (там же).

В приведенных выше высказываниях генетические девербативы-мультипликативы и девербативы-итеративы *das Knurren, das Klappern, das Murren, das Surren, das Knattern, das Knistern, das Rauschen, das Nicken, das Winken, das Kopfnicken, das Rascheln, das Knarren* и девербатив-итератив словообразовательной кратности *die Angriffe* выступают в роли актуализаторов мультипликативно-модально-таксисных, мультипликативно-медиально-таксисных, а также итеративно-каузально-таксисных и итеративно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (см. девербативы в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями концессивной, каузальной, медиальной и модальной семантики: *ungeachtet der Angriffe, aufgrund der Angriffe, durch das Klappern, mit Klappern, durch das Knistern, vor lauter Klappen, durch das Knattern, durch das Rascheln, durch das Knarren, durch Nicken, durch Kopfnicken, mit Kopfnicken, durch Rascheln, mit Surren, durch Winken, mit Knistern, mit Rauschen*).

Актуализация итеративно-вторично-таксисных категориальных ситуаций одновременности может быть детерминирована наличием итеративных адвербиалов и атрибутов *oft, manchmal, meist, immer, jede* и др.) при отсутствии девербативов итеративной или мультипликативной семантики, например: Der Kranke fühlt sich durch die bloße Anwesenheit seines Arztes oder *durch den Anblick einer Arznei manchmal* nicht nur beruhigter, sondern auch wohler (Dwds); Ich verbringe sie *meist* allein, *mit Nachdenken* (там же).

В приведенных выше высказываниях с политаксисными предложениями каузальной и модальной семантики *durch, mit* актуализируются итеративно-модально-таксисная и итеративно-каузально-таксисная категориальные ситуации одновременности, детерминированные итеративными адвербиалами *manchmal* и *meist*.

В случае наличия в высказываниях мультипликативных девербативов, детерминирующих категориальную семантику мультипликативного таксиса, возможна актуализация мультипликативно-вторично-таксисных или мультипликативно-первично-таксисных категориальных ситуаций одновременности/разновременности, а также сопряженных мультипликативно-итеративно-таксисных категориальных ситуаций (первичного/вторичного) характера, например: Emins Mutter quittiert *jede Lektion mit Kopfnicken* (Dwds); ... *mit jedem Nicken* wuchs ihre Zuversicht, das Rätsel endlich gelöst zu haben (там же); Und *mit jedem Nicken* bietet sich eine Chance, Ihr Training künftig zu optimieren (LC).

В приведенных выше высказываниях с политаксисным предлогом *mit* в модальном и темпоральном значениях актуализируются сопряженные мультипликативно-итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности примарного и секундарного характера, в частности, мультипликативно-итеративно-модально-таксисная категориальная ситуация одновременности (см. предложный девербатив *mit Kopfnicken* и итеративный атрибут *jede*) и мультипликативно-итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. высказывания с предложным девербативом *das Nicken* и итеративным атрибутом *jeder: mit jedem Nicken*).

Кроме того, актуализация итеративно-таксисных, мультипликативно-таксисных или дистрибутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности или разновременности (примарного/секундарного характера) может быть обусловлена наличием соответствующих глаголов итеративной семантики *sich wiederholen*, *pflügen*, *nicken*, *winken*, *zittern*, *klopfen* и др., например: *Später, beim Abschied, wiederholt sich das schöne französische Spiel* (Dwds); *Es war eine von Altmanns Lieblingsgeschichten, die er seinen Gästen beim Abschied an der Haustür wild gestikulierend zu erzählen pflegte* (там же).

В приведенных выше высказываниях с девербативом *der Abschied* с политаксисным предлогом *bei* в темпоральном значении актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, детерминированные семантикой итеративных глаголов *sich wiederholen* и *pflügen*.

При актуализации дистрибутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности релевантный характер может приобретать дистрибутивная множественность субъектных или объектных актантов глагольных действий, например: *Viele Nordkoreaner knieten beim Abschied auf dem Flughafen vor ihren Angehörigen, die wegen des Alters oder körperlicher Gebrechen im Rollstuhl saßen* (Dwds); *Dafür sorgten die beiden Staatschefs schon beim Abschied* (там же); *Beim Anblick der Leichen verlieren viele Soldaten die Fassung* (там же); *Bei der Beobachtung zweier Firmen beim Börsengang tauchten lediglich Finanzexperten des betagten «BIZZ» - Schwesterblattes «Capital» auf* (там же).

В вышеприведенных высказываниях с политаксисным предлогом темпоральной и каузальной семантики *bei* актуализируются дистрибутивно-примарно-таксисные и дистрибутивно-каузально-таксисная категориальные ситуации одновременности, обусловленные дистрибутивной множественностью субъектных актантов глагольных действий обследованных высказываний немецкого языка (см. *viele Nordkoreaner, die beiden Staatschefs, Finanzexperten, viele Soldaten*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, таксисными актуализаторами в немецком языке являются статальные, процессуальные, акциональные и событийные безаффиксные и аффиксальные девербативные существительные на *-en*, *-ung*, *-t*, *-e*. Девербативы различной лексической и словообразовательной семантики выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

В ходе исследования были обследованы высказывания примарного и секундарного типов, содержащие девербативы в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпорального и обстоятельственного (модального, инструментального, каузального, кондиционального, консекутивного, финального и др.) значения.

В высказываниях примарного типа, содержащих монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной семантики *während, seit, vor, nach, in, bei, mit*, немецкие девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования.

В высказываниях секундарного типа с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики *unter, durch, in, bei, mit, vor, aus, wegen, dank, aufgrund, trotz, ungeachtet, infolge, mittels, zu, für, zwecks* немецкие девербативы являются актуализаторами секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (концессивно-таксисных, инструментально-таксисных, модально-таксисных, каузально-таксисных, консекутивно-таксисных, каузально-таксисных и др.).

При наличии в немецких высказываниях итеративных и мультипликативных девербативов генетической или словообразовательной кратности последние выступают в качестве актуализаторов итеративно-примарно-таксисных, мультипликативно-примарно-таксисных, а также мультипликативно-секундарно-таксисных и итеративно-секундарно-таксисных категориальных ситуаций различных разновидностей (мультипликативно-модально-таксисных, мультипликативно-медиально-таксисных, итеративно-каузально-таксисных, итеративно-концессивно-таксисных и др.). В случае дистрибутивной множественности субъектных или объектных актантов глагольных действий немецкие предложные девербативы могут выступать в качестве актуализаторов различных дистрибутивно-примарно-таксисных и дистрибутивно-секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. – Монография. – Новосибирск, 2020. – 173 с.
2. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 234–242.
3. Васина Н.Г. О роли отглагольных имен в организации таксисной семантики предложения в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2008. – № 3. – С. 16–24.
4. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т. 3. – № 15. – С. 87–110.
5. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. – С. 101–129.
6. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации. – Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–53.

7. Ямшанова В.А. Категория инструментальности в немецком языке. – Л.: Изд-во ЛФЭИ. – 1991. – 159 с.

References

1. Arkhipova, I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh*. [Taxis category in different-structured languages]. Monografiya. Novosibirsk, 2020, 173 p.
2. Bondarko, A.V. *General characteristic of semantics and structure of taxis field* [Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса], *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye. aspektualnost. vremennaya lokalizovannost. Taksis*, 2017, pp. 234–242.
3. Vasina N.G. *O roli otglagol'nyh imen v organizatsii taksisnoy semantiki predlozheniya v sovremennom angliyskom jazyke* [On the role of verbal names in the organization of taxis sentence semantics in modern English] // *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Ser. Philology. Irkutsk*, 2008, no. 3, pp. 16–24.
4. Kotskova, Ya. *Nelichnyye formy glagola kak sredstva vyrazheniya taksisa v russkom i cheshskom yazykakh* [Nonpersonal forms of the verb as a mean of taxis expressing in the Russian and Czech languages]. *Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2019, no. 15 (3). pp. 87–110.
5. Lyashenko N.A. *Funktsionalno-semanticheskoye pole taksisa v angliyskom yazyke* [Functional-semantic field of taxis in English]. *Funktsionalno-semanticheskiye polya raznykh tipov v angliyskom i russkom yazykakh*, 2019, pp. 101–129.
6. Murzasov R.Z. *Slovoobrazovaniye i teoriya nominalizatsii* [Word formation and the theory of nominalization]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1989, no. 2, pp. 39–53.
7. Yamshanova V.A. *Kategoriya instrumental'nosti v nemeckom jazyke* [The category of instrumentality in the German language]. L.: LFEI Publishing House, 1991, 159 p.

TAXIS ACTUALIZERS IN GERMAN

Arkhipova I. V.

The article examines the deverbatives of various lexical and word-formation semantics, acting as taxis actualizers in the modern German language. In the course of the study, German statements of the primary and secondary types with deverbatives in combination with monotaxis and polytaxis prepositions of temporal and circumstantial semantics are considered. The purpose of the work is to consider the deverbative nouns of the German language as actualizers of the primary taxis and secondary taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity, provided they are combined with various taxis prepositions. In statements of the primary type, when combined with the monotaxis and polytaxis prepositions of temporal semantics, *während, seit, vor, nach, in, bei, mit*, the deverbatives actualize the primary taxis categorical situations of simultaneity, precedence and following. In secondary type statements with monotaxis and polytaxis prepositions of circumstantial semantics *bei, in, unter, durch, mit, vor, wegen, aus, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks*, German deverbatives actualize secondary taxis categorical situations of simultaneity (modal-taxis, medial-taxis, conditional-taxis, concessive-taxis, final-taxis, etc.). Iterative and multiplicative deverbatives act as actualizers of iterative taxis and multiplicative taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity.

Keywords: german deverbatives, taxis actualizers, primary taxis categorial situation, secondary taxis categorial situation, iterative taxis categorial situation.

СРАВНЕНИЕ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО ПОЭЗИИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Дьякова Т. А.

*ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского», ЛНР
E-mail: diako122@rambler.ru*

Исследование посвящено сравнению как одному из художественных средств поэтических произведений Михаила Матусовского. За основу изучения сравнений в поэзии М. Матусовского принято наиболее распространенное разграничение сравнительных конструкций – по способу грамматического оформления. Выделены шесть групп сравнений: в форме сравнительного оборота; развернутые; введенные в текст в форме сравнительной степени; сравнения в форме творительного падежа; выраженные лексически при помощи слова «похожий»; отрицательные сравнения. Исследованы различные группы образов сравнения, разграниченных на основе категории одушевленности/неодушевленности. Сравнения в форме творительного падежа изучены с точки зрения предметно-образных отношений. Проанализированы авторские образы сравнения, которые представляют наибольший интерес для лингвистического исследования в силу своей «неизбитости». Развернутые сравнения рассмотрены с точки зрения их компонентного состава (в зависимости от количества образов сравнения). Обращено внимание на отрицательные сравнения, использование которых тяготеет к фольклорной традиции.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, поэзия, стихотворение, образ сравнения, образное средство, выразительность.

ВВЕДЕНИЕ

Сравнение является одним из самых распространенных средств достижения образности в литературных произведениях. Это одно из самых неоднозначно расцениваемых выразительных средств. В научной литературе сравнение как образное средство не находит общепринятого толкования. Отнесение его к тропам вызывает полемику среди исследователей языка. Так, О. С. Ахманова относит сравнение к фигурам речи. Сравнение называют разновидностью тропа (Д. Э. Розенталь, Л. В. Рыжкова-Гришина, М. А. Теленкова, Т. Г. Юрченко), образным словесным выражением (В. М. Кожевников, А. П. Квятковский, П. А. Николаев), образным сопоставлением (Т. В. Матвеева), стилистическим приемом (М. П. Брандес, В. В. Одинцов, З. И. Хованская). По мнению С. Н. Бройтмана, полное сравнение – наиболее аналитический из метафорических тропов [1, с. 275], авторы же «Нового словаря методических терминов» называют сравнение «одной из логических операций мышления, состоящей в сопоставлении предметов, явлений, их свойств и установлении тождества или различия между ними» [15, с. 290].

Цель работы – проанализировать способы образования, структуру сравнений как образного средства поэтических произведений Михаила Матусовского. Объектом изучения стали сравнения, использованные в поэзии М. Матусовского, предметом – способы их образования, структура, стилистические функции. Материалом исследования послужили стихотворные тексты, включенные в первый том собрания

произведений писателя в двух томах. При цитировании в работе сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной науке существуют различные подходы к классификации сравнений. Наиболее частый – разграничение по способу грамматического оформления, где выделяют сравнительные обороты; конструкции с формой тв. п. со значением сравнения; формы, образованные при помощи степеней сравнения прилагательных и наречий; развернутые и отрицательные сравнения (А. П. Квятковский, Т. В. Матвеева, В. В. Одинцов). Исследователи говорят о простых и развернутых (Т. В. Матвеева, Т. Г. Юрченко), индивидуальных и общепринятых сравнениях (Ю. С. Степанов). К средствам грамматического оформления как разновидность сравнения добавляют присоединительные конструкции (В. В. Одинцов), отрицательные сравнения (Т. В. Матвеева, В. В. Одинцов, Л. В. Рыжкова-Гришина), сравнительные образы (А. П. Квятковский) и неопределенные сравнения (И. Б. Голуб, А. П. Квятковский, Л. В. Рыжкова-Гришина). Н. С. Першина, анализируя компаративы в русском языке, полагает возможным считать их «отдельным лексико-грамматическим классом, обладающим своими формообразующими, лексическими и функциональными характеристиками» [11, с. 10].

Разнообразием отличается и терминология, используемая для описания сравнительных конструкций. Для наименования того, что сравнивают, исследователи оперируют понятиями «субъект сравнения» (А. П. Веселовский, П. С. Иванова, М. Н. Крылова, О. П. Разумова), «предмет сравнения» (А. А. Потебня, Б. В. Томашевский, А. И. Федоров). То, с чем сравнивают, называют «объектом сравнения» (М. Джонсон, П. С. Иванова, Дж. Лакофф, В. В. Образцова), «образом сравнения» (Б. В. Томашевский), «прототипом сравнения» (Д. Х. К. Маджди). Продолжая традицию А. А. Потебни, понятие «основание для сравнения» используют Г. А. Золотова, Н. С. Першина. Зарубежные ученые применяют к объекту сравнения термин «параметр сравнения» (О. Бухгольц, П. Куццолин, Ч. Леманн, М. Хаспельмат).

Такое многообразие подходов свидетельствует об устойчивом интересе филологов к исследованию сравнения как образного художественного средства, являющегося одним из характерных, узнаваемых приемов писателя, своего рода репрезентантов его индивидуального стиля.

Рассматривая сравнение как одно из образных средств поэтических текстов М. Матусовского, вслед за Т. В. Матвеевой будем называть сравнением «грамматически оформленное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [17, с. 454]. Для классификации сравнений воспользуемся разделением их по структурному разнообразию (грамматическому оформлению). Для характеристики семантико-стилистической основы сопоставлений, легших в основу сравнений, используем понятия «предмет сравнения» и «образ сравнения», предложенные А. А. Потебней [12], взгляды которого разделял и Б. В. Томашевский [13, с. 204]. Полагаем, что

«образ» – это наиболее точная характеристика того, с чем происходит сравнение, которое является художественным средством создания образности.

Сравнения, использованные Михаилом Матусовским, считаем возможным разделить на такие группы.

1. Сравнения в форме сравнительных оборотов

Эти сравнения составляют наибольшую группу (около 700 примеров употребления), они оформлены как сравнительные обороты, вводимые в текст союзами *как, будто, словно, точно как бы* и др. Учитывая достаточно большой массив отобранного материала, считаем целесообразным выделить несколько групп сравнений в зависимости от образа сравнения.

В *первую группу* относим сравнения, образом в которых выступают *одушевленные предметы*, среди них:

1) наименования лиц:

– как общественных существ:

•люди: *И заветный свет храня, / И волнуя, и маня, / Они [окна – Т. Д.], как люди, смотрят на меня* [Т. 1, с. 584. Далее при цитировании поэтических произведений указываем только страницу данного издания – Т. Д.];

•человек: *Бездомная кошка в пустом блиндаже / Кричала, как человек* [с. 68];

– по физическому состоянию (включая субстантивированные прилагательные):

•живая: *Когда земля дрожала, как живая, / Когда от нашей крови таял лед, / Нас выручала дружба фронтовая, / Она и нынче нас не подведет* [с. 571];

•мумия: *Больные в повязках марлевых / Застыли в дверях, как мумии* [с. 293];

•покойница: *Как покойницы на ложе, / В саванах до пят...* [с. 371];

– по возрастной категории, половому признаку:

•дитя: *Они их [колокола – Т. Д.] водрузили на палубе смолистой / И каждого отдельно укрыли, как дитя* [с. 437];

•младенец: *Как младенец, простой и голенькой / Станет истина на года* [с. 520];

•мужчина: *Ты рассуждаешь, как мужчина. Посмотрим, как стреляешь ты* [с. 70];

– по профессии, специальности, роду занятий:

•грузчик: *Мой прадед – лесничий, лесничий – мой дед. / Как грузчик подстрижен, как барин одет...* [с. 42];

•фантаст: *На землю эту нежилую / Пришел он, как фантаст. / И «Махабхарату» иную / Народ о нем создаст* [с. 223];

•чернорабочий: *И с полной нагрузкой морская волна / Ворочает камни, как чернорабочий* [с. 136];

2) наименования «верховного Существа и божественных существ» (С. В. Булавина):

•ангел: *Сын государев, младенец Георгий, / Умер, как ангел, безгрешен и чист* [с. 343];

•Христос: *Он [комендант Берлина – Т. Д.], как Христос, один решал задачу – / Пятью хлебами накормить Берлин* [с. 189];

3) фаунонимы (включая их видовые понятия):

•волк: *Кто тащит все куски, / Как волк, в свои владенья. / Кто чаще, чем носки, / Меняет убежденья* [с. 176];

•звери: *Стрельцы, от крови пьяные, как звери, / Втроем его скрутили без труда* [с. 341];

•птица: *Среди пристрелянных высот, как птица, снайпер гнезда вьет* [с. 71];

•тарбаган: *Он бил врага на этот раз, как тарбагана, в левый глаз* [с. 72];

•ястреб: *И он за несколько шагов, как ястреб, чувствовал врагов* [с. 70];

Во *вторую группу* относим сравнения, образом в которых выступают *неодушевленные предметы*, среди них:

1) различные детали костюма, украшения:

•ожерелье: *Покоряя красками, / В сумраке горели / Связки перца красного, / Будто ожерелья* [с. 358];

•чалма: *И облачко на небосклоне / Свернулось, как чалма* [с. 223];

2) продукты питания:

•маца ('у евреев пресный ритуальный хлеб в виде тонких сухих лепёшек'): *Наследник Паланта удался в отца, / С глазами кретина и лбом мудреца, / С лицом, постаревшим от детских пороков, / Рябым от прыщей и сухим, как маца* [с. 44];

•мясо: *Страшного века свидетель безгласый. / Вымерший город открыл перед нами / Красные камни, как рваное мясо, / Дымные стены с пустыми глазами* [с. 60];

3) природные, стихийные явления:

•гром: *Лишь порой подобно грому / По булыжнику сырому / Раздается дробь копыт* [с. 149];

•дождь: *Огненно-красные бензозаправщики на серой, унылой, как дождь, бетонке* [с. 348];

•зарница: *И это желание, словно зарница, / Все сразу увидеть и все озарить* [с. 449];

3) вещества, минералы, материалы:

•камень: *Кто на речных переправах / Шел, словно камень, ко дну. / Кто на века безымянный / Сгинул в фашистском плену* [с. 528];

•пламя: *...А боль, как пламя, может разгореться, / Погаснуть и затеплиться опять* [с. 468];

•порох: *Завтра она все доскажет свинцом. / Выплачет горе и встанет меж нами / С бледным, но страшно спокойным лицом, / Глядя сухими, как порох, глазами* [с. 59];

4) понятия, связанные с разными видами искусства, сферами культуры:

•былина: *...здесь любая песня как былина, здесь моей отчизны середина, вся ее краса и даровитость, вся ее опора и броня* [с. 436];

•книги: *Я люблю под окнами мечтать. / Я могу, как книги, их читать* [с. 584];

•музыка: *Играет забытые вальсы / Такой же, как музыка, старый / Шарманик в парижском метро* [с. 534];

•сказка: *Побывать, как будто в сказке, / В том лубочном городке, / Где замешивают краски / На яичном на желтке* [с. 498];

•флейта: *Может вдруг запеть, как флейта, / Высохший тростник. / Может к нам из-за колонны / Выйти сам Тагор* [с. 212].

По мнению Н. М. Девятовой, в сравнительной конструкции находит отражение результат когнитивной деятельности говорящего [4]. В процессе же сравнения осуществляется, с точки зрения З. А. Джафаровой и Т. Н. Юркиной, «образование системных связей между предметами объективной действительности в сознании человека, а также внутреннего ментального мира индивида» [5, с. 251]. И, кроме названных «образов сравнения», вовлеченными в «орбиту сравнения» становятся наименования абстрактных понятий (*время, детство, забвение, мироздание, совесть, сновидение* и др.), звезд, планет (*земля, солнце, звезда*), физического состояния человека (*бред, сон, жажда, забытие, смерть*), различных сооружений, транспортных средств, их частей (*колодец, обоз, парус, подлодка, стена, судно, теплоход, тюрьма, флотилия, шахта*).

Выразительность сравнений зависит от неповторимости, сопоставления, «неизбитости» образов, при этом, как считает Д. Х. К. Маджди, можно говорить о «влиянии на характер ассоциаций особенностей психического склада личности поэта, соотношение в ней эмоциональной и рациональной составляющей» [8, с. 195]. По мнению А. Ф. Горобец, авторское сравнение «охватывает разные стороны человеческой деятельности и отражает миропонимание в целом» [3, с. 8], и М. Матусовский, стремясь к художественной выразительности, для сравнения использует такие образы:

• ступени дантовского ада: *И, так переходя из залы в залу, / Как по ступеням дантовского ада, / Знакомясь с экспозицией музея, / Вы попадете в эту панораму* [с. 291];

• маленькая жертва Хиросимы: *Я к вам взываю всею немотою, / Как маленькая жертва Хиросимы* [с. 283];

• знаки светопредставленья: *В кафе напротив не смолкает пенье. / Вдоль набережной лун восходит ряд. / Как будто знаки светопредставленья, / Над ними иероглифы горят* [с. 274];

• иудино дерево [церцис европейский – Т. Д.]: *...Он [вождь племени – Т. Д.] сидит, как иудино дерево, полированный и нагой* [с. 245];

• «крестецкая строчка» (вид русского народного шитья, вышивка – Т. Д.): *Ну и ночка, что за ночка, – / Все кружится снежный прах. / Словно «крестецкая строчка» – / Белый иней на ветвях* [с. 446].

Наибольший интерес для изучения сравнений как поэтического средства представляют конструкции, образованные наращиванием «образов сравнения» (два и более), которые как бы «нанизываются» (В. П. Москвин) при одном «предмете сравнения». Такие сравнительные конструкции, по мнению М. Н. Крыловой, «деавтоматизируют восприятие, стимулируют мыслительную активность» [7, с. 60] читателя. Эти сравнения мы будем называть многокомпонентными (соответственно количеству образов – двухкомпонентными, трехкомпонентными и т. д.) однопредметными сравнительными конструкциями.

Примером **двухкомпонентной** однопредметной конструкции является такая: *Первая на земле / Бомбовая воронка, / Вложенная в конверт / Первая похоронка. / Первая под сосной / Вырытая могила. / Кажется, лишь вчера / Все это с нами было. / Это – как давний спор, / Что бесконечно долго, / Это – как под ребром /*

Спрятавшийся осколок [с. 214]. Из *трех компонентов* состоит сравнение: *И так спокоен был Тунис, / Как теплоход, стоящий в доке, / Как стая задремавших птиц, / Как ящерица на припеке* [с. 238].

Четырехкомпонентная сравнительная конструкция позволяет создать яркий образ, чему способствует использование в поэтическом тексте фигур оксюморона *безыскусная искусность* и *непростая простота*: *Пел хор народный «Крестецкая строчка», / Пел так, как будто гладью вышивал. // Пел, словно заходясь от песни грустной. / Пел так, как пьют целебных трав настоек, / С искусностью, такую безыскусной / И с простотой такую непростой <...> То кто-то окликал нас из лесочка, / То нас в степной заманивал уют. / Пел хор народный «Крестецкая строчка», / Пел так, как редко в наши дни поют* [с. 497].

Предельной выразительностью обладает **семикомпонентная** сравнительная конструкция, в которой применены развернутые сравнения, придающие дополнительную экспрессивность: *Вдруг расцвел в нашем доме багульник / Посредине московской зимы. // Он возник в толчее городской, / Как почти неземное виденье. / Что ж случилось у нас – день рожденья / Или, может быть, праздник какой? // У иной параллели рожден / И к другой приобщившийся вере, / Тонкой кистью был выполнен он, / Как рисунок в японской манере. // Сразу всю нашу ветхую мебель / Подменив обстановкой другой, / Он стоял, как рассвет над тайгой, / Как просвет, появившийся в небе. // Он как исповедь был, как рассказ, / Нам в своем недоступный значенье, / Как письмо, обязавшее нас / Расписаться в его получение* [с. 411].

Вершиной владения искусством построения сравнительных конструкций считаем сравнение, построенное М. Матусовским на взаимозамещении предмета и образа сравнения (*труд* ↔ *танец*): *Что же такое Африка <...> Или это – музыка напряженных рук, или спин пропотевших глянец, / Или это – танец, упорный, как труд, или это – труд, красивый, как танец* [с. 247].

2. Развернутые сравнения

Многообразие подходов к классификации сравнений свидетельствует о том, что процесс теоретических исследований этого тропа продолжается. Так, говоря о сравнении-образе, А. П. Квятковский отмечает, что сопоставление происходит не по отдельному признаку, а по общему облику, что сливается в микрокартину [16, с. 281]. Л. В. Рыжкова-Гришина, не называя каких-либо характеристик развернутого сравнения, приводит в качестве примера стихотворение «Гадалка» В. И. Нарбута [18, с. 211]. Т. В. Матвеева считает, что развернутое сравнение способно охватывать целый текст и обычно оформляется с помощью присоединительной конструкции, вводимой союзом *так* [17, с. 455].

В работе развернутым сравнением будем называть сравнительную конструкцию, состоящую из грамматически организованного соединения слов, обладающую смысловой завершенностью и наделенную образностью. Развернутых однопредметных сравнений в проанализированном массиве насчитывается более 70, среди них считаем нужным, как и в случае со сравнительными оборотами, выделить однокомпонентные и многокомпонентные развернутые сравнения.

Примерами однокомпонентных развернутых сравнений являются конструкции, где основой образа сравнения являются:

•бессонница: *А теперь – на мир нисходит мгла – / Ляжешь спать, а сон тебя сторонится. / Будто с запозданием к нам пришла / Всей войны великая бессонница* [с. 428];

•нечистый: *Фашисты бьют по Спасу на Нередице, / По сердцу человеческому бьют. // Как будто кулаками грянув по столу, / Нечистый сокрушает все подряд* [с. 439];

•струи: *На десятки верст во всей округе / Я такого леса не встречал, / Точно многомачтовые струи / В тесной бухте встали на причал* [с. 92];

•цвета: *Был на исходе август, и поэтому / Вдоль всей горы, от склонов до хребта, / Как будто по железу разогретому / Бежали побежалые цвета* [с. 356].

Многокомпонентными развернутыми сравнениями являются такие конструкции:

двухкомпонентная: *Над нами небо родины, / И так светло кругом, / Как будто мы на лодочке, / Как в юности, плывем* [с. 578];

трехкомпонентная: *Пел Иван Семенович Козловский, / В Святогорском пел монастыре <...> // Пел, как будто истово молился / В заповедной пушкинской тиши. / Пел, как будто с близкими делился / Тайными богатствами души // Главным здесь была не верность нотам / И, пожалуй, даже не вокал <...> // Пел, как будто он решился разом / Подвести прошедшему итог* [с. 402]. Нельзя не согласиться с мнением С. П. Ивановой, полагающей, что такие сравнения «характеризуют людей по внешним, физическим и психологическим свойствам» [5];

четырёхкомпонентная: *Сколько вспыхнуло / Этих бумажных плашек, – / Не пытайся подсчитывать их, / Оставь. / Люди пишут на них имена погибших / И потом / По теченью / Пускают вплавь. / Словно это рождаются новые звезды, / До сих пор не известные никому. / Словно тысячи маленьких привидений / Вереницей идут / Сквозь крутую тьму. / Словно это / Из глубин Отагавы / Затонувших селений пробился свет. / Словно ищут с фонариками друг друга / Люди, / Которых давно уже нет* [с. 305].

Поэт создает и **многопредметную двухкомпонентную** конструкцию, сравнивая стены с произведением Рериха и реальный город с легендарным Китежем: *Но вдруг подступит к сердцу этот город / Всей снежной чистотой своих соборов, / Всей высотой своих летящих звонниц, / Касающихся белых облаков, / Всей глыбой стен, поставленных на берег, / Как будто их писал когда-то Рерих, / Как будто он и есть тот самый Китеж, / Всплывающий из глубины веков* [с. 335].

3. Сравнения, введенные в текст в форме степеней сравнения

Одним из способов создания сравнений является использование грамматических конструкций степеней сравнения имен прилагательных и наречий.

Полагаем возможным выделить такие группы сравнений:

1) созданные в форме сравнительной степени сравнения имен прилагательных, при этом образом сравнения выступают:

•одушевленные предметы: *И столько друзей я оставил в пути, / О всех безвозвратно ушедших скорбя, – / Что мне никогда, никого не найти / Дороже тебя и роднее тебя* [с. 114];

•неодушевленные предметы с конкретным значением: *Не дымят пепелища по склонам. / Из-под камня трава не видна. / Лишь на дереве полусожженном / Уцелела скворешня одна. // Только ветер слепой бестолково / На осине качает ее. / Знать, прочней и надежней людского / Ненадежное птичье жилье* [с. 74] и отвлеченным (абстрактным) значением: *На снегу, где пролег первопутек, / Пересчитывай каждый карат. / Чувство Родины в эти минуты / Обостренное в тысячи крат* [с. 173];

2) созданные в форме сравнительной степени имен прилагательных в сочетании с союзом *чем*, выражающим градуированное сравнение:

•одушевленные предметы: *Я в разлуке то и дело вспоминаю / Голос твой, твои знакомые черты. / Даже Полюс Недоступности, родная, / Мне отсюда доступнее, чем ты* [с. 598];

•неодушевленные предметы: *Ты, лично посетивший этот город, где спазмы перехватывают горло, где раз в году бывает миг молчанья, где похороны чаще, чем венчанья, где горе метит каждую семью* [с. 269];

3) созданные в форме превосходной степени сравнения имен прилагательных, при этом образом сравнения выступают:

•одушевленные предметы: *В этом зале всех счастливей, / Всех красивей ты. / Как идут тебе сегодня / Эти первые цветы* [с. 582];

•неодушевленные предметы: *Поздравляю тебя с утра / С горьковатым дымком костра, / Что любых ароматов слаще* [с. 383];

4) созданные в форме сравнительной степени сравнения наречий, при этом образом сравнения выступают:

•мера и степень действия: *Эти строки диктованы памятной стужей, / Экономней, чем шифр телеграфного кода, / Языком агитаторов, звавших к оружию, / И солдатским жаргоном двадцатого года* [с. 42];

•образ действия: *И любовь моя, словно звезда, / Осветить нам дорогу старается: / То во тьме пропадет без следа, / То еще горячий разгорается* [с. 599].

Учитывая стилистическую функцию сравнений в поэтических текстах, считаем необходимым в отдельную группу выделить префиксальные компаративы с приставкой *по-*, образованные от простых форм сравнительной степени. Эти сравнения, свойственные разговорной речи, имеют смягчительное или ограничительное значение. Они образованы от простой формы сравнительной степени: 1) имени прилагательного: *Есть слова пострашнее, чем порох, / Чем снаряд над окопными рвами. / Я советую людям при ссорах / Осторожнее быть со словами* [с. 474]; 2) наречия: *Уже хрустят под сапогами стекла, / Уже давно пошли приклады в ход. / Почище, чем когда-то у Софокла, / Античная трагедия идет* [с. 234], при этом наречие *почище* употреблено в значении 'о чем-либо, превосходящем другое в отрицательных качествах' [18, стб. 1726].

Для достижения особой выразительности писатель создает сравнения, используя конструкции, образованные различными способами, например, при помощи слова *словно* и формы степени сравнения наречия, при этом в последнем применяет нисходящую градацию (*слабей – покорней – влюбленней*): *Девушка, закрыв глаза, / Плавнo движется по кругу. // С каждым шагом все слабей, / Все покорней и влюбленней, / Словно белых голубей / Выпускает из ладоней* [с. 155].

4. Сравнения в форме творительного падежа

Сравнения строятся и при помощи формы творительного падежа, называемого творительным сравнения. Создаваемые таким образом конструкции обладают метафоричностью, служат для придания выразительности тексту. Сравнительные конструкции в форме творительного падежа Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня называли творительным уподобления и возводили к семантике превращения, истоки которой находятся в древних верованиях [2, с. 222–223; 11, с. 484–486]. В сравнении, выраженном творительным падежом, два члена: субъект и объект, но нет сравнительной частицы. Из-за этого, по мнению С. Н. Бройтмана, «обе части, не так четко отделены друг от друга, как при полном сравнении, и даже переходят друг в друга, почему такое сравнение называют творительным превращения или метаморфозы» [1, с. 276]. Исследователи Л. Э. Найдич и А. В. Павлова говорят о том, что такие сравнения настолько яркие, что становятся метафорами, а иногда разворачиваются в целые метафорические картины, а творительный сравнения можно было бы назвать творительным метафоры [9, с. 171]. Ученые полагают, что творительный сравнения может характеризовать либо субъект, либо действие, либо и субъект, и действие (Анна А. Зализняк, Л. Э. Найдич).

Среди сравнительных конструкций из проанализированного материала эти сравнения немногочисленны (насчитывается 13 примеров употребления). Применяя использованную уже терминологию (предмет сравнения – образ сравнения), можно выделить сравнения, которые характеризуют:

1) предмет: *Дивом дивным звонница сквозная рвется ввысь, ни в чем преград не зная* [с. 434] – рвется звонница, а не диво, особая выразительность достигается редупликацией, характерной для разговорной речи, произведений устного народного творчества (ср.: чудо чудное, горе горькое);

2) образ: *Стихи его в борозды лягут, / Ростками пойдут в высоту* [с. 159] – пойдут ростки, а не стихи;

3) и предмет, и образ: *В твой транзистор, включенный некстати, / Вихрем музыка вдруг ворвалась, / И тогда в одиночной палате / Закружился ликующий вальс* [с. 515] – врываются и музыка, и вихрь.

Как и в других группах сравнений, автор создает конструкции, состоящие из нескольких составляющих, одна из которых творительный сравнения, а другая – сравнение со словом *словно*: *То колесом вы [клоуны – Т. Д.] несетесь по кругу, / Словно удел ваш извечно таков, / То раздаете вы щедро друг другу / Целый мешок оплеух и пинков* [с. 315].

5. Сравнения, выраженные лексически при помощи слова *похожий*

Сравнительные конструкции, в которых используются слова *похожий, подобный, схожий*, расцениваются неоднозначно. Так, А. П. Квятковский говорит о простейших формах сравнений, выраженных посредством «подсобных слов» (*подобно, похож, подобно* и др.) [16, с. 280]. Слова *похож, сходен, подобен* Т. В. Матвеева называет лексическими средствами со значением сравнения, служащими для оформления сравнений [17, с. 455]. Авторы словаря «Художественные средства» подобные конструкции именуют сравнениями, выраженными лексически при помощи слов типа *похожий* [16, с. 207]. Апеллируя к

Аристотелю, к сравнениям относит такие формы и Т. Г. Юрченко [13, стб. 1022]. По мнению же В. В. Одинцова, разного рода сопоставления со словами *похож*, *напоминает* к сравнениям не относятся [10, с. 534].

На наш взгляд, конструкции с использованием слов *похожий*, *подобный*, *схожий* и др. подобных можно считать сравнениями, поскольку в таких выражениях присутствует сопоставление двух предметов, явлений с целью пояснения, описания одного при помощи другого. В поэтических произведениях Михаила Матусовского использованы сравнения, выраженные лексически при помощи слова *похожий* (таких примеров употребления насчитывается около 20). Основой образов сравнения выступают наименования таких групп предметов:

1) одушевленных:

– человек по степени родства (отец): *Если где-то среди этой людской толчеи / Ходит мальчик, **похожий во всем на отца**, – / Значит, снова враги просчитались твои, / Не сумели тебя запретить до конца* [с. 226];

– фауноним (собаки): *Идут с сигаретами в желтых зубах / Охранников сытые рожки – / С годами они **на служебных собак** / Становятся сами **похожи*** [с. 430];

2) неодушевленных со значением:

– абстрактным:

•любовь: *Ты прости, что тебя иногда / Перебором гитарным тревожу я. / Светит в небе полярная звезда, / **На любовь мою чем-то похожая*** [с. 599];

– конкретным:

•забор: *Женщины, замордованные в Заксенхаузене или Майданеке, / В ной-бранденбургских застенках или в тюрингских лесах, / Я знаю: рано иль поздно, но вы непременно встанете <...> / Встанете из-под развалин, глину с себя отряхивая, / Длинные, полосатые, **похожие на забор*** [с. 374].

Достижению особой выразительности сравнений способствует своеобразное расширение образа сравнения различными средствами:

1) эпитетом (*трагический город*): *Пусть не покрылась еще синевою / Девичья кожа – / Вся **ты на город трагический свой** / Чем-то **похожа*** [с. 298];

2) обособленными определениями (человек, *ожидаящий выпаденья волос*): *Я был в городе атомной бомбардировки, где ночные страхи в подъездах живут <...> / Где сосны **похожи на человека, ожидающего выпаденья волос*** [с. 309];

3) придаточным определительным предложением (домик, *в котором все хозяева убиты*): *Я так **похож на тот японский домик**, / В котором все хозяева убиты* [с. 283];

4) наращиванием образа (ансамбли *похожи друг на дружку + как братья родные*): *Может, вправду я стал старомоден и стар, / Но и вам не по вкусу б пришлось это тоже. / Почему-то ансамбли **Ревущих гитар** / Друг на дружку, как **братья родные, похожи*** [с. 393].

6. Отрицательные сравнения

Особое место занимают в поэтическом творчестве Михаила Матусовского отрицательные сравнения, построенные не на сопоставлении предметов или явлений, а на их противопоставлении. Сравнения такого типа часто встречаются в фольклоре или текстах, близких народной поэтической речи. В авторской поэзии отрицательные

сравнения служат для: 1) стилизации текста: *И спешит она в келье скрыться, / В думу вечно погружена, / Не черница и не царица – / Евдокия Лопухина* [с. 339]; 2) создания риторического противопоставления: *Нас смерть не пугает, мы с нею на – «ты».* / *Мы пахнем неважно, но мы не цветы, / Мы – узники лагеря «Дора»* [с. 359]; 3) придания выразительности речи лирического героя: *Глыба купола взлетает в небо косо. / Рыжий берег неприступен и горист, – / Город, бледный от лишений и лейкоза, / Я прошел через тебя не как турист* [с. 333].

ВЫВОДЫ

Рассмотрев сравнение как одно из образных средств поэзии М. Матусовского, можем констатировать, что: 1) сравнением выступает грамматически оформленное сопоставление двух и более явлений, предметов, проведенное с целью выделения значимого для поэта признака; 2) в зависимости от способа их оформления в массиве сравнительных конструкций, использованных писателем, выделены шесть групп сравнений; 3) образами сравнения выступают одушевленные и неодушевленные предметы, среди которых традиционные, используемые в языке, и авторские; 4) в качестве индивидуально-авторских образов сравнения в сравнительных оборотах употреблены различные понятия и предметы (*ступени дантовского ада, иудино дерево, маленькая жертва Хиросимы, прошение об амнистии* и др.); 5) развернутые сравнения представлены однокомпонентными и многокомпонентными конструкциями; 6) сравнения, введенные в текст в форме степеней сравнения, выражены сравнительной и превосходной степенью имени прилагательного и сравнительной степенью наречия (в т. ч. префиксальные компаративы с приставкой *по-*, характерные для разговорной речи); 7) примененный автором творительный сравнения характеризует либо предмет, либо образ, либо предмет и образ сравнения одновременно; 8) отрицательные сравнения, близкие к фольклорной традиции, служат для стилизации речи, создания эмоциональной выразительности; 9) особой образностью отмечены сравнения разных групп, при создании которых писатель использовал различные приемы расширения образа сравнения; 10) сравнение как одно из самых выразительных образных средств служит в стихотворных текстах М. Матусовского для характеристики персонажей (качеств, состояний, поведения), придания экспрессивности речи лирического героя, создания его образной характеристики.

Дальнейшие исследования образных средств поэзии Михаила Матусовского, на наш взгляд, позволят проанализировать другие тропы и стилистические фигуры, их структуру и функции в произведениях писателя. Материалы работы могут быть использованы при изучении лингвистических дисциплин (стилистика, стилистический анализ художественного текста, актуальные проблемы современной лингвистики), изложении спецкурсов и спецсеминаров по лингвистике текста.

Список источников

Т. 1 – Матусовский, М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни [Текст] / М. Матусовский. – М.: Худ. лит., 1982. – 639 с.

Список литературы

1. Бройтман, С. Н. Тропы / С. Н. Бройтман [Текст] // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 275–276.
2. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [Текст] / Ф. И. Буслаев. – Изд. 7-е. – М. : URSS : КомКнига, 2006. – 285 с.
3. Горобец, А. Ф. Сравнение как средство оценочной репрезентации персонажа в художественной прозе У. С. Моэма и И. С. Тургенева [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Ф. Горобец. – Майкоп, 2018. – 26 с.
4. Девятова, Н. М. Сравнение в динамической системе языка [Текст] / Н. М. Девятова. – М. : URSS, 2010. – 318 с.
5. Джафарова, З. А. Способы выражения сравнения в современном русском языке (на материале романа С. Филипенко «Бывший сын») [Текст] / З. А. Джафарова, Т. Н. Юркина // Русский язык в условиях би- и полилингвизма : сб. науч. тр. / отв. ред. З. Н. Якушкина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2019. – С. 251–253.
6. Иванова, П. С. Структурные особенности построения рядов сравнений в художественном тексте [Электронный ресурс] / П. С. Иванова // Уральск. филол. вест. Сер. : Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2018. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-postroeniya-ryadov-sravneniy-v-hudozhestvennom-tekste>. (Дата обращения: 01.12.2021).
7. Крылова, М. Н. Сравнение как элемент образной структуры русского рок-текста [Электронный ресурс] / М. Н. Крылова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2019. – №19. – С. 56–62. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnienie-kak-element-obraznoy-struktury-russkogo-rok-teksta>. (Дата обращения: 20.12.2021).
8. Маджди, Д. Х. К. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Х. К. Маджди. – Воронеж, 2014. – 225 с.
9. Найдич, Л. Э. Беспредложный творительный падеж существительного в роли предикативного атрибута (на материале русской поэзии) [Электронный ресурс] / Л. Э. Найдич, А. В. Павлова // О семиотике языка и ее исследователе. Памяти М. И. Лекомцевой. – Тарту, 2019. – С. 160–213. – Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/lecomceva/naidich_pavlova.pdf. (Дата обращения: 12.01.2022).
10. Одинцов, В. В. Сравнение [Текст] / В. В. Одинцов // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – С. 534.
11. Першина, Н. С. Категориальный класс компаративов в русском языке и его включенность в поле предложных единиц [Электронный ресурс] / Н. С. Першина // Вест. Московск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 2014. – №1. – С. 7–32. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorialnyy-klass-komparativov-v-russkom-yazyke-i-ego-vklyuchennost-v-pole-predlozhnyh-edinit>. (Дата обращения: 25.12.2021).
12. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Электронный ресурс] / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с. – Режим доступа: http://elibrary.gnpbu.ru/text/potebnya_iz-zapisok-po-russkoy-grammatike_t1-2_1958/go,484;fs,0/. (Дата обращения: 12.01.2022).
13. Томашевский, Б. В. Стилистика : учеб. пособие [Текст] / Б. В. Томашевский. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : ЛГУ, 1983. – 288 с.
14. Юрченко, Т. Г. Сравнение [Текст] / Т. Г. Юрченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – стб. 1022.

Словари

15. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
16. Квятковский, А. П. Поэтический словарь [Текст] / А. П. Квятковский. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с.
17. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
18. Рыжкова-Гришина, Л. В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : словарь [Текст] / Л. В. Рыжкова-Гришина, Е. Н. Гришина. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 337 с.
19. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. [Текст] / ред. В. И. Чернышов. – Т. 10. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 1774 стр.

References

1. Brojtman S. N. *Tropy`[Tropes]. Poe`tika: slovar` aktual`ny`x terminov i ponyatij*. Moscow: Publishing house Kulagina; Intrada Publ., 2008. Pp. 275–276.
2. Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka. Sintaksis* [Historical grammar of the Russian language. Syntax]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 285 p.
3. Gorobecz A. F. *Sravnenie kak sredstvo ocenочноj reprezentacii personazha v xudozhestvennoj proze U. S. Moe`ma i I. S. Turgeneva: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Equation as a Means of Evaluative Representation of a Character in the Fiction of W. S. Maugham and I. S. Turgenev]. Majkop, 2018. 26 p.
4. Devyatova N. M. *Sravnenie v dinamicheskoy sisteme yazy`ka* [Comparison in the dynamic system of language]. Moscow: URSS Publ., 2010. 318 p.
5. Dzhabarova Z. A., Yurkina T. N. *Sposoby` vy`razheniya sravneniya v sovremenном russkom yazy`ke (na materiale romana S. Filipenko «By`vshij sy`n»)* [Ways of Expressing Comparison in Modern Russian (Based on S. Filipenko's Novel «Former Son»)]. *Russkij yazy`k v usloviyax bi- i polilingvizma*. Cheboksary` : Publishing house of the Chuvash State Pedagogical University named after I. A. Yakovlev, 2019. Pp. 251–253.
6. Ivanova P. S. *Strukturny`e osobennosti postroeniya ryadov sravnenij v xudozhestvennom tekste* [Structural features of constructing series of comparisons in a literary text]. *Ural`skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazy`k. Sistema. Lichnost` : lingvistika kreativnа*. 2018. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-postroeniya-ryadov-sravneniy-v-hudozhestvennom-tekste>. (accessed 01 December 2021).
7. Kry`lova M. N. *Sravnenie kak e`lement obraznoj struktury` russkogo rok-teksta* [Comparison as an element of the figurative structure of the Russian rock text]. *Russkaya rok-poe`ziya: tekst i kontekst*. 2019. No. 19. Pp. 56–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-kak-element-obraznoj-struktury-russkogo-rok-teksta>. (accessed 20 December 2021).
8. Madzhdi D. X. K. *Sravnenie v poe`ticheskom idiostile (na materiale poe`zii S. Esenina i V. Mayakovskogo): Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Comparison in poetic idiostyle (based on the poetry of S. Yesenin and V. Mayakovsky)]. Voronezh, 2014. 225 p.
9. Najdich L. E., Pavlova A. V. *Bespredlozhny`j tvoritel`ny`j padezh sushhestvitel`nogo v roli predikativnogo atributa (na materiale russkoj poe`zii)* [Non-Prepositional Instrumental Case of a Noun as a Predicative Attribute (on the Material of Russian Poetry)] *O semiotike yazy`ka i ee issledovatele. Pamyati M. I. Lekomcevoj*. Tartu, 2019. Pp. 160–213. Available at: https://www.ruthenia.ru/lecomceva/naidich_pavlova.pdf. (accessed 12 January 2022).
10. Odincov V. V. *Sravnenie* [Comparison] *Russkij yazy`k: e`nciklopediya*. Moscow: Great Russian Encyclopedia: Drofa, Publ., 1997. P. 534.
11. Pershina N. S. *Kategorial`ny`j klass komparativov v russkom yazy`ke i ego vkluchennost` v pole predlozhny`x edinic* [The categorical class of comparatives in Russian and its inclusion in the field of

- prepositional units]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9. Filologiya. 2014. No. 1. Pp. 7–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorialnyy-klass-komparativov-v-russkom-yazyke-i-ego-vklyuchennost-v-pole-predlozhnyh-edinit>. (accessed 25 December 2021).
12. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. 1–2. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p. Available at: http://elibrary.gnpbu.ru/text/potebnya_iz-zapisok-po-russkoj-grammatike_t1-2_1958/go,484;fs,0/. (accessed 12 January 2022).
 13. Tomashevskij B. V. *Stilistika* [Stylistics]. Leningrad: Publishing house of the Leningrad State University, 1983. 288 p.
 14. Yurchenko T. G. *Sravnenie* [Comparison]. *Literaturnaya e`nciklopediya terminov i ponyatij*. Moscow: NPK Intelvak, Publ., 2001. Col. 1022.

Dictionaries

15. Azimov E. G., Shhukin A. N. *Novy`j slovar` metodicheskix terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazy`kam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR Publ., 2009. 448 p.
16. Kvyatkovskij A. P. *Poe`ticheskij slovar`* [Poetic dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia, Publ., 1966. 376 p.
17. Matveeva T. V. *Polny`j slovar` lingvisticheskix terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks, Publ., 2010. 562 p.
18. Ry`zhkova-Grishina L. V., Grishina E. N. *Xudozhestvenny`e sredstva. Izobrazitel`no-vy`razitel`ny`e sredstva yazy`ka i stilisticheskie figury` rechi: slovar`* [Artistic means. Figurative and expressive means of language and stylistic figures of speech: a dictionary]. Moscow: FLINTA, Publ., 2020. 337 p.
19. *Slovar` Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazy`ka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]: in 17 volumes. Vol. 10. Moscow–Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 1774 col.

COMPARISON AS A FIGURATIVE MEANS OF MIKHAIL MATUSOVSKY'S POETRY

Diakova T. A.

The study is devoted to comparison as one of the figurative means of the poetic works of Mikhail Matusovsky. To study comparisons in the poetry of M. Matusovsky, the most common differentiation of constructions according to the method of grammatical design was used. There are six groups of comparisons: in the form of a comparative figure of speech; detailef; introduced into the text in the form of a comparative degree and creative comparison; expressed lexically with the help of the word similar; negative comparisons. Various groups of images of comparison are studied, the category of animation/inanimateness is taken as the basis for their differentiation. Among the images expressed by animate nouns, the names of persons stand out; divine beings; mythical and fairy-tale characters; faunonyms. Images represented by inanimate nouns are divided into names of household items; costume details and decorations; food and beverages; natural elemental phenomena, etc. The author's images of comparison are analyzed, which are of the greatest interest for linguistic research as foe being non-clichéd. Detailed comparisons are considered from the point of view of their component composition (depending on the number of comparison images). Attention is drawn to negative comparisons, the use of which tends ti the folklore tradition. The stylistic features of the use of comparative constructions in the poetry of M. Matusovsky are highlighted.

Keywords: comparison, comparative construction, poetry, poem, image of comparison, figurative means, expressiveness.

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»)

Петров А. В., Лаук Н. Г.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: NGermanovna@yandex.ru*

В статье представлены результаты анализа двусоставных предложений, состоящих из тавтологических имен существительных, которые выступают в роли подлежащего и именной части составного именного сказуемого со связкой **есть**. В синтаксической науке такие предложения получили название «предложения тождества». В качестве главных членов выделены тождественные субстантивы, входящие в тематическую группу терминов родства, находящиеся в оппозиционных отношениях: **брат есть брат, жена есть жена, муж есть муж, отец есть отец, мать есть мать, мама есть мама**. Анализу подвергается импликационал стержневого компонента в связи с варьированием лексического значения, его сложности, информационного потенциала. Комментируются контексты, которые иллюстрируют, как предельно емкая форма может иметь сложное означаемое, отражать различные экстралингвистические ситуации. На передний план выступает не указание на тождество лица, а индивидуальная характеристика отождествляемого имени. Ряд предложений с конкретными субстантивами – названиями родственных отношений обладает яркой афористичностью, на основании чего двусоставные предложения данной модели могут быть причислены к фразеологизмам в широком понимании.

Ключевые слова: предложения тождества со связкой **есть**, стержневой компонент, импликационал лексического значения, периферия лексического значения, термины родства, «Русский ассоциативный словарь».

ВВЕДЕНИЕ

Инвентаризация тавтологических единиц и их деривационных моделей, выявление лексико-семантических отношений между компонентами устойчивых сочетаний рассматриваются в работах Ю. Д. Апресяна, А. М. Бушуя, А. В. Величко, Н. Г. Гольцовой, Л. Я. Костючук, О. И. Литвинниковой, А. Г. Ломова, В. М. Мокиенко, М. Ф. Палевской, А. В. Петрова, Л. И. Ройзензона, Я. И. Рословец, Г. А. Селиванова, Н. А. Янко-Триницкой и др.

Требуется дополнительной разработки проблема вариации лексической наполняемости компонентов предложений тождества, особенности функционирования их в художественных и публицистических текстах. Т. А. Тулина разработала типологию предложений с тавтологией главных членов, описала их структурные особенности. По мнению лингвиста, такие предложения отличаются распространенностью, нарастающей продуктивностью и являются показателем одной из ведущих тенденций развития языка как средства общения – тенденции к компрессии высказывания. При этом предельно емкая форма имеет весьма сложное содержание [11, с. 241–156].

Характер схемы исследуемых предложений в «Грамматике-80» определяется как двухкомпонентный подлежащно-сказуемый. Формализованный вид

предложений тождества в одном из его вариантов может быть представлен как «X связка *есть* X».

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности лексической наполняемости компонентов, относящихся к тематической группе «Родственные отношения», в предложениях тождества со связкой *есть*. Обращение к этому лексическому множеству обусловлено тем, что термины родства относятся к древним лексическим единицам, входят в словарный фонд русского языка. Данная модель весьма продуктивна в русском языке, одинаковые структуры в зависимости от речевой ситуации способны выражать различное значение. Источником для создания картотеки языковых фактов является «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ).

Гипотеза исследования состоит в том, что в предложениях тождества актуализируются различные периферийные семы лексического значения стержневого компонента – его импликационал, который отчасти представлен в «Русском ассоциативном словаре», являющемся новым лингвистическим источником дескриптивного типа, ассоциативным тезаурусом современного русского языка. В предложениях тождества могут стать ядерными различные ассоциативные признаки – как те, которые учитываются в этом лексикографическом издании, так и другие семантические компоненты, не зафиксированные в нем. Лексическими переменными в таких предложениях выступают имена собственные и нарицательные, относящиеся как к конкретным, так и отвлеченным существительным. Так, по наблюдению Т. А. Тулиной, менее частотными являются предложения с тавтологическими субстантивами конкретного значения [11].

При проведении компонентного анализа лексем и установлении типов сем опираемся на классические работы Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, М. В. Никитина, И. А. Стернина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Инвариантным значением для предложений исследуемой модели является значение ‘привычность, обыденность’, известное носителям языка, не требующее пояснения. Толкование объекта речи однозначно и для говорящего, и для слушателя. Наблюдается исчерпанность информации, заключенной во фразе. На эту особенность предложений тождества обратила внимание Т. А. Тулина, отмечавшая, что «конструкции с нарицательными существительными обладают общеязыковой афористичностью (ср. многократно повторяющиеся и не требующие комментариев изречения *Дети есть дети, Мать есть мать, Студент есть студент* и мн. др.)» [11, с. 245]. Приведем для примера следующий контекст:

Раб есть раб, господин есть господин – так уж самой природой установлено: уши человека не растут выше головы, и негоже рабу быть выше господина (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, 1939–1945).

Лексемы «раб» и «господин» не имеют семантического расширения в контексте. Лексическая оппозиция ключевых слов, синтагма *так уж самой природой установлено* подтверждает сформулированное положение об исчерпанности передаваемой информации предложений с тавтологией главных членов.

В отличие от подобных примеров семантика предложений тождества с компонентом, относящимся к тематической группе «Родственные отношения», глубже. Благодаря фразеологизации конструкции в контексте появляется возможность выдвигать на передний план различную информацию, которая отражает периферию лексического значения, связанную как с индивидуальным восприятием, так и с коллективной, культурной обусловленностью.

Выборка из «Национального корпуса русского языка» включает предложения-тождества со следующими субстантивами (в скобках указано количество контекстов в «НКРЯ»): *отец (7), мама (3), мать (22), мачеха (1), сын (3), дочь (1), брат (3), муж (2), жена (15), бабушка (1), бабушка (1), свекровь (1), теща (1), семья (2)*. Отметим, что в предложениях тождества не зафиксированы диминутивы: *маменька, матушка, муженек, сестричка, братик* и т.п., не найдены предложения с тавтологией главных членов, представленных лексемами «сестра», «внучка», «дедушка», «свекр», «тесть», «невестка», «зять».

Исследуя проблемы терминов родства – этимологию данной лексической группы, влияние на нее социально-исторических процессов в жизни славянства, хронологическое развитие семантики, – О. Н. Трубачев пишет: «При известной исторической разнородности славянской терминологии родства, следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде» [15, с. 6]. Добавим, что явные и скрытые смыслы, вкладываемые при номинации, во многом зависят от социальной организации конкретного общества: отношения к кровным родственникам – старшему и младшему поколению, к родственникам по браку, от крепости связей.

Рассмотрим предложения с тавтологическим компонентом «брат».

Брат есть брат

В «Словаре русского языка» лексема «брат» толкуется следующим образом: «брат» – «каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей» [3, с. 104]. В словаре Ю. Н. Караулова наиболее частотными ассоциативными реакциями на лексему «брат» являются: сестра, родной, мой, старший, друг, младший, сват, любимый, по крови, двоюродный [6, с. 29]. Отсутствие отрицательной оценочности среди реакций на лексему «брат» (а также последующие) можно связать с экспериментальными установками при создании ассоциативного словаря. В контекстах часто наблюдаем негативную оценку.

Он был человек жесткий, даже беспощадный, но брат есть брат, я его очень любил, он был личностью незаурядной, я им гордился, он многое мне дал в юности (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977).

Как видно, сема «любимый», актуализируемая в контексте, вариативна. Любовь к брату, гордость за него, несмотря на качества *беспощадный, жесткий*, указывают на доминирование родственных отношений над общечеловеческими. Противоречие подтверждается противительным союзом *но*. Чувства возникли не только благодаря родству, они связаны также с заботой, которую проявлял брат по отношению к говорящему: *он многое мне дал в юности*.

Саида ему носит с базара урюк... детям не дает, внукам не дает, ему дает: брат есть брат, он из тюрьмы пришел, из России, как не помочь?.. (Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999)

Распространители в данном контексте актуализируют семантические признаки, не зафиксированные в словарях: *носит ему урюк, как не помочь* – ‘тот, о котором нужно заботиться’; из тюрьмы пришел, из России – ‘наторпевшийся’. То есть о брате говорится как об объекте, к которому испытывают сочувствие, которого нужно поддержать, если потребуется. Причем его статус в восточной семье, очевидно, выше, чем статус детей и внуков.

Крушит всех подряд, но говорит, что даже за большие деньги не выйдет биться против Федора. Брат есть брат. Младший, Иван, занимается самбо для себя, живет в Санкт-Петербурге, учится в институте Лесгафта (П. Лысенков. Чемпион мира по боям без правил... // «Советский спорт», 2008).

Предложение-тождество представляет самостоятельную нераспространенную и неосложненную синтаксическую единицу. Такое обособление говорит о подчеркнутой важности содержания, отсутствии смысловой подчиненности. Дистрибутив *не выйдет биться против* актуализирует в контексте вариантный признак ‘не соперник’. Отношение к брату отличается от отношений к другим мужчинам: принцип мужской конкуренции не распространяется на родного человека.

Таким образом, в контексте проявляются те семные признаки, которые не отмечены в словарях. Смысловое расширение обусловлено контекстуальными актуализаторами и самой тавтологической конструкцией.

Рассмотрим линейные оппозиции в рамках группы «Родственные отношения»: жена / муж, мать / отец. Анализ парадигматических отношений, характерных для тех или иных лексических единиц, позволяет выявить компоненты их значения, целостно определить их содержание.

Жена есть жена

Проследим трансформацию привычного общекультурного значения лексемы «жена». В «Словаре русского языка» «жена» – ‘замужняя женщина’ (по отношению к своему мужу) [3, с. 195]. Дается представление лишь о социальном положении женщины.

Отметим ассоциативные реакции на лексему «жена» в Словаре Ю. Н. Караулова: муж, любимая, семья, супруга, женщина, мама, верная, мать, домохозяйка, хорошая, добрая, любовь [6, с. 37].

А н д р е й. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, такого шаршавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или, по крайней мере, любил (А. П. Чехов. Три сестры, 1901).

Герой А. П. Чехова любит жену за то, что она честная, порядочная, добрая. Таков был идеал супруги среди аристократического сословия XIX – начала XX в. И в то же время он сомневается в полноте своего чувства. Персонаж добавляет противопоставление: *но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого,*

слепого, такого шаршавого животного; она не человек; кажется удивительно пошлой.

Персонаж называет жену *пошлой*, то есть низкопробной в духовном, нравственном отношении, чуждой высоких интересов. Можно предположить, что женщина ставится ниже мужчины, на уровень с животными. Она обладает признаками животного, причем отталкивающего: *мелкого, слепого, шаршавого*. Данная в контексте характеристика, возможно, свидетельствует о том, что говорящий считает женщин неспособными на возвышенные чувства и мысли. Они слишком для него приземленные. Таким образом, актуализируемые в контексте семьи 'неприятная', 'пошлая' вариантивны, индивидуальны, находятся на периферии лексического значения.

Вдруг мы получаем записочку, в которой говорится, что весь этот монолог надо вычеркнуть и заменить его всего лишь тремя словами: – Жена есть жена! В этой короткой фразе, если вдуматься в нее глубже, заключается все, что было сказано в длинном, в две страницы, монологе (К. С. Станиславский. А. П. Чехов в художественном театре (Воспоминания), 1914–1938. – НКРЯ).

Из приведенного отрывка Станиславского становится ясно, что режиссер считает возможным все смыслы монолога Андрея (персонажа пьесы «Три сестры» А. П. Чехова) о неинтересной и скучной жизни, о прошедшей любви к жене – вместить во фразу *жена есть жена*. В результате импликационал лексического значения слова «жена» является необычайно богатым: он вбирает личностные ассоциации каждого зрителя, основанные на жизненном опыте, на знании оригинала пьесы. Следующий контекст может служить подтверждением вышесказанного:

Как говорил Чехов, жена есть жена – она всегда виновата в чем-нибудь глобальном (Е. В. Колина. Дневник измены, 2011).

Культурные и социальные преобразования эпохи привели к тому, что идеализированное отношение XIX века к женщине, жене сменилось общепринятым негативным.

Жена есть жена, и все-таки неприятно, когда жена, какова бы она ни была, бросается в пролет лестницы и разбивается насмерть (В. А. Каверин. Открытая книга, 1949–1956)

Дистрибуция *какова бы она ни была; неприятно, когда <...> разбивается* (просто неприятно) свидетельствует о том, что говорящий (муж) не испытывает по отношению к жене любви. Ее гибель приносит лишь какую-то досаду. Но все же слова *какова бы она ни была* подтверждают, что жена – человек небезразличный, отношение к нему не такое, как к чужим. Складывается ощущение, что жена для мужчины – это неприятная, но обязательная часть его семьи, однозначно имеющая с ним некую связь. Появление периферийных семантических признаков, то есть расширение импликационала слова, происходит за счет дистрибуции. Можно выделить вариантное значение 'плохая'.

Муж есть муж

В «Национальном корпусе русского языка» содержится всего два контекста с предложением-тождеством «муж есть муж». В «Толковом словаре русского языка» дано следующее значение: «муж» – 'женатый мужчина (по отношению к своей жене)'

[3, с. 281]. Наиболее частотные ассоциативные реакции на это слово: жена, верный, любимый, хороший, любящий, мужчина, мой, чужой, обьелся груш [6, с. 123].

Проследим, как трансформируется словарное значение в контекстах.

На первой работе тоже не по специальности работала. Надо семью кормить. Муж есть муж. Семья есть семья. Дети есть дети. Да и какая именно была специальность?.. Для женщины это не главное (Марина Палей. Дань саламандре, 2008).

Автор обращает внимание на то, что для женщины не важна карьера, работа по специальности. Она в первую очередь заботится о семье – *надо семью кормить*. По принципу синтаксического параллелизма выстроен ряд идентичных конструкций – предложений-тождеств, содержащих в качестве стержневого компонента субстантивы группы «Родственные отношения»: муж, семья, дети. При этом предложение с лексемой «муж» расположено на первом месте. Это свидетельствует о значимости супруга в жизни женщины, его главенствующее положение в ее заботах. В контексте имплицирован индивидуальный смысл, не зафиксированный в словарях. Выделим сему ‘важный’.

Муж, узнав о том, что я собираюсь его покинуть, очень, просто очень расстроился. Вот уж чего я не ожидала. <...> Потом уж и вовсе невозможное совершил: купил билеты на поезд, собрал чемодан и сказал:

– Хочу тебя, змею, на юг вывезти. Может, выветрится из тебя твоя любовь.

Что ж, муж есть муж – повез меня, как чемодан, в Адлер (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000).

Женщина, влюбленная в другого мужчину, покорно соглашается на попытки мужа ее вернуть. Она разрешает ему обращаться с собой, как с чемоданом (*повез меня, как чемодан*). Возможно, она испытывает перед ним вину и поэтому покоряется.

На периферии семантического поля можно определить вариантную сему ‘тот, кому должна быть верна и покорна жена’.

Ограниченное количество контекстов с тавтологическим сочетанием «муж есть муж» связываем с глубоким индивидуальным пониманием лексемы «муж». Понятийное содержание нельзя считать общекультурным, поэтому понимание ремы высказывания затруднено.

Отец есть отец

В «Толковом словаре русского языка» лексема «отец» определяется следующим образом: ‘мужчина по отношению к своим детям’ [3, с. 317]. Из наиболее частых ассоциативных реакций на лексему выделим следующие: мать, родной, семейство, мой, сын, добрый, папа, дом, хороший, отец и сын, строгий, мужчина, старый, любимый [6, с. 156].

– Ты же скотина, Ориф. Животное. Ты у брата отнимешь, если надо будет! У отца!

– Ц-ц-ц-ц-ц! – Усмехаясь, Ориф покачал головой. – И зачем ругаться! Что говоришь! Как можно – у отца! Что ты! Отец есть отец! Не говори так! Стыдно тебе так говорить!.. (Андрей Волос. Дом у реки // «Новый мир», 1998).

Почитание отца с матерью в азиатской культуре особое, старшие родственники идеализированы. Необходимость уважать их возраст, а значит, мудрость закреплена в заповедях.

Дистрибутивы *Что говоришь! Как можно – у отца! Что ты! Не говори так! Стыдно тебе так говорить!* подтверждают общекультурное для Востока особое отношение к отцу. В структуре лексического значения выделим актуализируемую вариантную сему 'уважаемый'. Относим ее к периферии лексического значения для славянского узуса.

Похожий смысл отражен в следующем контексте:

– *Вы же знаете, не в ладах мы с папашей...*

– *А ты, парень, не кочевряжься, – строго заметил Лоцилин. – Отец есть отец, и надо его понять... Нечего тебе молодым петушком наскакивать на него. Вот сегодня же и навести родителей* (А. И. Мусатов. Земля молодая, 1960).

Старший мужчина поучает молодого, внушает ему, что отца необходимо уважать, несмотря на возможные разногласия: *надо его понять; нечего тебе <...> наскакивать на него; навести родителей*. Говорящий обращает внимание слушателя на определенные признаки, побуждает понимать ситуацию именно так, как понимает он.

В следующем контексте лексема «отец» расширяет значение в связи с тем, что рассматривается с позиции главенства по отношению к бабушке и дедушке.

Конечно, мальчик живет у дедушки и бабушки, кто ж его отдаст, но отец есть отец (Галина Щербакова. Армия любовников, 1997).

Подчеркивается важность отца для ребенка (использован противительный союз *но*), наличие прав на него; актуализируется сема 'значимый'.

Рассмотрим иную трансформацию значения лексемы «отец» в таком контексте:

Ведь отец человек уже немолодой и не такой уж здоровый, и характер у него... В общем, отец есть отец, и если Васенька уедет, то... ты сама понимаешь... (Александр Вампилов. Старший сын, 1965).

Коммуникативная функция рефлексии выражается с помощью языковых средств: *ведь, в общем, если ... то*, повтор союза *и* при определениях. Имплиcitный смысл определяется не только дистрибуцией, но и макроконтекстом. Определим контекстуальные семы – 'тот, о ком необходимо заботиться'.

В результате контекстуального анализа выделены ключевые параметры, характеризующие образ отца. Учитывая их, вычленим периферийные семы: 'уважаемый', 'значимый', 'тот, о ком необходимо заботиться'. Данные признаки не всегда обусловлены собственно качествами отца, они выводятся на первый план тавтологическим повтором и дистрибуцией.

Мать есть мать

Для понимания, что составляет ядро лексического значения слова «мать», обратимся к «Толковому словарю русского языка». Значение 'женщина по отношению к рожденным ею детям' дает представление только о родственных отношениях, о происхождении одного человека от другого [8, с. 240].

Из наиболее частотных реакций на стимул «мать» выделим следующие: отец, родная, моя, любимая, добрая, героиня, женщина, Родина, твою, мама [6, с. 159].

Фигурируя в качестве повторяющегося компонента в предложениях тождества, лексема «мать» имеет значительно расширенную семантическую структуру. Периферийные семы также актуализированы с помощью дистрибутивов. Проследим варьирование лексического значения лексемы в контекстах.

*Жена, в отличие от него, не забывала об этом ни на миг. Что тут взять – **мать есть мать**. Все на инстинктах... Юлька держала сына на руке, другой расстегивая пуговицы пальто. <...> материнские инстинкты сильны <...> Юлька бережно, но настойчиво удерживала разбушевавшегося малыша* (Сергей Лукьяненко. Новогодний Дозор, 2014).

Мужчина, описывая качества своей жены, ставит на первое место инстинктивную заботу о ребенке (*материнские инстинкты сильны*). Он противопоставляет эту особенность женщины своему невниманию (*жена, в отличие от него, не забывала*). Развитие периферии значения происходит за счет вариантных сем 'с инстинктивным поведением'.

*Он и выехал, потому что **мать есть мать**, это святое* (Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001).

Автор вводит пояснение к предложению тождества – *это святое*, актуализируется сема 'святая', которую трудно квалифицировать как индивидуальную, поскольку общая положительная оценка среди ассоциативных реакций совпадает.

***Мать есть мать**, она на что угодно решится, чтобы спасти сына* (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды, 1999).

*На что угодно решится ради детей – такова характеристика большинства женщин, она общепринята и понятна. Сема 'самоотверженная' синонимична семе, заключенной в ассоциативной реакции *героиня*. Импликационал лексического значения не расширяется.*

*Осторожнее бежать по лестнице, осторожнее переходить улицу, осторожнее садиться в троллейбус, осторожнее выступать на семинарах... **Мама есть мама*** (Георгий Полонский. Дайте мне человека...», 1961).

За счет лексического повтора *осторожнее* в данном контексте реализуются вариантные семы 'заботящаяся' и 'переживающая'. Автор перечисляет самые привычные и безопасные действия (*садиться в автобус, выступать на семинарах*), чтобы подчеркнуть: *мама* испытывает тревогу за детей, даже когда угрозы, казалось бы, нет.

ВЫВОДЫ

Предложения тождества со связкой *есть* рассмотрены как языковое явление, реализующее различные авторские задачи, как средство передачи не только общекультурных смыслов, но и индивидуальных.

Исследование семантики тавтологических конструкций с конкретными существительными – названиями лиц с точки зрения родственных отношений показало, что они обладают многослойной семантической структурой, проявляющейся во взаимосвязи образующих ее элементов, в актуализации за счет дистрибуции вариативных сем, языковой мотивировки выбора стержневого

компонента. Выделено инвариантное значение предложений исследуемой модели – ‘привычность, обыденность’.

Благодаря способности эксплицировать в контексте скрытые семы импликационала во фразеологизированных тавтологических предложениях со связкой *есть* трансформируется структура лексического значения переменных, актуализируются новые семы, что отражает одну из форм познания окружающего мира. Для предложений тождества с лексической единицей «брат» выделены следующие актуализированные семы – ‘любимый’, ‘тот, о котором нужно заботиться’, ‘натерпевшийся’, ‘не соперник’;

с лексической единицей «жена» – ‘неприятная’, ‘пошлая’, ‘плохая’;

с лексической единицей «муж» – ‘важный’, ‘тот, кому должна быть верна и покорна жена’; с лексической единицей «отец» – ‘уважаемый’, ‘значимый’, ‘тот, о ком необходимо заботиться’;

с лексической единицей «мать» – ‘с инстинктивным поведением’, ‘святая’, ‘самоотверженная’;

с лексической единицей «мама» – ‘заботящаяся’, ‘переживающая’.

Проведенный семантический анализ лексем тематической группы «Родственные отношения», а также разработанная модель описания предложений-тождеств со связкой *есть* могут быть использованы для изучения тавтологических сочетаний, фразеологизированных единиц русского языка, при дальнейших исследованиях в русле когнитивной лингвистики, а также для расширения «Русского ассоциативного словаря».

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки славянских культур», 2009. – Т. 1: Парадигматика. – 568 с.
2. Величко, А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: монография. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 411 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 1. – 1084 с.
4. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 165 с.
5. Петров, А. В. Префиксальные повторы страдательных причастий в русском языке / А. В. Петров // Мова. – Одесса : Астропринт, 2014. – Вып. 21. – С. 201–205.
6. Русский ассоциативный словарь : в 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – Т. 1: От стимула к реакции : Около 7000 стимулов. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 781 с.
7. Русская грамматика : в 2-х т. / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 709 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. – 750 с.
9. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

11. Тулина, Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке / А. Т. Тулина // Исследования по современному русскому языку ; отв. ред. Т. П. Ломтев и А. А. Камынина. – М. : МГУ, 1970. – С. 241–156.
12. Трубаев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубаев. – М. : URSS, 2006. – 237 с.

References

1. Apresjan, Ju. D. *Issledovanija po semantike i leksikografii* : v 2 vol. M. : Shkola «Jazyki slavjanskih kul'tur», 2009. vol. 1: Paradigmatika. 568 p.
2. Velichko, A.V. *Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke : strukturno-semanticheskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie* : monografija M. : MAKSPress, 2016. 411 p.
3. Efremova, T. F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* : v 2 vol. M. : Rus. jaz., 2000. vol. 1. 1084 p.
4. Nikitin, M. V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znachenija*. M. : Vyssh. shk., 1988. 165 p.
5. Petrov, A. V. *Prefiksalye povtory stradal'nyh prichastij v russkom jazyke*. Odessa : Astroprint, 2014. no. 21, pp. 201–205.
6. *Russkij asociativnyj slovar'* : v 2 vol., Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva [i dr.]; Ros. akad. nauk. vol. 1: Ot stimula k reakcii : Okolo 7000 stimulov. – M. : AST : Astrel', 2002. 781 p.
7. *Russkaja grammatika* : v 2 vol. E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan, V. A. Cikovich [i dr.]; vol. 2: Sintaksis. M. : Nauka, 1980. 709 p.
8. *Slovar' russkogo jazyka* : v 4 vol. RAN, In-t lingvistich. issledovanij ; pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M. : Rus. jaz. : Poligrafresursy, 1999. vol. 2. 750 p.
9. Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi*. Voronezh, 1985. 170 p.
10. Telija V. N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 p.
11. Tulina, T. A. *Tipy predlozhenij s tautologiej glavnyh chlenov v russkom jazyke. Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku* ; отв. ред. Т. П. Ломтев и А. А. Камынина. М. : МГУ, 1970. pp. 241–156.
12. Trubachev O. N. *Istorija slavjanskih terminov rodstva i nekotoryh drevnejshih terminov obshhestvennogo stroja*. M. : URSS, 2006. 237 p.

SEMANTICS OF IDENTITY SENTENCES (ON THE MATERIAL OF THE THEMATIC GROUP «CONGENEROUS RELATIONS»)

Petrov A. V., Lauk N. G.

The article presents the results of the analysis of two-part sentences consisting of tautological nouns that act as the subject and the nominal part of the compound nominal predicate with the link to be. In syntactic science such sentences are called «identity sentences». As the main members, the identical substantives are singled out that are included in the thematic group of kinship terms and refer to oppositional relations: brother is brother, wife is wife, husband is husband, father is father, mother is mother, mom is mom. The implicational of the core component is analyzed in connection with the variation of the lexical meaning, its complexity, and information potential. Commented contexts are given that illustrate how an extremely capacious form can have a complex meaning, reflect various extralinguistic situations. It is not an indication of the identity of a person that comes to the fore, but an individual characteristic of the identified name. Some sentences with specific substantives with the names of kinship relations have a bright aphorism, on the basis of which the two-part sentences of this model can be classified as phraseological units in the widest sense.

Keywords: identity sentences with the link to be, core component, implicative of lexical meaning, periphery of the lexical meaning, kinship terms, «Russian Associative Dictionary»

**«ВСЮДУ СО МНОЙ МОРЕ...»:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО**

Немцева А. А.

*ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: gerber_girl@mail.ru*

Статья посвящена исследованию семантических и словообразовательных новообразований, а также специфики их функционирования в раннем творчестве И. Л. Сельвинского. Предметом исследования выступают индивидуально-авторские новообразования, объединенные морским мотивом. Он занимает достаточно существенное место в творчестве поэта, что тесно связано с его биографией, в том числе и с периодом обучения в Евпаторийской мужской гимназии. Эта мысль нашла отражение в строчке «Всюду со мной море...», вынесенной в заглавие статьи. Автор применяет различные способы для создания новых слов и изменения лексических значений узусных лексем, что позволяет определить его идиостиль. В исследовании рассматриваются единицы различных частей речи, а также формы слова – причастие и деепричастие. Сложные слова создаются Сельвинским по законам словообразования русского языка, тем не менее, они не лишены авторской индивидуальности. Углубление семантики узусных слов происходит при помощи сложных метафор, метонимических рядов (в частности синекдохи) и олицетворения.

Ключевые слова: семантические неологизмы, словообразовательный неологизм, потенциальное слово, мотив моря, книга «Ранний Сельвинский».

ВВЕДЕНИЕ

Илья Львович Сельвинский – крымский поэт и прозаик. Его творчество велико и значительно, О. Резник писал о том, что «во всех родах и видах поэтического творчества у него есть яркие удачи и открытия» [6, с. 3]. Лирика Сельвинского разнообразна, так как поэт в течение своего творческого пути пробовал и экспериментировал со словом, формами поэтических текстов. Он поднимает темы любви, искусства, социального контекста, революции, смерти [1], истории, человеческого предназначения.

В творчестве поэта заключено многообразие стихометрических и композиционных форм, являющихся обретением разных художественных эпох и авторов [5]. И. Л. Сельвинский является одним из создателей конструктивизма, наряду с К. Зелинским и А. Чичериным. Представители данного направления, просуществовавшего с весны 1922-го года по декабрь 1930-го, стали постепенно переступать через установленные ими же каноны, размывая их границы в пользу приходящего социалистического реализма [6].

Поэты XX века стремились к наиболее полному раскрытию выразительного потенциала лексики [11]. Это в свою очередь позволяет исследователям выстраивать индивидуально-авторскую картину мира отдельно взятого поэта или писателя.

Творчество Ильи Сельвинского на данный момент исследовано недостаточно глубоко, чтобы составить целостное представление об его идиолекте. Однако наследие поэта является весомым вкладом в развитие литературного процесса

советского периода, в частности литературного процесса в Крыму. Это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Основным центром сельвиноведения является Дом-музей Ильи Сельвинского, находящийся в г. Симферополе, где хранится большое количество данных как о биографии поэта, так и о его творчестве. К 120-летию со дня рождения И. Л. Сельвинского в Симферополе была выпущена монография «“За горизонт зовущий”: художественный мир И. Сельвинского» [4]. Ее авторами поднимались вопросы изучения биографии поэта, места войны в творчестве, авторской индивидуальности, взаимодействия с другими авторами, а также взаимодополнения с различными литературными направлениями. Последним разделом в монографии является раздел под названием «Языковедческие наблюдения над произведениями И. Сельвинского», в котором рассматриваются языковые особенности художественных текстов поэта. Это статьи В. Л. Гаврилюка, Н. П. Курмакаевой, Л. С. Пастуховой, А. В. Петрова, Т. А. Яценко. Биография раннего периода жизни Ильи Сельвинского исследовалась И. А. Добровольской, Н. В. Павленковой, С. А. Шуклиной.

Вопросы неологии разрабатывались А. А. Брагиной, Г. О. Винокуром, Е. А. Земской, В. В. Лопатыным, Л. И. Плотниковой, Н. И. Фельдманом, Е. В. Сенько, И. С. Улухановым, М. Н. Эпштейном, Н. А. Янко-Триницкой и др.

Целью исследования является анализ словообразовательных и семантических неологизмов в текстах раннего периода творчества И. Л. Сельвинского, объединенных мотивом моря. Материалом для исследования являются стихотворения И. Сельвинского периода обучения в Евпаторийской мужской гимназии. Книга «Ранний Сельвинский» [8] была выпущена в 1929 г., когда автор был уже известен по таким произведениям, как «Улялевщина», «Записки поэта», «Пушторг». В сборник вошли стихотворения, написанные во время обучения в Евпаторийской мужской гимназии. Они разнонаправлены по стилю и настроению. Одной из тем, поднимаемых поэтом в данном сборнике, является стремление к жизни Человека с большой буквы. Стихотворением, отражающим эту тему, является «Кондор»: *Голубой, с меховою опушкой, / Обвивающей пеною зоб, / И с морицинистой макушкой, / С шоколадным гребнем на лоб – / Над ущельями в хаосе диком / Он угрюмо оглядывал тьму. / Для чего и родиться великим, / Если не с кем сразиться ему?*

Из общего строя стихотворения, наполненного узуальными лексемами, выделяется слово «шоколадный», которое, на первый взгляд, является неологизмом, однако сам И. Сельвинский говорил об этом следующее: «Тоже слово “шоколадный”. Это не неологизм – я тогда так говорил» [9]. Такие моменты призывают исследователей осторожно подходить к квалификации слов как неологизмов в творчестве поэта.

При определении значений неологизмов были использованы «Большой толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [12] и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля [2], что продиктовано необходимостью выделить дифференциальные семы для определения значений новых слов, образованных И. Л. Сельвинским.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В книгу «Ранний Сельвинский» вошли стихи, написанные автором в 1915–1922 годах, преимущественно в период его обучения в гимназии в четвертом, пятом, седьмом и восьмом классах. Неизвестно, что больше всего вызвало недовольство некоторых поэтов-современников и критиков: название или то, что стихотворения в сборнике были изложены в виде поэтического дневника, содержание и форма стихов или непонимание цели написания произведений.

О. Резник о сборнике «Ранний Сельвинский» писал, что он включает лирику, еще не ставшую поэзией, так как ее автор был лишь гимназистом, не видел и не мог видеть перед собой «большого» читателя, не обращался к народу. Эта лирика смогла передать свойственные гимназической среде настроения, впечатлительность, приверженность к устоявшемуся быту, а также внутренний протест против него [6].

Цитата «... Всюду со мной море», выведенная в заглавие статьи, взята из стихотворения «Глухомань», написанного в 1964 году. Она очень точно характеризует место «моря» в жизни поэта: «Куда ни пойду – глубоко дышу: / Всюду со мной / Море» [7].

Евпаторийское городское училище во времена учебы в нем И. Сельвинского напоминало бурсу, где за одной партой с подростками сидели девятнадцати- и двадцатилетние «великовозрастные оболтусы», желавшие получить отсрочку от военного призыва. Здесь обучались и дети рабочих, ремесленников, кулаков. Низкая культура, окружение с низким уровнем языка отразились на первых стихотворениях юного поэта [4]. Несмотря на такие своеобразные условия обучения, было в нем, по словам самого поэта, нечто необыкновенное – море: «Оно поднималось до середины окон, и комната казалась увешанной импрессионистическими панно, исполненными в два цвета: снизу огневая синевая, сверху нежная, нежная лазурь. Иногда на одном из панно белел парус. Иногда на другом летали птицы. В хорошую погоду яркие живые краски этой картинной галереи придавали наукам какой-то праздничный тон...» [7, с. 48]. Достаточно много внимания в учебном заведении уделялось занятиям спортом. В гимназии имелся «свой маленький флот» [9, с. 9], куда входили три гички и шаланда, поэтому, как отмечал И. Сельвинского, он научился «великолепно грести». В это время поэт посещал и школу плавания Л. А. Романченко, где специализировался «в плавании на боки и свободно преодолевал пространство в два-три километра» [9]. Перечисленные факты не просто фиксируют наличие в интересах юноши-гимназиста увлечения водными видами спорта, но также говорят о его пристрастии к ним.

Стихотворение «На отмелях пена» написано искренне, но лишено истинности чувства. За его образами видится не только тоска, но и сосредоточенный взгляд подростка в созданную им же картину. Здесь встречаются и семантические, и словообразовательные неологизмы: *На отмелях серая пена, / На отмелях **трупники звезд**, / И дует и дует бессменно / Осенний норд-ост*. Эпитет «серая», характеризующий цвет морской пены, задает стихотворению тусклый тон, оставляет осадок печального настроения, которое усиливается метафорическим словосочетанием «трупники звезд» – о выброшенных к берегу медузах [6]. Словообразовательным неологизмом является сложное прилагательное *жгуче-*

близка: Чернеют багровые зори, / И чудится жгуче-близка, / Туманами горького моря / Клубится тоска.

Анализируемая лексема является эпитетом, характеризующим чувство тоски, что тоже привносит некоторые особенности в его значение. Итак, «жгуче-близкий» – это признак какого-либо чувства или явления, находящегося на таком маленьком расстоянии, что может обжечь.

Очень необычно в произведениях И. Сельвинского раскрывается морской пейзаж в сочетании с «береговыми» метафорами, например, в стихотворении «Октябрь»: *А над водою, голодны и злы, / Кричат галгазы скрежетом мечовым, / Танцуют над лишайником скалы.* Одним из компонентов словосочетания является слово «мечовый», которое выделяется своей формой. «Меч» – это ‘холодное, ручное оружие древних и средних веков, что ныне шпага, сабля, палаш, шашка’ [2] или же ‘старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой’ [12]. Новое слово образовано автором при помощи суффикса -ов-, который обладает значением свойственности кому-либо, отношения к кому-либо или чему-либо, названному мотивирующим словом. Значит, «мечовый» – ‘свойственный мечу’. «Скрежетать» же обозначает ‘трением верхнего ряда зубов о нижний издавать характерный скрипящий шум’ [12]. Словосочетание «скрежетом мечовым» характеризует крик галгазы, которая обитает в Крыму, в акватории Азовского и Черного морей. Вероятно, звук щелканья утиного клюва напомнил поэту звуки удара металла о металл, поэтому «скрежет мечовый» в анализируемом контексте – это ‘скрипучий звук, издаваемый при щелканье клювами уток-пеганок’. Почему же автор в данном контексте выбрал именно лексему «галгаз» для наименования соответствующего семейства утиных? Во-первых, для того чтобы подчеркнуть мотив моря, омывающего берега Крыма (Азовское и Черное), так как это название местное [10]. Во-вторых, для того чтобы с помощью звукописи подчеркнуть необходимую ассоциацию. Полет этих птиц автор сравнивает с танцем, вероятнее всего, с коллективным. Такую ассоциацию вызывает хаотичное их перемещение на фоне неба.

В стихотворении «Закат» явление заходящего в море солнца характеризуется через метафорическое сравнение его с костром: *А внизу белугу волны колыхают, / Пенной опестря, / И на белом брюхе пятна полыхают / Алого костра.* «Пятна алого костра» – это, очевидно, блики заходящего солнца на мокром теле белуги. «Алый», согласно «Большому толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, – это ‘ярко-красный цвет’. Выбрав такое прилагательное для характеристики заката, автор стремился передать насыщенность цвета. В прямом значении «костер» – это ‘горящая или сложенная для горения куча дров, сучьев или другого топлива’ [12]. Для поддержания горения костра необходимо наличие какого-либо топлива, однако в стихотворении И. Сельвинский о таковом не упоминает, следовательно, происходит перенос значения по цвету, а «пятна костра» – это ‘всполохи цвета, сходного с цветом горящего огня’. Словосочетание «пятна алого костра» обозначает ‘закатные всполохи солнечного света, играющие на мокром теле движущейся белуги’.

В стихотворении «Зунд» (1916) также раскрывается морская тема. Зундом называется пролив, отделяющий Швецию от Дании. Однако автор называет данным

словом ветер, вероятно предполагая наличие сильных северных ветров в одноименном проливе: *Полночный зунд обрывист и **шарашен**; / **Шатаясь** тяжело бухают валы*. На момент написания стихотворения слово «Зунд» не использовалось для наименования разновидности ветра. В этом же контексте функционирует лексема «шарашен», которая образована от краткой формы причастия «ошарашен» при помощи усечения префикса. Согласно «Большому толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, «ошарашить» означает ‘сильно ударить’ [12]. Автор выбрал именно такую форму слова с целью передать силу ветра, поэтому «шарашен» – ‘такой, который имеет большую силу удара’. Форма «шатаясь» является возвратным деепричастием, добавочное действие замыкается на субъекте *валы*. Субъекты *ветер* и *валы*, прилегающие к формам слов «шарашен» и «шатаясь», являются олицетворениями.

Освещение корабля ночью поэт сравнивает с органом зрения человека или животного, используя при этом такой литературный троп, как олицетворение: *Корабль вздув тугие паруса, / Глядит сквозь тьму **налитым кровью оком***. Слово «кровь» играет роль цветонаименования, *око цвета крови* – это красное око, которое в контексте имеет метафорическое значение – ‘все, что освещает’. Красным сигнальным светом на корабле обозначается его левый борт. Однако, вероятнее всего, словосочетание «налитым кровью оком» обозначает фонарь на корабле, направленный вперед, к его носу, для освещения ближайшего водного пространства.

Поэт мастерски описывал не только морские пейзажи, но и характеризовал звуки, сопровождающие природные явления: ***Волна звенит о борт дремуче-звонко, / Кричит сирена визгом дьяволенка, / И дыбой ихуна в вывертах кружит***. Сложное наречие «дремуче-звонко» состоит из двух основ, которые не имеют общих семантических признаков. *Дремучим* называют ‘глухой, темный, непроницаемый’ лес [12], «звонко» же значит ‘звучно, громко, с ясным, металлического тембра звучанием’ [12]. Соединяя основы, автор стремится показать глубину ясного, громкого звука, быющей о борт волны. Для усиления этого эффекта И. Сельвинский использует глагол «звенеть», обозначающий ‘издавать, производить чем-нибудь звуки металлического тембра’ [12], который приобретает новый семантический оттенок – ‘издавать звучный шум при соприкосновении волны и металлического борта корабля’. Далее в предложении автор использует олицетворение «кричит сирена». В «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова глагол «кричать» имеет следующее значение: ‘издавать громкие крики, вопли’. Слово «сирена» является многозначным [12]. Изначально – это ‘мифическое морское существо, изображавшееся в виде женщины (иногда с птичьими ногами) или птицы с женской головой, пением привлекавшее моряков в опасные, гибельные для них места’ [12]. Другое его значение – ‘сигнальный гудок, дающий сильные и резкие, далеко слышные звуки’. В контексте наблюдается взаимопроникновение значений, поскольку изображается шторм, буря, которые опасны для любого судна. Сирена оповещает о бедственном положении, она должна быть достаточно громкой, чтобы ее звук распространился как можно дальше. Автор придает ей способность кричать, свойственную человеку или животному, что

замыкает круг, возвращая к мифическому, уже известному существу, являющемуся причиной этих бедствий.

И. Сельвинский оперирует в своих произведениях различными способами образования новых слов. Так, в примере ...*И дыбой ихуна в вывертах кружит* выделим слово «дыбы», которое функционирует в обыденной речи исключительно в сочетании с предлогом «на», имея значение ‘на задние ноги’ [12], то есть приняв вертикальное положение. Поэт отсекает предлог и использует форму творительного падежа. Для раскрытия семантики анализируемого слова необходимо рассмотреть и слово «выверт» в значении – ‘вычурный поворот, неестественное телодвижение’ [12]. Следовательно, «дыбой» обозначает ‘приняв неестественное для предмета вертикальное положение’.

В стихотворениях И. Сельвинского нередко метафорические переносы, что можно отметить в стихотворении «Гавань»: ...*Летят, как знаки препинанья, / Узоры лилипутных рыб*. «Узор» – это ‘рисунок, представляющий собою сочетание линий, красок, теней’ [12]. В контексте с помощью данной лексемы производится метонимический перенос с рисунка на чешуе рыбы на ее тело. В узусе функционирует прилагательное «лилипутский», образованное присоединением суффикса -ск- к основе существительного «лилипут», которое обозначает человека очень маленького роста [12], то есть относится к лицу. Однако Илья Сельвинский создает потенциальную лексему «лилипутный» с помощью продуктивного суффикса прилагательного -н-, нейтрализующего значение лица. Автор сравнивает рыб со знаками препинания, что является метафорическим переносом по размеру, а также, возможно, по форме, если подразумеваются небольшие рыбки – мальки.

И. Сельвинский использует олицетворение, включающее действие и субъект, наделяя борта лодок человеческой способностью – кричать: ...*Кричат борты о камни мола, / Гремят лебедки, якоря*. Отметим ненормативную форму множественного числа именительного падежа слова «борты», вероятно, как и в случае со стихотворением «Кондор», автор считал такую форму нормативной. Кроме того, наблюдается перенос значения с общего на частное (синекдоха), когда любое морское судно называется его конструктивной частью (бортом). «Кричать» же обозначает ‘гласно звать, подавать громкий голос, орать, зевать; громко говорить, шуметь, спорить, вздорить, браниться’ [2]. В контексте актуализируется сема ‘громко’. Следовательно, метонимия «кричат борты» является олицетворением: корабль ‘издает громкие звуки (крики) при трении о твердую поверхность камня’.

В этом же стихотворении функционирует словообразовательный неологизм «мохнотуманных»: *На черном рейде силуэты / Мохнотуманных кораблей*. Это сложное прилагательное, оно произведено по правилам словообразования, на базе словосочетания «мохнатый туман». Необходимо проанализировать его составляющие компоненты. Согласно «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, «мохнатый» – ‘обросший шерстью, волосами, волосиками, косматый’. Слово «туман» имеет два значения: 1. Непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров. 2. Символ неясного, запутанного, непонятного [12]. Общая семантика лексемы «мохнатый» не соответствует контексту, но, вероятно, можно выделить некоторый коннотативный

признак, который свяжет значения обоих слов. При большом количестве шерсти или волос происходит визуальное размывание границ тела, что приводит к тому, что в тумане также стираются четкие границы объекта наблюдения. Следовательно, «мохнотуманный» – это ‘предмет, имеющий нечеткие, размытые границы вследствие нахождения его в туманной области’.

Один цикл сонетов, написанный И. Сельвинским в годы обучения в Евпаторийской мужской гимназии, называется «Бриг “Богородица морей”». Он включает в себя пятнадцать сонетов, посвященных морской тематике.

В первом из них дается описание утра в открытом море: *Морское утро. Масленное море. / Дородная медузная волна, / Легонько бризом разволнована, / Отзванивала дребезги на взморье – / И зубы пены, и извивы корюшек, / И пучеглазье...* Для характеристики морского пейзажа автор использует эпитет «масленное», в «Большом толковом словаре русского языка» Д. Ушакова данное слово толкуется как ‘смазанный, пропитанный маслом’ [12]. Таким образом, словосочетание «масленное море» обозначает ‘блестящую в лучах рассветного солнца морскую гладь’. В следующей строке слово «волна» сочетается с прилагательным «медузная», что, вероятно, обозначает наличие большого количества медуз в ближайшем морском пространстве. Автор образует потенциальное слово «медузный» ‘наполненный большим количеством медуз’ с помощью продуктивного суффикса *-н-*. Лексема «дородная», обозначающая ‘рослого, полного с крупной фигурой’ человека, выступает в стихотворении как олицетворение. В словосочетании «отзванивала дребезги» необходимо проанализировать семантику составляющих его компонентов. «Отзванивать» (несов. к *отзвонить*) обозначает ‘сказать быстро, торопливо и громко’ [12], а «дребезги» – это ‘мелкие части, разбившегося предмета’. Исходя из этого, словосочетание имеет следующее значение – ‘быстрые удары волн о какое-либо препятствие, при которых они разбиваются на мелкие части (капли)’. В сочетании «зубы пены» автор использует метафорический перенос по цветовому сходству. Морская пена имеет бело-серый цвет. В стихотворение введена ненормативная форма множественного числа слова «корюшек» – «корюшк».

И. Сельвинский применяет безаффиксный способ образования новых слов. Примером тому может послужить слово «облиз»: *...И облизы соли...* «Облизывать» (несов. к *облизать*) обозначает ‘очистить что-нибудь, вода языком; провести языком по поверхности чего-нибудь’ [12]. Новое слово образовано отсечением глагольного суффикса *-а-* и обозначает ‘остатки соли на какой-либо поверхности’.

ВЫВОДЫ

Книга «Ранний Сельвинский», выпущенная в 1929 г., отражает путь становления юного поэта, а также круг его интересов, среди которых явно выделяется морская тема. В процессе словотворчества автор изменяет как форму, так и содержание лексических единиц. Отличительной чертой поэзии И. Сельвинского является то, что он для наиболее глубокого проникновения в смысл текстов использует новообразования. В стихотворении «Зунд», состоящем из двадцати строк, функционирует шесть неологизмов, как словообразовательных, так и семантических. Морские пейзажи в стихотворениях предстают в различных красках – от серых («На

отмелях серая пена») до ярко-красных («Закат»). Кроме того, море рисуется автором преимущественно в беспокойном состоянии, когда буря, шторм, пронизывающий насквозь ветер, большие волны. Поэт стремился воссоздать не только зрительную картину, он сопровождал ее аккомпанементом звуков природы. Для этого художник применяет такой литературный прием, как звукопись, который позволяет передать звуки бури, шум порывов ветра, бьющихся о борта кораблей волн.

Создавая форму для новых слов, поэт образует потенциальные лексические единицы. Достаточно частотно наблюдается включение семантических неологизмов в метафорический и метонимический ряды, а также использование олицетворения для характеристики морских явлений. Еще одной особенностью поэтических текстов И. Сельвинского является использование ненормативных форм слова. Вышеперечисленные аспекты определяют идиостиль поэта.

Список литературы

1. Гажала, И. А., Зябрева Г. А. Конструктивизм как творческая стратегия И. Л. Сельвинского (на материале поэзии 1920-х – 1930-х гг.) // Материалы I Междунар. конкурса выпускных квалификационных и курсовых работ. – Казань: ООО «Рокета Союз», 2016. – С. 228–231.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль – 2-е изд. – СПб. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1: А – З. – 812 с. – Т. 2: И – О. – 814 с. – Т. 3: П. – 584 с. – Т. 4: Р – Я. – 712 с.
3. Добровольская, И. А. Юные годы Ильи Сельвинского (По следам архивных материалов) // «За горизонт зовущий» : художественный мир И. Сельвинского (К 120-летию со дня рождения поэта). – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 34–37.
4. «За горизонт зовущий»: художественный мир И. Сельвинского (К 120-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. А. П. Люсый. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 356 с.
5. Макарова, С. А. Метроритмические эксперименты в лирике И. Л. Сельвинского 1920-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2019. – № 3. – С. 8–15.
6. Резник, О. Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского. – М.: Сов. писатель, 1981. – 528 с.
7. Сельвинский, И. Л. Собр. соч.: в 6-ти т. – М.: Худож. литература, 1974. – Т. 6. – 512 с.
8. Сельвинский, И. Л. Ранний Сельвинский. – М.: Красный пролетарий, 1929. – 255 с.
9. Сельвинский, И. Л. Черты моей жизни // Крымские пенаты : Альманах литературных музеев Крыма: Тематический выпуск к 100-летию со дня рождения И. Л. Сельвинского. – Симферополь : КАГН, 1996. – С. 5–20.
10. Словарь русских народных говоров: в 47 т. / гл. ред. Ф. П. Филин. – Ленинград : Наука, 1970. – Т. 6: Выросток – Гон. – 360 с.
11. Тимашова, Ж. Е. Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов : на материале произведений А. Белого и В. Иванова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Ж. Е. Тимашова. – Белгород, 2011. – 24 с.
12. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. 170 тыс. слов и словосочетаний / отв. ред. О. А. Щеглова / Д. Н. Ушаков. – М. : Хит-книга, 2020. – 816 с.
13. Халявина, Д. В. Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского : структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». – Белгород, 2011. – 23 с.

References

1. Gajhala I. A. *Konstrukтивizm kak tvorcheskaja strategija I. L. Sel'vinskogo (na materiale poezii 1920-h – 1930-h gg.)* [Constructivism as a creative strategy of I. L. Selvinsky (based on the poetry of the 1920s-1930s)]. *Materialy I Mezhdunarodnogo konkursa vypusnykh kvalifikacionnyh i kursovyh rabot.* Kazan, ООО «Roketa Sojuz», 2016, pp. 228–231.

2. Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago jazyka* : V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. SPb, Izdanie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1880. 1. (A – Z). 812 p.; 2. (I – O). 814 p.; 3. (P). 584 p.; 4. (R – Z). 712 p.
3. Dobrovol'skaja I. A. *Junye gody Il'i Sel'vinskogo (Po sledam arhivnyh materialov)* [The early years of Ilya Selvinsky (In the footsteps of archival materials)]. «*Za gorizont zovushhij*» : *hudozhestvennyj mir I. Sel'vinskogo (K 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta)*. Simferopol', IT «ARIAL», 2020. pp. 34–37.
4. «*Za gorizont zovushhij*» : *hudozhestvennyj mir I. Sel'vinskogo (K 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta)* [«Beyond the horizon calling»: the artistic world of I. Selvinsky (to the 120th anniversary of the poet's birth)]. Ed. by A. P. Ljusy. Simferopol', IT «ARIAL», 2020. 356 p.
5. Makarova S. A. *Metroritmicheskie jeksperimenty v lirike I. L. Sel'vinskogo 1920-h gg.* [Metrorhythmic experiments in the lyrics of I. L. Selvinsky of the 1920s.]. *Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija*
6. Reznik O. *Zhizn' v poezii. Tvorchestvo I. Sel'vinskogo* [Life in poetry. Creativity of I. Selvinsky]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1981. 528 p.
7. Sel'vinskij I. L. *Rannij Sel'vinskij* [Early Selvinsky]. Moscow, Krasnyj proletarij, 1929. 255 p.
8. Sel'vinskij I. L. *Sobr. soch.* : v 6-ti t. [Collected works : in 6 t.]. Moscow, Hudozh. lit., 1974. 6. 512 p.
9. Sel'vinskij I. L. *Cherty moej zhizni* [Features of my life]. *Krymskie penaty : Al'manah literaturnyh muzeev Kryma: Tematicheskij vypusk k 100-letiju so dnja rozhdenija I. L. Sel'vinskogo*. Simferopol', KAGN, 1996. pp. 5–20.
10. *Slovar' russkih narodnyh govorov*: V 47 t. [Dictionary of Russian Folk Dialects] / Ed. by F. P. Filin. Leningrad, Nauka, 1970. 6. (Vyrostok – Gon). 360 p.
11. Timashova Zh. E. *Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v pojeticheskoi rechi simbolistov : na materiale proizvedenij A. Belogo i V. Ivanova : avtoref. dis. ... k.f.n. : 10.02.01* [Individual authorial neoplasms in the poetic speech of Symbolists : based on the works of A. Bely and V. Ivanov]. Belgorod, 2011. 24 p.
12. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. 170 tys. slov i slovosochetanij* [A large explanatory dictionary of the Russian language. 170 thousand words and phrases]. Ed. by O. A. Shheglov. Moscow, Hit-kniga, 2020. 816 p.
13. Haljavina D. V. *Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v idiolekte V. Kamenskogo : strukturno-semanticheskij i funkcional'no-pragmaticheskij aspekty : avtoref. dis. ... k.f.n. : 10.02.01* [Individual author's neoplasms in the idiolect of V. Kamensky : structural-semantic and functional-pragmatic aspects]. Belgorod, 2011. 23 p.

**«THE SEA IS EVERYWHERE WITH ME...»:
SEMANTIC AND WORD-FORMING NEOLOGISMS
IN THE EARLY WORK OF I. SELVINSKY**

Nemceva A. A.

The article is devoted to the study of semantic and word-forming neologisms, as well as the specifics of their functioning in the early work of I. L. Selvinsky. The subject of the study is individual author's neoplasms united by a marine motif. He occupies a rather significant place in the poet's work, which is closely related to his biography, including the period of study at the Yevpatoria men's gymnasium. This thought is reflected in the quote "The sea is everywhere with me...", which is included in the title of the article. The author uses various methods to create new words and change the lexical meanings of the usual lexemes, which allows him to determine his idiosyncrasy. The study examines the units of different parts of speech, as well as the forms of the word - participle and adverbial. Complex words are created by I. L. Selvinsky according to the laws of word formation of the Russian language, however, they are not devoid of individuality. The deepening of the semantics of common words occurs with the help of complex metaphors, metonymic series (in particular synecdoche) and personification.

Keywords: semantic neologisms, word-formation neologism, potential word, motif of the sea, the book "Early Selvinsky".

УДК 81'373.611

СПЕЦИФИКА СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ АББРЕВИАТУР

Рязанова В. А.

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР
E-mail: v.riazanova@donnu.ru*

Статья посвящена проблеме отражения семантики аббревиатур в специализированных словарях сокращений русского языка. В соответствии с общепринятым пониманием процесса аббревиации сложилось представление о том, что аббревиатуры не нуждаются в лексическом толковании, поскольку их значение можно легко определить через расчлененный эквивалент. Анализ словарных статей показал, что далеко не во всех случаях для понимания семантики аббревиатуры достаточно приведения расшифровки. Исследование позволило выявить лексические и стилистические особенности аббревиатур, которые нуждаются в лексикографическом описании: случаи омонимии аббревиатур; идиоматичность значений некоторых сокращений; расширение лексического значения и стилистических возможностей сокращений; полисемантность описываемых единиц. Обнаружено, что многозначность аббревиатуры может стать причиной появления альтернативных расшифровок, в которых актуализируются отдельные аббревиатурные значения. Аргументирована необходимость применения многоаспектного принципа лексикографического описания аббревиатур, который охватывает как структурные, так и семантические и стилистические особенности функционирования сокращений в современном русском языке.

Ключевые слова: аббревиатура, словарь, семантика, многозначность, расшифровка, идиоматичность.

ВВЕДЕНИЕ

С начала XX в. в течение нескольких десятилетий словарный состав русского языка пополнился большим количеством сокращений и аббревиатур. Структурное разнообразие новых языковых единиц, широкая сфера их применения, специфика образования и функционирования стали причиной изучения аббревиатур сразу в нескольких направлениях.

В теоретических исследованиях А. В. Исаченко, А. И. Алексеева, В. В. Борисова, Р. И. Могилевского сформировалось общее понимание аббревиатуры как преобразования расчленённого устойчивого наименования (словосочетания) в цельнооформленную единицу. Иначе говоря, аббревиатура понимается как вторичное образование, полностью репрезентирующее структуру, семантику, стилистические характеристики исходного словосочетания, отличаясь от него лишь способом формальной выраженности составляющих компонентов.

Такой подход к рассмотрению аббревиации отразился и на специфике лексикографических исследований. Параллельно с теоретическими разработками появляются специализированные словари сокращений, фиксирующие аббревиатуры различных структурных типов: «Словарь сокращений русского языка» Д. И. Алексеева (1977), «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н. Н. Новичкова (1995), «Новый словарь сокращений русского языка» под ред. Е. Г. Коваленко (1995), «Словарь сокращений современного русского языка»

С. В. Фадеева (1997), «Новые сокращения в русском языке» И. В. Фаградянца (1999), «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А. А. Щелокова (2003) и др. В представленных словарях обнаруживаются общие тенденции в описании аббревиатур. Для словарных единиц в первую очередь даются расшифровки – словосочетания, которые определяются как источники описываемых аббревиатур. Как правило, с помощью специальной маркировки (например, с помощью жирного шрифта) словари демонстрируют формальную соотнесённость аббревиатуры и расшифровки. При этом семантический аспект описания сокращений не затрагивается. Вместо полноценного толкования для аббревиатур факультативно приводится краткая информация о значении или сфере употребления:

- *теормех, м.* – *теоретическая механика (учебный предмет)* [1].

Это вызвано представлением о том, что расчлененные наименования, в связи с описательной структурой и избыточностью заложенной в них информации, имеют прозрачную семантику и в толковании не нуждаются, как и образованные от них аббревиатуры [3, с. 35, 51].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем обосновывается необходимость введения толковой части в современные словари сокращений, поскольку по мере закрепления в языке аббревиатуры «обрастают» собственной семантикой, стилистическими особенностями и оценочными коннотациями.

Цель представленной работы – дать описание способов передачи семантики сложносокращённых слов и аббревиатур в специализированных словарях сокращений и сформулировать особенности семантики аббревиатуры как единицы, функционирующей одновременно со своим расчленённым структурным эквивалентом. В рамках исследования необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать словарные статьи специализированных словарей сокращений; оценить способы передачи семантики аббревиатур и необходимость их толкования; установить особенности семантики аббревиатур, в том числе в соотнесении с эквивалентными словосочетаниями.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из наиболее авторитетных специализированных словарей является «Словарь сокращений русского языка» под редакцией Д. И. Алексеева, содержащий в четвертом переиздании более 17700 словарных статей [1]. В состав словаря входят как сокращенные аппеллятивы, так и онимы, поскольку для традиционного подхода к аббревиации характерно отождествление процессов их образования.

В некоторых статьях словаря Д. И. Алексеева представлена краткая информация о сфере употребления аббревиатур:

- *ЗАЗ* – *Запорожский автомобильный завод (используется в маркировке автомобилей);*
- *МИК* – *монтажноиспытательный корпус (на космодроме);*
- *МИУ* – *модуль импульсного управления (в электронных вычислительных машинах).*

Приведенные пояснения позволяют пользователю словаря хотя бы частично сформировать представление о семантике аббревиатур. Чаще обнаруживаются аббревиатуры, для которых в статьях приводится только расшифровка:

- *ОИП* – **о**бщий **и**стинный **п**еленг;
- *САР* – **с**истема **а**втоматического **р**егулирования;
- *ТЩ* – **т**ральщик.

Аббревиатура *ТЩ* является сокращением простого слова *тральщик*. В «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой представлены многозначные омонимы: тральщик I – это «судно со специальной сетью для ловли рыбы (тралом)» и «военное судно, предназначенное для обнаружения и уничтожения подводных мин»; тральщик II – «тот, кто руководит ловлей рыбы при помощи тралов» и «тот, кто ведёт работу по обнаружению подводных мин с помощью специального устройства – трала» [5].

Аббревиатура *ОИП* относится к специальной морской терминологии. Это «угол между направлением стрелки компаса и направлением, по которому виден данный предмет или слышен данный звук». *Истинный пеленг (ИП)* – «угол, отсчитанный к Северному полюсу (к т.н. истинному норду)». Для расшифровки аббревиатуры *ОИП* в настоящий момент используется словосочетание *обратный истинный пеленг* – «угол, отличающийся от истинного пеленга на 180 градусов». Пользователю словаря, незнакомому с морской терминологией, сложно определить лексическое значение представленной аббревиатуры по расчленённому эквиваленту. Более того, невозможно установить, образуют ли словосочетания *общий истинный пеленг* и *обратный истинный пеленг* омонимичные аббревиатуры, или одна из трактовок неверна, поскольку никакой информации относительно лексических особенностей сокращения не приводится.

Таким образом, в ряде случаев толкование необходимо и расчленённому наименованию, которое приводится в качестве расшифровки аббревиатуры.

Словарь «Новые сокращения в русском языке» под ред. И. В. Фаградянца [8], по заверению составителей, ориентирован на широкий круг пользователей. В статьях приводятся только расшифровки сокращений. Для условных наименований после расшифровки указываются ономаσιологические классы. Для некоторых апеллятивов дается помета или краткая информация о сфере использования лексемы:

- *АВТ* автоматическая вакуумная трубчатка (нефт.);
- *РЧП* расстройство чувства привязанности (болезнь).

В большей степени словарь представлен статьями, в которых аббревиатуры-термины не снабжены информацией, разъясняющей их лексическое значение:

- *РЦИ* рациональный цикл испытаний;
- *РЭС* ретикулоэндотелиальная система.

Все составляющие компоненты аббревиатуры *РЦИ* относятся к общеупотребительной лексике, однако вывести лексическое значение аббревиатуры из значения составляющих ее компонентов невозможно. Аббревиатура является термином из области физики и обозначает «комплексное использование испытаний, объединенных в единую иерархическую структуру, направленных на расчёт износа деталей в механизмах».

Расшифровка *ретикулоэндотелиальная система* для аббревиатуры *РЭС*, устаревшая в настоящее время, относится к медицинской терминологии, однако в словарной статье отсутствуют пометы, указывающие на это. Согласно «Научно-техническому энциклопедическому словарю», *ретикулоэндотелиальная система* – это «система, состоящая из ретикулярной ткани, особого вида соединительной ткани, выстилающей и поддерживающей селезенку, лимфатические узлы и некоторые другие органы» [7].

Автор «Словаря сокращений современного русского языка» (2004) Г. Н. Складневская называет расшифровки аббревиатур их толкованием [10], смешивая таким образом разные зоны словарных статей. Толкование – это объяснение значения лексической единицы, а расшифровка – описание мотивационных отношений между сокращением и эквивалентным словосочетанием. В словаре неупорядоченно приводится краткая информация о сфере использования аббревиатуры или более актуальных эквивалентах:

- л.р. – левая рука (в нотных записях);
- ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт (в настоящее время СПбЭУ);
- ГКО – Государственное казначейское обязательство (ценная бумага).

Для аббревиатуры *ГКО* в качестве вспомогательной информации указывается родовое понятие (*ценная бумага*), дающее представление о значении рассматриваемой вокабулы. В этот же словарь включена аббревиатура *ЗС* с расшифровкой *золотой сертификат*. *ЗС* также относится к ценным бумагам, однако в словарной статье отсутствует указание на это. Сравним лексические значения данных аббревиатур: *ГКО* – «вид размещаемых на добровольной основе государственных **ценных бумаг** (выделено нами – прим. авт.), удостоверяющих внесение их держателями денежных средств в бюджет и дающих право на фиксированный доход в течение всего срока владения этими ценными бумагами» [4]; *ЗС* – «один из видов **ценных бумаг** (выделено нами – прим. авт.), выпускаемых в обращение государством для покрытия бюджетных расходов» [там же].

Очевидно, что обе аббревиатуры относятся, во-первых, к юридической терминологии, а во-вторых – к одному видовому понятию, поэтому целесообразно указывать данную вспомогательную информацию в обеих словарных статьях.

Подобные принципы описания сокращений применяются в словарях С. В. Фадеева, Н. Н. Новичкова, И. А. Елисеева, А. А. Щелокова и т.д.

Промежуточное положение занимает словарь «Аббревиатуры тематической группы “Перемещение по воздуху” в языке и речи» под ред. А. В. Петрова [9], построенный по идеографическому принципу. В словарных статьях подаются возможные расшифровки аббревиатур; в качестве иллюстративного материала приводятся контексты, в которых одновременно используются сокращение и расшифровка. Идеографический подход предполагает связь структуры словаря с лексическим значением описываемых вокабул, однако их семантика в данном словаре также не конкретизируется:

● **ОСАБ**- [осáб] ← ориентирно-сигнальная авиабомба / ориентирно-сигнальная авиационная бомба. ***Ориентирно-сигнальная авиационная бомба (ОСАБ) применяется для обозначения р-на сбора групп летательных аппаратов [...]*.

Итак, расшифровки аббревиатур не дают достаточной информации для понимания лексического значения, особенно в тех случаях, когда расшифровка (и, соответственно, сокращение) относится к ограниченной сфере употребления. Существуют также специфические особенности семантики самих аббревиатур, связанные с устойчивым закреплением этих единиц в языке.

1. Утрата тождественности семантики сокращения и производящего словосочетания.

Некоторые аббревиатуры расширяют своё значение, приобретая добавочные смыслы, не выраженные компонентами составного наименования [14]. Например, *МКАД* (Московская кольцевая автомобильная дорога) в современных контекстах может выражать значение некой границы, отделяющей столицу от провинции: «*Есть ли жизнь за МКАД?*» (Интернет-портал «Российской газеты»: <https://rg.ru/2021/02/17/reportery-soiuz-a-vyiasniali-kak-zhivetsia-v-prigorodah-moskvy-i-minska>).

Большое количество переносных значений (в основном с негативной коннотацией) появилось у слоговой аббревиатуры *колхоз* в отрыве от производящего словосочетания *коллективное хозяйство*: «беспорядок», «о безвкусно одетом человеке», «о невысоком уровне образования», «о глупости, некультурности кого-либо» [6].

2. Идиоматичность значения аббревиатуры.

Обнаруживается большое количество сокращений с невыраженным значением, которое не выводится из суммы значений составляющих её компонентов. Кроме уже рассмотренных примеров, отметим также аббревиатуру *ГМД* в словаре Г. Н. Складневской, для которой приводится расшифровка *гибкий магнитный диск*. Эквивалентное словосочетание не выражает закреплённое за ним значение. *ГМД* – это не *магнит*, а *устройство для хранения информации*.

3. Возможность омонимических отношений.

Данная особенность наиболее актуальна для инициальных аббревиатур. В ряде случаев начальные компоненты не взаимосвязанных расчленённых наименований совпадают, в результате чего образуются аббревиатуры-омонимы. В словарях Д. И. Алексеева и Г. Н. Складневской фиксируется множество совпадающих по формальной выраженности аббревиатур и сложносокращённых слов, при этом в словарных статьях нет специальной маркировки, указывающей на омонимические отношения между вокабулами:

- избирко́м, а, м. Избирательная комиссия;
избирко́м, а, м. Избирательный комитет.
- ОС [о-э́с], нескл., ж. Окружающая среда;
ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная система;
ОС [о-э́с], нескл., ж. Операционная среда;
ОС [о-э́с], нескл., ж. Опытная станция;
ОС [о-э́с], нескл., ж. Орбитальная станция;

ОС [о-э́с], нескл., м. Ортопедический салон и т.д.

Отметим также, что для устаревшей аббревиатуры РЭС (*ретикулоэндотелиальная система*), входящей в словарь И. В. Фаграбянца, обнаруживаются актуальные частотные аббревиатуры-омонимы РЭС¹ (*радиоэлектронные средства*) и РЭС² (*районные электрические сети*). Обнаруженные сокращения в данном словаре не приведены, хотя словарь позиционируется составителями как *словарь новых сокращений*.

4. Многозначность сложносокращённых слов.

Полисемия может быть обусловлена, с одной стороны, многозначностью базового компонента сложносокращённой единицы, а с другой стороны – возможностью вариативной трактовки признакового компонента. Возможность последнего связана с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода к процессу аббревиации.

Данный подход специализируется на установлении актуальных текстовых отношений между сокращением и эквивалентным ему словосочетанием. Эквивалентность подразумевает возможность использования в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры и словосочетания, в которых формально выражены одни и те же компоненты.

В результате исследования текстов с аббревиатурами было обнаружено, что сокращению могут быть эквиваленты несколько словосочетаний. Например, для сложносокращённого слова *велошлем* эквивалентны словосочетания *велосипедный шлем*, *шлем велосипедиста*, *шлем для велосипедиста* и т.д. Такие взаимосвязанные единицы формируют гнездо эквивалентности (ГЭ). Абсолютная эквивалентность единиц одного гнезда подтверждается наличием текстов, в которых сами словосочетания вступают в эквивалентностные отношения: **Назначение велосипедного шлема – предохранение головы от травмирования при падении – Таким образом, велошлем распределяет ударную силу по всей голове, предохраняя ее кожу от ран и ссадин – Шлем для велосипедиста включает ряд элементов** (Сайт «ВПлате.ру»: vplate.ru/velosiped/odezhda-i-ekipirovka/shlemy).

Гнезда эквивалентности сложносокращённых апеллятивов являются объектом описания «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь»), разрабатываемого под ред. В. И. Теркулова [11].

Нами обнаружено несколько вариантов влияния семантики сложного слова на способы его расчленённой трактовки.

1 а) Полисемия базиса приводит к полисемии сложного слова.

Многозначность слова *экономрежим* возникает, в первую очередь, из-за полисемантичности базисного компонента *режим*. Согласно толковому словарю Д. В. Дмитриева, слово *режим* имеет следующие значения: «государственный строй, тип правления»; «запланированный и исполняемый кем-либо распорядок жизни, дел, действий»; «система медицинских предписаний, направленных на преодоление течения болезни»; «период рабочего времени, который предназначен для работы с посетителями, клиентами, заказчиками»; «способ функционирования какого-либо устройства» и т.д. [13]. В разрабатываемом «Словаре» для сложного слова *экономрежим* даются значения: 1. «условия функционирования работы

электроприбора, позволяющие затрачивать меньше потребляемой энергии»; 2. «способ ведения хозяйства, в основу которого положен принцип бережливости, минимизации расхода ресурсов, ресурсосбережения».

В данном случае первое и второе значения реализуются в одних и тех же синтаксических эквивалентах (*экономный режим, экономичный режим, экономический режим, режим экономии*). Альтернативные словосочетания здесь появляются в результате регулярного смещения носителями языка паронимов, а не по причине полисемантичности базиса.

В гнезде эквивалентности многозначного сложного слова *сангигиена* («1. раздел медицины, изучающий санитарные условия, необходимые для сохранения здоровья; 2. система мероприятий, направленных на поддержание санитарных условий») обнаруживается один синтаксический эквивалент *санитарная гигиена*. Как и в предыдущем примере, полисемантичность сложного слова возникает в результате многозначности базиса *гигиена*. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова для него приводятся два значения, которые реализуются в составе сложного слова: «1. учение о здоровом образе жизни, о здоровых условиях жизни; 2. совокупность практических мер, обеспечивающих сохранение здоровья» [12].

1 б) Полисемия базиса приводит к полисемии сложного слова и к появлению синтаксических эквивалентов.

Чаше встречаются случаи, когда каждое из значений многозначного сокращения мотивирует появление специального синтаксического эквивалента.

Например, сложное слово *нефтеёмкость* в соответствии с многозначным базисом *ёмкость* имеет следующие значения: «1. физическая величина, характеризующая способность сорбционного материала впитывать нефть или нефтепродукты 2. большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти». В гнезде эквивалентности имеется СЭ *нефтяная ёмкость*, который способен передавать оба лексических значения, поскольку обладает предельно общей ономасиологической структурой (конструкт в данном случае имеет ономасиологический статус «кваликатив»). В то же время обнаруживаются эквиваленты *ёмкость для нефти* и *ёмкость нефти*, которые в силу своих структурно-ономасиологических характеристик могут соотноситься только с одним из представленных значений.

СЭ *ёмкость для нефти* имеет ономасиологическую модель «приспособление + дестинатив» (то есть назначение приспособления). Эта лексическая сочетаемость возможна только в том в случае, если базис *ёмкость* используется в значении «сосуд для хранения чего-либо» (2). В то же время данный синтаксический эквивалент не может применяться для расшифровки слова *нефтеёмкость*, используемого в первом значении. Базис в этом случае соответствует ономасиологическому статусу «свойство», которое связано с референтом, указанным в признаковом компоненте. К такой ономасиологической схеме подходит словосочетание *ёмкость нефти* с ономасиологической моделью «свойство + аллатив».

2) Полисемия образованного сложного слова приводит к появлению синтаксических эквивалентов.

Сложное слово *маслозавод* имеет два лексических значения: «1. предприятие по производству масла растительного или животного происхождения и молочной продукции; 2. завод по переработке отработанных технических масел».

Для признакового компонента *масло* в данном слове также обнаруживаются признаки многозначности: условно можно выделить значения «жировое вещество, приготовляемое из веществ животного, растительного или минерального происхождения, используемое в качестве продукта питания» и «жидкая смесь углеводов, возникающий как побочный продукт при переработке нефти». В гнезде обнаружены синтаксические эквиваленты *маслоэкстракционный завод*, *маслодельный завод*, *завод по производству масла*, *маслоперерабатывающий завод*, *масложировой завод* и т.д.

Масло в первом значении производится целенаправленно для дальнейшего использования в пищу, в косметологии, медицине и т.д. В этом случае слово *маслозавод* согласуется с синтаксическими эквивалентами *маслодельный завод*, *завод по производству масла* (на ономаσιологическом уровне признаковый компонент выражает цель функционирования предприятия) и *масложировой завод* (признаковый компонент указывает на материал, который используется в производстве на предприятии). СЭ *маслоэкстракционный завод* связан с технологическим процессом получения масла из растительного сырья.

Маслоперерабатывающий завод связан не с производством продукции, а с переработкой использованных моторных масел в дизельное топливо или восстановлением масла для повторного использования. В соотнесении с данным СЭ сложное слово *маслозавод* актуализирует второе значение.

3) Ономаσιологический статус признакового компонента приводит к появлению синтаксических эквивалентов.

Сложное слово *дымозащита* имеет два значения: «1. способ помешать зрительному наблюдению противника за действиями войск (сил флота), ведению бомбометания, прицельного огня, состоящий в постановке дымовой завесы; 2. система сооружений и приборов для защиты людей воздействия опасных факторов пожара (дыма) на путях эвакуации». В соответствии со значениями, в ГЭ слова формируются синтаксические эквиваленты с разными ономаσιологическими моделями: *дымовая защита* (ОМ «медиатив + мероприятие») и *защита от дыма* («контрагентив + приспособление»). Очевидно, что такого рода словосочетания не могут использоваться для взаимозамены в одном контексте для обозначения одного и того же референта, в отличие от компонентов ГЭ слова *экономрежим*, рассмотренного выше.

Таким образом, целесообразно принимать во внимание лексическое значение сложных слов, поскольку полисемичность, наравне с дешифровальными стимулами [11], способна влиять на структуру гнезда эквивалентности, а также регулировать использование входящих в гнездо синтаксических эквивалентов.

В последние годы отмечается появление многоаспектных толково-словообразовательных словарей сокращений, которые учитывают как структурные, так и лексические характеристики аббревиатур.

Например, в «Словаре аббревиатур иноязычного происхождения» Л. А. Барановой [2] даются языковые и страноведческие сведения об аббревиатурах, расшифровки, ударения и транскрипции, варианты написания, синонимы, сфера и примеры употребления вокабул:

- **ООН** [о́он], калька с изменённой структурой словосочетания <англ. UNO – сокр. <United Nations Organization – Организация Объединённых Наций – международная организация, объединяющая большинство стран мира. Создана в 1945 г. в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами.

Производные: **ооновский, ооовец** [...].

Многоаспектный принцип описания сокращений успешно применяется в «Толковом словаре сложных слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова, в котором помимо толкования для сложносокращённых слов приводятся также все актуальные частотные синтаксические эквиваленты, грамматические и стилистические пометы, синонимы и производные слова:

***Автозаправка, -и, ж. Разг.** Предприятие, осуществляющее заправку автомобилей различными видами топлива ► 30: автомобильная заправка; 50: заправка для автомобилей; 60: заправка для авто; 200: заправка для автотранспорта • бензозаправка, бензоколонка, заправка, АЗС ★ автозаправщик.*

Такая система лексикографического описания способна охватить все аспекты функционирования сокращений: зафиксировать актуальную связь сокращения с расчленёнными эквивалентами; предоставить пользователям словаря сведения о лексическом значении общеупотребимых слов и узкоспециализированных терминов; разграничить случаи омонимии и полисемии сокращений; отразить стилистическую окраску или нейтральность описываемых единиц. Появление словарей такого типа свидетельствует о высокой продуктивности аббревиации на современном этапе развития языка.

ВЫВОДЫ

Традиционный подход к лексикографическому описанию аббревиатур содержит ряд недостатков, которые объясняются спецификой общей парадигмы исследования аббревиации в русском языке.

Авторитетные словари сокращений демонстрируют прежде всего мотивационные отношения между цельнооформленным наименованием и его расчленённым источником. При этом из словарей сокращений исключен полноценный блок толкования. В некоторых случаях словарные статьи снабжены краткими примечаниями, которые являются маркерами как лексического значения, так и стилистической окраски вокабулы. Необходимость введения такой информации в словарную статью остается на усмотрение составителей словаря

Отсутствие полноценных лексических толкований приводит к некоторым трудностям при использовании словарей. Во-первых, сама расшифровка требует истолкования в тех случаях, когда она относится к узкоспециализированной лексике. Во-вторых, аббревиатура может иметь собственные лексические и стилистические особенности, не обусловленные характеристиками производящего словосочетания. В

результате анализа словарных статей нами обнаружены следующие особенности семантики аббревиатур:

- возможность омонимических отношений между аббревиатурами, что не фиксируется в специализированных словарях сокращений;
- формирование собственного значения, не выводимого из значений компонентов эквивалентного словосочетания;
- расширение значения (метафоризация, появление коннотативных характеристик и пр.) аббревиатуры как самостоятельной лексической единицы;
- развитие многозначности, которая приводит к множественной трактовке аббревиатуры.

С обнаружением последнего процесса появилась необходимость определить, каким образом семантика влияет на возможности трактовки аббревиатуры и существует ли закономерность между объемом лексического значения и содержанием гнезда эквивалентности сокращения.

Список литературы

1. Алексеев, Д. И. Словарь сокращений русского языка : около 15 000 сокращений [Текст] / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров ; под ред. Д. И. Алексеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1977. – 415 с.
2. Баранова, Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения [Текст] / Л. А. Баранова. – М.: АСТПресс, 2009 г. – 320 с.
3. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках [Текст] / В. В. Борисов. – Москва : Воениздат, 1972. – 320 с.
4. Борисов, А.Б. Большой юридический словарь [Текст] / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
6. Ким, Д. А. Роль коннотации в судьбе советизмов в современном русском языке [Текст] / Д. А. Ким // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : Тезисы докладов участников международной научной конференции, Симферополь, 22–24 апреля 2019 года / Ответственный редактор Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 21–23.
7. Научно-технический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: dic.academic.ru/contents.nsf/ntes.
8. Новые сокращения в русском языке 1996–1999 [Текст]. Под ред. И. В. Фаградянца. – М.: ЭТС, 1999. – 160 с.
9. Петров, А.В., Дубкова, Ю.С. Аббревиатуры тематической группы «Перемещение по воздуху» в языке и речи : Материалы к словарю : учеб.-методич. пособие / под ред. А. В. Петрова. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 222 с.
10. Складская, Г.С. Словарь сокращений современного русского языка [Текст] / Г.С. Складская. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
11. Теркулов, В.И. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур [Текст] / В.И. Теркулов // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского

- литературного языка» , Санкт-Петербург, 03–05 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. – С. 104–113.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Текст]. – Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
 13. Толковый словарь русского языка [Текст]. – Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.
 14. Шумарин, С.И. Словарное описание аббревиатур: лингвокультуроведческий аспект [Текст] / С. И. Шумарин // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. – №3 (45). – С. 31–33.

References

1. Alekseev D. I. Slovar' sokrashhenij russkogo jazyka: okolo 15 000 sokrashhenij [Dictionary of Russian Abbreviations : about 15,000 abbreviations]. Moscow: Russkij Jazyk, 1977, 415 p.
2. Baranova L.A. Slovar' abbreviatur inozhajnyh proishozhdenija [Dictionary of Abbreviations of Foreign Language Origin.]. Moscow: ASTPress, 2009, 320 p.
3. Borisov V. V. Abbreviatsija i akronimija. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashhenija v inostrannyh jazykah [Abbreviation and acronyms. Military and Scientific-Technical Abbreviations in Foreign Languages]. Moscow: Voenizdat, 1972, 320 p.
4. Borisov A. B. Bol'shoj juridicheskij slovar' [The Big Dictionary of Law]. Moscow: Knizhnyj Mir, 2010, 848 p.
5. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation dictionary]. Moscow: Russkij Jazyk, 2000.
6. Kim D. A. Rol' konnotacii v sud'be sovetizmov v sovremennom russkom jazyke [The role of connotation in the fate of Sovietisms in the modern Russian language]. Mezhdunarodnye kommunikacii: russkij jazyk v sovremennom izmerenii. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo, 2019. Pp. 21–23.
7. Nauchno-tehnicheskij jenciklopedicheskij slovar' [Scientific and Technical Encyclopedic Dictionary]. Available at: dic.academic.ru/contents.nsf/ntes. (accessed 15 December 2021).
8. Novye sokrashhenija v russkom jazyke 1996—1999 [New Abbreviations in the Russian Language 1996-1999]. Ed. by I. V. Fahradyants. Moscow: ETS, 1999, 160 p.
9. Petrov A. V., Dubkova Ju. S. Abbreviatury tematicheskoi gruppy «Peremeshhenie po vozduhu» v jazyke i rechi : Materialy k slovarju [Abbreviations of the thematic group "Moving by Air" in language and speech : Materials for the Dictionary] Ed. By A. V. Petrov. Simferopol': Poliprint Publ., 2019. 222 p.
10. Skljarevskaja G. S. Slovar' sokrashhenij sovremennogo russkogo jazyka [Dictionary of Abbreviations of the Modern Russian Language]. Moscow: Jeksmo, 2004, 448 p.
11. Terkulov V.I. Tolkovo-jekvivalentnostnyj slovar' slozhnosokrashhennyh slov russkogo jazyka kak novyj tip slovarja abbreviatur [Explanatory-equivalent dictionary of compound abbreviated words of the Russian language as a new type of abbreviations dictionary]. Rossijskaja akademicheskaja leksikografija: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya. St. Petersburg: Nestoristoriya, 2018, pp. 93–102.
12. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. By D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ Publ., 1935–1940, 4 vols.
13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by D. V. Dmitriev. Moscow: Astril: AST, 2003, 1578 p.

14. Shumarin S.I. Slovarnoe opisanie abbreviatur: lingvokul'turovedcheskij aspekt [Dictionary description of abbreviations: linguocultural aspect]. Problems of History, Philology, and Culture, 2014, no. 3 (45), pp. 31–33.

SPECIFICS OF DICTIONARY INTERPRETATION OF THE SEMANTICS OF ABBREVIATIONS

Riazanova V. A.

The article is devoted to the problem of reflecting the semantics of abbreviations in specialized dictionaries of Russian abbreviations. In accordance with the generally accepted understanding of the process of abbreviation there is an idea that abbreviations do not need a lexical interpretation, since their meaning can be easily determined through a dissected equivalent. The analysis of dictionary articles showed that is not always enough to cast the decryption to understand the semantics of an abbreviation. The study revealed lexical and stylistic features of abbreviations that need a lexicographical description: cases of homonymy of abbreviations, expansion of the lexical meaning and stylistic possibilities of abbreviations, polysemantic nature of the units. It was found that the multiple meanings of abbreviations can cause the appearance of alternative decryptions, in which individual abbreviated values are updated. The necessity of applying the multidimensional principle of the lexicographic description of abbreviations, which covers both the structural, semantic and stylistic features of abbreviations in the modern Russian language, is argued.

Keywords: abbreviation, dictionary, semantics, multiple meanings, decoding, idiomaticity.

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.16+070.18+327.88+355.01

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА СМИ-ИНОАГЕНТОМ «КРЫМ.РЕАЛИИ» ВО ВРЕМЯ СПЕЦОПЕРАЦИИ РОССИИ ПО ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ И ДЕНАЦИФИКАЦИИ УКРАИНЫ

Клинцова М. Н.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: mariya.kats@gmail.com*

В статье анализируются особенности конструирования образа врага СМИ-иноагентом «Крым.Реалии» во время проведения Россией спецоперации по денацификации и демилитаризации Украины. Создаваемый журналистами данного ресурса образ России является частью информационной войны Коллективного Запада против РФ, направленной на дезинтеграцию российского государства, нарушение его территориальной целостности. Материалы ресурса «Крым.Реалии» можно охарактеризовать как идеологическое манипулятивное воздействие, направленное на создание искаженного образа действительности и формирование образа России как врага и агрессора. При этом основным механизмом формирования образа врага является дегуманизация. Образ России как врага в проекте «Крым.Реалии» создается во многом в рамках психоаналитической традиции, что свидетельствует о наличии внешнего руководства этим процессом.

Ключевые слова: образ врага, идентичность, информационная война, СМИ-иноагент, Россия, Коллективный Запад.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в связи с идеологическим, политическим, информационным и военным противостоянием России и Коллективного Запада значительно обострилась проблема влияния СМИ-иноагентов, деятельность которых направлена на размывание целостности информационного пространства российского государства, раскол общества, деморализацию населения. В обозначенных условиях медиасфера становится одним из фронтов гибридных войн и СМИ-иноагенты активно включены в борьбу за влияние на индивидуальное и общественное сознание, формирование у определенных групп населения представлений о реальности, о «своих» и «чужих», о том, кто враг и какими характеристиками он обладает.

Исследование различных аспектов формирования образа врага средствами массовой коммуникации и информации предпринималось как зарубежными, так и отечественными учеными. Так, теоретическое осмысление способов формирования образа врага берет начало в трудах П. Лайнбарджера, У. Липпмана, Ж. Эллюля по изучению пропаганды. Роль средств массовой коммуникации в формировании и

распространении образов, в том числе и образа врага, анализируется в работах П. Гессе, Дж. Гербнера, Дж. Дауэра, Дж. Мака, М. Маклюэна. В отечественной науке посвящено большое количество исследований осмыслению феномена образа врага и способам его конструирования. Так, анализируются архетипические основы антиномии «свой»/«чужой» (А. Р. Салчинкина, С. В. Хоружая) и образ врага в контексте реализации политической власти (И. Л. Морозов, С. В. Чугров), исследуются образы врага в контексте новейшей истории России (А. Г. Левинсон, Г. И. Зверева) и роль образа врага в формировании социальной идентичности (Л. Д. Гудков). Лингвистическим аспектам конструирования образа врага в СМИ посвящены исследования Р. Г. Бабаевой, М. И. Дзялошинской и И. М. Дзялошинского, Р. Г. Лугуевой. Однако проблема создания образа врага СМИ-иноагентами требует дальнейшей разработки.

Цель данной статьи – выявить особенности конструирования образа врага СМИ-иноагентом «Крым.Реалии». Достижение цели предполагает решение ряда задач: определить сущностные характеристики понятия «образ врага» и выявить его роль в информационной войне; сформулировать понятие «медиаобраз врага»; выявить основные аспекты создания образа врага; проанализировать методы конструирования образа врага СМИ-иноагентом «Крым.Реалии».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Проблема противостояния Коллективного Запада и России обострила вопросы определения идентичности в украинском обществе, потребность в осознании себя через дихотомию «мы»-«они» и конструировании образа внешнего врага для собственной консолидации. Эти вопросы стали актуальными для Украины еще в конце XIX – начале XX века, а в конце перестройки и особенно после развала СССР и образования «незалежной» Украины начал активно реализовываться проект «Украина – не Россия», ставший позже более радикальным и трансформировавшийся в проект «Украина – анти-Россия». Его цель – создание конфликта идеологий и раскол на его основе двух братских народов, дестабилизация обстановки на восточных рубежах РФ, ослабление России и удар по ней. Этот проект является частью и идейным продолжением антисоветского проекта, цель которого – развал СССР, а затем и России как его правопреемницы, уничтожение России как цивилизации.

Русофобия как консолидирующая идеология, ненависть к России, русскому языку и русской культуре, ее ценностям и смыслам последовательно и планомерно культивировались в украинском обществе на уровне национальной идеи в течение трех последних десятилетий и являются информационной войной против украинского народа и России как государства, которая представляет собой «целенаправленное широкомасштабное оперирование смыслами: создание, уничтожение, модификация, навязывание, блокирование носителей смыслов информационными методами для достижения поставленных целей» [3, с. 8]. Информационная война может быть понята как «управление процессом дезорганизации общности» [4, с. 20]. Она может иметь наступательный и оборонительный характер. При идеологической, информационной, материальной и

финансовой поддержке Коллективного Запада Украина занимает атакующую позицию в информационной войне против России. Однако Украина не является самостоятельной стороной конфликта. Она сама стала оружием, нацеленным на уничтожение России, в руках Коллективного Запада. При этом стоит отметить, что деструктивные действия, направленные на Россию, ее культуру и ценности, затронули и Украину как регион, традиционно относившийся к «русскому миру» и требовавший по мысли идеологов противостояния с Россией полного ценностного переформатирования.

При расшатывании культурной и ценностной матрицы жителей Украины были задействованы различные типы информационных войн: ментальные войны, направленные на изменение идентичности, конспициентальные войны, направленные на замещение сознания, когнитивные войны, направленные на внедрение в интеллектуальную среду ложных научных фактов, теорий, концепций. В каждом из этих типов войн одним из ключевых понятий является понятие «враг», которое позволяет выстроить систему координат бытия на общественном и индивидуальном уровнях, связано с понятием «Другой» и диадами «мы-они», «свой-чужой».

Для украинского общества враг представляет собой невроз, которым может стать не только объект вне группы, но и кто-либо из членов группы. «Как утверждают З. Фрейд и У. Бийон, сам факт нахождения в группе вызывает регрессию, а следующая за ней примитивная агрессия, перерастающая во враждебность, представляет собой следствие страха потери собственной или групповой идентичности» [9, с. 19].

Социально-психологическое понятие «образ врага» следует принципиально отделять от «представления о враге» – рационально контролируемой концепции военного или политического противника. Если «представление о враге» направлено прежде всего на более или менее точную оценку противника, то «образ врага» характеризуется в идеологическо-догматическом смысле отсылкой к иррациональным факторам [1, с. 191].

Для нашего исследования интерес представляет понимание образа врага, сложившееся в психоаналитической традиции: образ врага является выражением процесса деградации, то есть регрессии в сторону эмоций, образа восприятия и обработки информации этапа раннего детства, поскольку применение именно этого подхода для конструирования образа врага наиболее очевидно в украинском обществе.

Образ врага представляет собой продукт манипуляции сознанием и пропаганды, которые при помощи лексико-семантических средств, сопровождаемых необходимым звуковым и видеорядом, демонизируют политического и идеологического противника.

Образ врага – это не только демонстрация определенного состояния предрассудков, неприятия или ненависти, но и медиапродукт, созданный для специфической коммуникативной ситуации и следующих из нее целей и намерений и являющийся функциональной частью процессов массовой коммуникации. Действительно, в современном мире сложно представить себе создание образа врага и его внедрение в сознание на индивидуальном и массовом уровнях без участия средств массовой коммуникации и информации.

В данной статье мы предлагаем определение медиаобраза врага как закодированное в медийном тексте, изображении, звуковом и/или видеоряде ценностное представление адресанта о враге, которое имеет диалогический или полилогический характер и вызывает ценностную реакцию адресата. Автор всеми доступными ему средствами передает ценностное отношение к тому или иному явлению, создает образ, в основе которого лежат определенные ценности, которые находят позитивный отклик не в любой аудитории, а лишь в той, которая разделяет эти ценности.

В создании образа врага можно выделить социально-психологический, коммуникативно-операциональный и результативный аспекты.

Социально-психологический аспект предполагает: необходимость усиления негативных сторон врага и как следствие – сплочение и мобилизацию; приписывание врагу вины и безграничной силы; отказ в сопереживании; идентификация со злом; создание мании преследования; стимулирование защитных реакций.

Коммуникативно-рациональный аспект включает в себя: негативные предубеждения; интерференцию (интеграцию новых знаний о враге); понятие нулевой суммы (то, что приносит пользу мне, вредит моему врагу).

Результативный аспект подразумевает наличие следующих элементов: деиндивидуализация; демонизация, анимализация, приписывание качеств, вызывающих ужас, патологизация; дегуманизация; консолидация, мобилизация.

Перечисленные способы конструирования образа России как врага и агрессора активно используются журналистами СМИ-иноагента «Крым.Реалии».

Проект «Крым.Реалии» был создан в 2014 году после событий «Крымской весны». Он является частью медиакорпорации Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL), финансируемой Конгрессом США через гранты, предоставляемые Американским агентством глобальных медиа (U.S. Agency for Global Media, USAGM) и руководствующейся законодательством США. Редакция «Крым.Реалии» «начала освещать события на полуострове с проукраинской точки зрения, из-за чего привлекла внимание сотрудников российских спецслужб и перебралась в Киев, откуда и продолжает работу. Сотрудники редакции заявляют, что в регионах Республики Крым остались журналисты, которые под псевдонимами регулярно публикуются на сайте «Крым.Реалии» с крымскими новостями в негативном ключе, в которых Крым представлен как «зона бедствия». При этом делается упор на антироссийскую риторику. Также информацию, фото и видео материалы, редакция получает от крымских проукраински настроенных активистов» [2, с. 83]. Пятого декабря 2017 года Министерством Юстиции РФ источник наряду с «Idel.Реалии», «Кавказ.Реалии», «Сибирь.Реалии» и некоторыми другими ресурсами был внесен в перечень СМИ, выполняющих функцию иноагентов.

В материалах проекта «Крым.Реалии» Россия изображается «суровой и депрессивной одной шестой части суши, которая за последние 100 лет ведет большую войну уже третий раз» [5]. После начала спецоперации по денацификации и демилитаризации Украины Россия предстает не просто как «захватчик» и «оккупант», но как воплощение мирового зла, появляется образ России как врага, несущего разрушения и гибель мирного населения. Причем Россия, освобождающая

Украину от неонацистов, отождествляется журналистами СМИ-иноагента «Крым.Реалии» с Германией времен Третьего Рейха: «Из телевизора льется такой агрессивный поток, что мастер пропаганды Йозеф Геббельс мог бы сказать, что его методика внушения массам нужных установок достигла невиданной высоты» [8]. В отношении граждан, поддерживающих спецоперацию, и российских военных используется слово «рашист» (по аналогии с «фашист»), размещается видео, на котором толпа скандирует: «Русский солдат – фашист и оккупант». При этом один из заголовков гласит: «Деды в могилах перевернутся от негодования». Такое проецирование на Другого собственных стремлений и бессознательных импульсов, которые противоречат ранее усвоенным моральным нормам и установкам как группы в целом, так и отдельных ее членов, еще раз подтверждает конструирование в украинском обществе образа России-врага на основе психоаналитической модели.

Механизм дегуманизации используется для создания образа людей, поддерживающих спецоперацию, при этом им приписывается переживание положительных эмоций от военных действий («80% россиян получают людоедский кайф от войны» – Максакова) – материал от 14.03.2022; «В Крыму “наплевали на хамон с пармезаном” и встретили аплодисментами стоя войну против Украины...» – материал от 28.02.2022). Этот механизм применяется и для создания образа Президента Путина (например, в кликбейтных заголовках: «Путин – нелюд», «Путин – труп»). Характерно, что рядом с фамилией Президента России чаще всего используются слова «убийство», «убийца», «война».

Усилить эмоциональное воздействие на реципиентов призван прием навешивания ярлыков. Так, крымские школы, в которых проводятся уроки современной истории России, названы журналистами проекта «школами ненависти» [7].

Для объединения перед лицом «врага» в текстах, фото и видео проекта «Крым.Реалии» регулярно используется такой прием, когда к значимому или нейтральному объекту (например, Россия, Президент Путин, русский корабль) присоединяется инвективная лексика и нецензурная брань. Фраза повторяется в качестве речёвки, стихотворной строки или строфы и т.п. (например, [6]). Частота повторений, ритмичность выкриков, произведение этих действий в толпе оказывают зомбирующий эффект на участников. Перечисленное свидетельствует об отсутствии реальных аргументов, что вынуждает ресурс обращаться к эмоциям реципиентов как к основному способу воздействия на их сознание.

ВЫВОДЫ

Анализ материалов ресурса «Крым.Реалии» показал, что предлагаемые читателям тексты, фото и видео содержат фейковую информацию, речевую агрессию, инвективные номинации, лексику с негативной эмоциональной окраской, лишены четкой аргументации, дезинформируют читателей и ориентируют их не на рациональное, а на эмоциональное постижение действительности. Материалы ресурса «Крым.Реалии» можно охарактеризовать как идеологическое манипулятивное воздействие, направленное на создание искаженного образа

действительности и формирование образа России как врага и агрессора. При этом основным механизмом формирования образа врага является дегуманизация.

Журналисты проекта «Крым.Реалии» конструируют образ России как врага Украины, представляют Россию как источник зла, против которого объединился весь мир, что, безусловно, не соответствует действительности. Примечательно, что образ России как врага в проекте «Крым.Реалии» создается во многом в рамках психоаналитической традиции, что свидетельствует о наличии внешнего руководства этим процессом.

Медийное конструирование образа России как врага журналистами СМИ-иноагента «Крым.Реалии» осуществляется в ходе информационной войны, которая является частью гибридной войны против Российской Федерации и ведется спецслужбами Коллективного Запада под руководством США. Цель этих действий – дезинтеграция российского государства и его территориальной целостности. В связи с этим особенно важно разоблачать формы и методы работы СМИ-иноагента «Крым.Реалии», создавать объективный медиаобраз России, применять не оборонительную, а наступательную тактику в информационной войне по всем ее направлениям.

Список литературы

1. *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов; пер. Аркадия Перлова // *Образ врага.* – М.: ОГИ, О-23 2005. – С. 191–230
2. *Клинова М. Н.* Конструирование медиаобраза Крыма в рамках проекта «Крым.Реалии» // *Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф.* – М.: Фак. журн. МГУ, 2022. – С. 82 – 84
3. *Лемэр Л. Г.* Информационная война против России. Часть 1. «Конструирование образа врага» / Л. Г. Лемэр, А. Н. Курицын, К. О. Семеновых, Э. Э. Меликов – Москва: Первое экономическое изд-во, 2020. – 28 с.
4. *Макаров Е. Б.* Информационная война – проблема определения // *Информационные войны.* – 2021. – №2 (58) – С. 17–20.
5. Мария Максакова о войне в Украине и российской агрессивности // *Крым.Реалии*, 2022. – Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/ukraina-rossiya-voyna-agressiya-mariya-maskakova-intervyu/31749739.html> – (Дата обращения: 14.03.2022).
6. Одиннадцатый день войны России против Украины. // *Крым.Реалии*, 2022. – Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/putin-obyavil-voynu-ukraine/31719814.html> – (Дата обращения: 9.03.2022).
7. «Санкции» против Facebook и уроки о войне: что происходит в Крыму на фоне вторжения России в Украину // *Крым.Реалии*, 2022. – Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/rossiya-ukraina-voyna-krym-tsenzury/31732457.html> – (Дата обращения: 9.03.2022).
8. Севастополь и война. Параллельная реальность в королевстве кривых зеркал. // *Крым.Реалии*, 2022. – Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/devyatyy-den-voyny-sevastopol-parallel-naya-realnost/31736287.html> – (Дата обращения: 9.03.2022).
9. *Щукин Д. А.* Интерпретация образа врага в моральном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05. – Санкт-Петербург, 2012. – 30 с.

References

1. *Vashik K.* *Metamorfozy zla: nemecko-russkie obrazy vraga v plakatoj propagande 30–50-h godov* [Metamorphoses of evil: German-Russian images of the enemy in poster-propaganda of the 30–50s]. Ed. by N. Konradova. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 191–230.

2. Klintsova M. N. *Konstruirovaniye mediaobraza Kryma v ramkah proekta «Krym.Realii»* [Construction of the media image of the Crimea within the framework of the project "Crimea.Realities"]. *Zhurnalistika v 2021 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Moscow, Fakultet zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2022, pp. 82–84.
3. Lemjer L. G. *Informacionnaya vojna protiv Rossii. Chast' 1. «Konstruirovaniye obraza vraga»* [Information war against Russia. Part 1. "Constructing the image of the enemy"]. Moscow, Pervoe jekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 2020. 28 p.
4. Makarov E. B. *Informacionnaya vojna – problema opredeleniya* [Information warfare - the problem of definition]. *Informacionnye vojny*, 2021, no. 2 (58), pp. 17–20.
5. Marija Maksakova o vojne v Ukraine i rossijskoj agressivnosti [Maria Maksakova about the war in Ukraine and Russian aggressiveness]. *Krym.Realii*, 2022. Available from: <https://ru.krymr.com/a/ukraina-rossiya-voyna-agressiya-mariya-maskakova-intervyu/31749739.html> (accessed 14 March 2022).
6. *Odinnadcatyj den' vojny Rossii protiv Ukrainy* [The eleventh day of Russia's war against Ukraine]. *Krym.Realii*, 2022. Available from: <https://ru.krymr.com/a/putin-obyavil-voynu-ukraine/31719814.html> (accessed 9 March 2022).
7. *«Sankcii» protiv Facebook i uroki o vojne: chto proishodit v Krymu na fone vtorzheniya Rossii v Ukrainu* ["Sanctions" against Facebook and lessons about the war: what is happening in Crimea on the background of Russia's invasion of Ukraine]. *Krym.Realii*, 2022. Available from: <https://ru.krymr.com/a/rossiya-ukraina-voyna-krym-tsenzury/31732457.html> (accessed 9 March 2022).
8. *Sevastopol' i vojna. Parallel'naja real'nost' v korolevstve krivyh zerkal* [Sevastopol and the war. Parallel reality in the kingdom of crooked mirrors.]. *Krym.Realii*, 2022. Available from: <https://ru.krymr.com/a/devyatyy-den-voyny-sevastopol-parallel-naya-realnost/31736287.html> (accessed 9 March 2022).
9. Shhukin D. A. *Interpretacija obraza vraga v moral'nom diskurse: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskih nauk* [Interpretation of the image of enemy in moral discourse. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2012. 30 p.

**CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE ENEMY OF THE MEDIA RECOGNIZED
AS A FOREIGN AGENT "CRIMEA.REALITIES"
DURING THE RUSSIAN'S SPECIAL OPERATION
ON DEMILITARIZATION AND DENAZIFICATION OF UKRAINE**

Klintsova M. N.

The article analyzes the features of constructing the image of the enemy of the media recognized as a foreign agent "Crimea.Realities" during Russia's special operation on denazification and demilitarization of Ukraine. The image of Russia created by the journalists of this resource is a part of the information war of the Collective West against the Russian Federation, aimed at the disintegration of the Russian state, violation of its territorial integrity and construction of the image of Russia as an enemy for the international community. The materials of the "Crimea.Realities" can be characterized as an ideological manipulative influence aimed at creating a distorted image of reality and forming the image of Russia as an enemy and aggressor. At the same time, the main mechanism for forming the image of the enemy is dehumanization. The image of Russia as an enemy in the "Crimea.Realities" project is largely created within the framework of the psychoanalytic tradition, which indicates the presence of external leadership in this process.

Keywords: enemy image, identity, information warfare, a media recognized as a foreign agent, Russia, Collective West.

УДК 800

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ В КОНТЕКСТЕ СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ТЕЛЕКАНАЛА «МАТЧ-ТВ»)

Мальцева И. А.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: maira@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2963-8705>*

Статья посвящена характеристике манипулятивных способов воздействия на аудиторию в спортивной журналистике. Базой для исследования стали материалы телеканала «Матч-ТВ», одного из основных спортивных каналов на федеральном телевидении. Практически все приемы в трансляциях с места спортивных событий направлены на оказание влияния на эмоции и чувства зрителей. В студийных программах ситуация меняется, поскольку более спокойная обстановка располагает к рациональному и взвешенному обсуждению спортивных тем. Поэтому в студии за основу берутся манипулятивные уловки, связанные с аргументацией. В исследовании определяются методы сравнения манипулятивных способов воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса в целом. Анализ показывает, что все журналисты телеканала «Матч-ТВ» придерживаются единой профессионально-деловой модели поведения. Это касается также журналистов, гостей студии, экспертов и спортсменов. Эти же характеристики подходят и для голоса ведущих, которым тоже можно умело пользоваться, воздействуя на аудиторию телеканала «Матч-ТВ». Исключением можно назвать повышенный тон речи, свойственный комментатору Дмитрию Губерниеву не только во время прямых трансляций, но и когда он ведет программу «Все на Матч!». Такую реакцию можно наблюдать и в его комментарии зимней Олимпиады-22 в Пекине. Подобная поведенческая модель позволяет в некоторой степени снизить градус эмоций от просмотров спортивных трансляций и, как следствие, создать иллюзию конструктива. **Ключевые слова:** спортивный медиадискурс, манипулятивные способы воздействия на аудиторию, популяризация спорта и здорового образа жизни, спортивная журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование манипулятивных способов воздействия на аудиторию – одна из актуальных проблем в спортивной журналистике. Связано это, в первую очередь, с популяризацией в государстве спорта и здорового образа жизни. Заметим, что большая часть нашего общества (советского и российского) успехи спортсменов на соревнованиях высокого уровня интерпретирует как собственные, заслуженно испытывая особую гордость не только за спортивные достижения, но и за государство и весь народ в целом. Следовательно, победы в спорте способствуют также воспитанию чувства патриотизма у подрастающего поколения. В наше сложное время, когда у молодежи во многом оказались утеряны многие социальные ориентиры, спорт остается той необходимой и спасительной нишей, которая помогает многим подросткам расставить правильные приоритеты в своей жизни. Именно поэтому его популяризация является делом государственной важности.

Прежде чем рассматривать манипулятивные способы воздействия на аудиторию, которые используют современные спортивные журналисты, нужно понять, в каких условиях им приходится осуществлять свою деятельность. Уже на протяжении

многих лет идет беспрецедентное давление на наших спортсменов почти во всем мире. Спортивные журналисты стараются объективно информировать свою аудиторию. Конечно, их работа осложняется сложившимися обстоятельствами.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется необходимостью изучения манипулятивных методик в спортивной журналистике.

Целью предлагаемого исследования является анализ манипулятивных способов воздействия на аудиторию на телеканале «Матч-ТВ». Данная проблема рассматривается в контексте всего спортивного медиадискурса.

Материалом исследования являются передачи телеканала «Матч-ТВ». Среди них телепрограммы «Тотальный футбол», «После футбола с Георгием Черданцевым», «Все на футбол! Афиша», «Мир английской премьер-лиги», «Свисток», «Английский акцент» и другие. Кроме этого, в ходе изучения для сравнения предлагаются данные в русле той же проблематики, фиксирующиеся на радио и в интернет-пространстве.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Манипулятивные способы воздействия на аудиторию рассматривались некоторыми российскими и зарубежными исследователями, такими как Дж. Брайант, С. Томпсон, Л. Фишер, Дж. Уэбстер, Дж. Хольман, У. Шрамм, Е.А. Войтик, А.Б. Алексеев, М.Н. Данилова, О.А. Дмитриев, О.С. Сахно и другими специалистами. Выводы, изложенные в публикации, были основаны на статистических данных сайта matchtv.ru и media.metrka.yandex.ru, а также благодаря собственному практическому опыту в этой области.

Можно сказать, что ошибки в такой технологии коммуникации, как информирование, носят систематический характер. Если зритель видит череду явно неслучайных оговорок, опечаток или фактологических ошибок, степень доверия к СМИ снижается. В случае со спортивными средствами массовой информации, где каждый постоянный зритель, читатель или слушатель считает себя как минимум разбирающимся в том или ином виде спорта, степень раздражимости от подобных неточностей возрастает [7, с. 140].

На самом популярном спортивном федеральном телеканале «Матч-ТВ» существует ряд аналитических программ, где наблюдается апелляция не к эмоциям зрителей, а к их разуму. Это, в первую очередь, «Тотальный футбол», «После футбола с Георгием Черданцевым», «Все на футбол! Афиша», «Мир английской премьер-лиги», «Свисток», «Английский акцент».

Остановимся на программе «Все на футбол! Афиша». Журналисты советуют зрителям увидеть те футбольные матчи, на которые нужно сходить или которые нужно посмотреть на тематических телеканалах «Матч-ТВ». Часовой хронометраж программы позволяет в деталях разобрать важнейшие встречи выходных. Часто обсуждение сводится к самому интересному, на что стоит обращать внимание любителям футбола. Гости студии вместе с ведущим Романом Нагучевым акцентируют внимание на нескольких личностях, за которыми нужно наблюдать во время матча. Мы считаем, интерес к футбольным баталиям повышается за счет грамотной аргументации.

Для целевой аудитории канала «Матч-ТВ» такая технология коммуникации, как убеждение, на наш взгляд, является самой действенной. Такие люди будут безоговорочно доверять приведенной аргументации. В первую очередь, здесь следует говорить о возрастной категории мужчин от 45 лет, которые в гораздо меньшей степени читают спортивные сайты и порталы, просматривая видео и изображения. По последним данным Яндекс.Метрики, целевой аудиторией спортивных сайтов, таких как championat.com, sport-express.ru, sports.ru, sovsport.ru и news.sportbox.ru являются мужчины от 25 до 45 лет. Таким образом, перечисленные популярные порталы ориентированы на молодых интернет-пользователей. Соответственно именно эта категория подвергается воздействию коммуникативных технологий [12].

Согласно нашим статистическим данным, коммуникативная технология эффективна, но уже в ослабленном виде, с людьми, не имеющими личного автотранспорта. Получение информации, в том числе и спортивной, у людей, постоянно перемещающихся на автомобиле, происходит чаще в машине. Влияние радиоинформации на такую категорию адресатов достаточно серьезное. М.Монтень воспринимал развлечение в качестве рекреационного средства уменьшения стрессов и скуки. Он считал, что это «приятное средство облегчения через снижение неудовлетворенности жизни» может быть развлекательного плана.

Спортивные новости мы относим к сфере развлечения и считаем, что нахождение в «пробках» способствует тому, что спортивные новости воспринимаются как средство от раздражающей внешней ситуации, в которой находится человек. Наличие баннеров служит своеобразным «спусковым крючком» для внимательного прослушивания спортивной новости и даже получения реакции облегчения и удовольствия [9].

Научные исследования специалистов в области психологии и сознания человека, таких как Дженнингз Брайант и Сюзанна Томпсон, показали, что в большинстве случаев люди делают свой выбор в потреблении информационного контента импульсивно, под влиянием определенного момента. Этим моментом может служить случайно услышанный разговор в пробке о прошедшем спортивном матче, баннер с изображением любимой команды, даже собственный телефонный разговор. Такой эффект воздействия медиаразвлечения объясняет теория использования и удовлетворения, специализирующаяся на мотивации и поведении адресата [8, с. 185].

Согласно существующей концепции избирательного подхода к определенной информации, человек сам выбирает, что ему слушать в зависимости от вкусовых информационных предпочтений. Мы считаем, что часто адресат делает выбор импульсивно, в зависимости от внешних факторов, которые действуют возбуждающе на потребителя контента. Если учесть, что радиоинформация влияет на воображение аудитории, можно сделать вывод, что такая информация будет максимально воздействовать на сознание человека и его настроение в целом. В связи с этим, технология коммуникации – убеждение, на наш взгляд, в данном случае является самой эффективной. Поэтому часть целевой аудитории, не перемещающаяся по городу на личном транспорте, в минимальной степени восприимчива к убеждению со стороны спортивных радиостанций, таких как, например, «Спорт FM», «Зенит», спортивное радио «Движение».

Через убеждение телеканал насыщает свой контент смысловой и аналитической нагрузкой на аудиторию. Аудитория «Матч ТВ», которая использует его в качестве основного СМИ для получения спортивного контента, является самой подверженной влиянию данной технологии [3].

Еще одна важная коммуникативная технология, манипулятивно воздействующая на аудиторию, – это подражание. Эта технология в наибольшей степени проявляется именно на телеканале «Матч-ТВ». Связано это, прежде всего, с тем, что данный телеканал успешно функционирует. Об этом говорят данные «Медиаскопа» и официальные цифры, указанные на сайте. Доля рекламы за 2021 год увеличилась на 22 %. Прирост аудитории, по мнению нового руководителя «Матч-ТВ» Александра Тащина, сменившего Тину Канделаки, составил 37,5 %: *«В панели 100+ [города с населением от 100 000 человек – И.М.] доля составила 3,5% – это цифры уровня самого успешного 2018 года, когда проходил ЧМ. Относительно прошлого года прирост составил 37,5%»* [11].

Подражание напрямую зависит от поведения тех людей, которые появляются на экране. Представитель психоаналитического направления в социальной психологии Эрик Эриксон интерпретирует подражание как «некритическое воспроизводство предлагаемых образцов поведения». Важным звеном в этой реакции психолог выделяет механизм идентификации. В спортивной сфере каждый болельщик идентифицирует себя на подсознательном уровне со своим любимым атлетом. Ко всем новостям, касающимся его любимого героя, адресат внимательно относится, прислушивается к информации с целью запоминания.

Процесс идентификации позволяет журналисту влиять с помощью своей информации на формирование личности адресата. Идентификация не может быть полностью осознанным поведением. Ее связывают, прежде всего, с эмоциональным отношением к осмыслению поступков спортсмена или команды в целом. То есть на первый план выходит не рациональное осмысление поступков героев материала, а именно эмоциональный настрой во время получения информации и само отношение адресата в данный момент к участникам информации. Поэтому подражание в качестве манипулятивной технологии коммуникации успешно зарекомендовало себя не только на телевидении, но и на радио [1].

Нельзя быть абсолютно уверенным в том, что на «Матч-ТВ» преднамеренно пытаются навязать какие-либо нормы в рамках рассматриваемой технологии. Однако можно сказать, что все, кто появляются в эфире, придерживаются единой профессионально-деловой модели поведения. Это касается и журналистов, и приглашенных звезд, экспертов и спортсменов.

Эти же характеристики подходят и для голоса ведущих, которым тоже можно умело пользоваться, воздействуя на аудиторию телеканала «Матч-ТВ». За редким исключением. Например, повышенный тон речи свойствен комментатору Дмитрию Губерниеву не только во время биатлонных трансляций, но и когда он ведет программу «Все на Матч!». Такую реакцию можно наблюдать и в его комментариях зимней Олимпиады-22 в Пекине. Подобная поведенческая модель позволяет в некоторой степени снизить градус эмоций от просмотров спортивных трансляций и, как следствие, создать иллюзию конструктива. Но, как мы уже упоминали ранее,

нельзя сказать, что «Матч-ТВ» посредством подражания пытается навязать своим зрителям какие-либо поведенческие нормы [13].

Сказанное нами о голосе, движении в кадре и нормах поведения можно рассматривать и в контексте другой технологии коммуникации – заражение. Мы считаем, что это один из действенных способов воздействия на аудиторию, к сожалению, не так часто применяемый. В этом случае воздействие происходит с точки зрения психологии шире, чем только с позиции поведенческих реакций. В первую очередь, необходимо отметить, что именно в рамках заражения проявляется мастерство тех людей, которые работают непосредственно на спортивных соревнованиях – и в рамках прямых трансляций, и в формате новостных сюжетов. По сути, заражение заключается в передаче зрителям психического настроя, апеллировании не к сознанию и интеллекту, а к эмоциям и чувствам [4].

Типичные проявления данной технологии можно услышать в речи спортивных комментаторов. Большая часть действующих футбольных комментаторов «Матч-ТВ» – бывшие работники спортивных телеканалов «НТВ-Плюс» (Георгий Черданцев, Константин Генич, Тимур Журавель, Роман Гутцайт, Юрий Розанов), а потому имеют богатый опыт и долгий стаж работы, что не может не сказываться на профессионализме в области эмоционального заражения. В полуфинальном матче Лиги Европы УЕФА 2018 г. между английским «Арсеналом» и испанским «Атлетико» Константин Генич и Александр Шмурнов образцово отработали в рамках рассматриваемой технологии коммуникации. В моменте с голом нападающего «Атлетико» Александра Ляказетта Генич, предчувствуя опасность, начал повышать эмоциональный градус заранее: *«Надо попробовать пробить, ну пробить кому-нибудь! Там частокол ног, может, какой-нибудь рикошет помог бы... Гризманн с ума сошел, что ли, между ног пробрасывать возле своей штрафной. Уилишр, подача!»*. И в момент кульминации Шмурнов доводит за коллегу эмоции до пикового состояния, после чего постепенно понижает тон голоса и темп речи, тем самым возвращая свой комментарий в обычное состояние: *«И должен быть... Гооол! Должен был быть гол! Вот виноват Гризманн. Действительно, не стоило этого делать, и Александр Ляказетт отправляет мяч в ворота Яна Облака. Хотя тот и полетел в угол, но слишком короткая дистанция. Великолепно все сделали наконец-то лондонцы, и счет у нас открыт в этом большом противостоянии»*.

Данную игру можно считать одной из лучших с точки зрения работы комментаторов за все недолгое время существования телеканала: профессиональная работа Генича и Шмурнова на этом матче была высоко оценена другими комментаторами в социальных сетях, в частности, Дмитрием Федоровым и Василием Уткиным [6].

На высоком уровне отрабатывали журналисты в контексте эмоционального заражения, когда случился допинговый скандал, и российские национальные сборные в разных видах спорта очень сильно из-за этого пострадали. В частности, в сюжете об итогах чемпионата Европы по биатлону Дмитрий Губерниев сделал сразу несколько интонационных подъемов и спусков, подчеркивая как неудачи ослабленной сборной России, так и определенные успехи: *«С учетом провала в индивидуальной гонке, когда лидеры команды во главе с Алексеем Волковым даже*

собраться не сумели, потому что пропала стрельба у тех олимпийцев, которые рассчитывали на поездку в Корею, и в итоге этой поездки не было... Но вот Виктория Сливко выиграла бронзовую награду, и доказала, что не зря рассматривалась нашими тренерами... Гараничев из глубины был третьим в пасьюте, Логинов со второго места в спринте стал четырехкратным чемпионом Европы, выиграв пасьют! Но в каждой гонке, конечно, сложно рассчитывать на максимум...».

Передача эмоционального состояния как один из способов воздействия на аудиторию зависит не только от мастерства журналистов, но и от самого изображения – цветовых оттенков, шрифтов, анимированной графики в рекламе и заставках программ. И в этом плане стоит отметить, что «Матч-ТВ» действует более агрессивно, чем каналы-предшественники. Тематический телеканал «НТВ-Плюс» оформлен в различных оттенках салатного цвета, который традиционно считается успокаивающим, а также является одним из основных на логотипе и в графике общедоступного федерального «НТВ». Для самостоятельного проекта «Матч-ТВ» был выбран красный, в психологии – цвет агрессивный и вызывающий [14].

Этими же характеристиками можно описать и шрифты, специально разработанные дизайнерами для телеканала. Это «геометрический прямолинейный рубленый» и подобные шрифты можно было увидеть в 1920-е и 1930-е годы на плакатах в СССР. Подобные элементы оформления в совокупности с многочисленными восклицательными фразами в названиях программ («Матч!», «Все на Матч!», «Все на хоккей!», «Все на футбол! Афиша», «Десятка!»), на наш взгляд, являются катализаторами эмоционального заражения аудитории и одним из способов воздействия на аудиторию.

Внушение, как и заражение, является технологией коммуникации, при использовании которой происходит апелляция к чувствам и эмоциям, при этом зрителям пытаются таким образом навязать собственное или необходимое телеканалу мнение [2]. На «Матч-ТВ» сейчас работают люди, доверие к которым в некоторых вопросах совершенно бесспорно. Кто-то заслужил подобное долгим стажем работы в спортивной журналистике, как в случае с рядом комментаторов, а кто-то тем, что, по сути, является единственным и неприкосновенным олицетворением главного эксперта в каком-либо специфическом спортивном соревновании или сегменте популярного вида спорта. Конечно, подобные профессионалы своим авторитетом не могут не оказывать внушающего воздействия на аудиторию телеканала. Самый популярный в рейтинге комментаторов – Дмитрий Губерниев. Из ста респондентов (опрошенных нами мужчин и женщин в возрасте от 25 до 40 лет) 73% мужчин назвали именно Дмитрия Губерниева, 93% женской аудитории высказались в пользу этого популярного комментатора. Уместным будет констатировать, что голос Дмитрия Губерниева действительно запоминающийся, и названные нами респонденты вспоминают сразу именно его голос.

Во время прямого эфира со стадионов, когда российские атлеты представляют страну на международном соревновании, в нашей спортивной журналистике, особенно среди телекомментаторов, принято использовать приемы, присущие коммуникативному типу «комментатора-болельщика». Нельзя с полной

уверенностью сказать, что это является преднамеренной политикой телеканала, но подобная модель поведения журналистов никак не пресекается руководством, а значит, соответствует интересам рассматриваемого средства массовой информации. Так как специфика «комментатора-болельщика» заключается в том, что он насыщает свой комментарий множеством определений, которые несут экспрессивно-эмотивную окраску, ему легче манипулировать сознанием человека, чем комментатору, который стремится навязать зрителю что-либо с помощью аргументов и логических суждений. Следует сказать, что тип «комментатора-болельщика» в российской спортивной журналистике имеет один существенный недостаток: трансляции российских телеканалов с отечественными комментаторами смотрит достаточно большое количество русскоязычных зрителей из стран ближнего зарубежья, тем самым не всегда учитываются их пристрастия в том или ином виде спорта [10, с. 235].

Как мы можем наблюдать, практически все приемы в трансляциях непосредственно с места спортивных событий направлены на оказание влияния на эмоции и чувства зрителей. В случае со студийными программами ситуация меняется, поскольку более спокойная и размеренная обстановка располагает к рациональному и взвешенному обсуждению тех или иных спортивных тем. Поэтому за основу журналистами берутся манипулятивные уловки, связанные с аргументацией. В качестве примера можно выделить выпуск программы «Все на футбол!», где журналисты «Матч-ТВ» на регулярной основе используют манипулятивные способы и методы воздействия на аудиторию.

По нашему мнению, рассмотренная технология коммуникации, которая используется журналистами в эфире телеканала «Матч-ТВ», не позволяет зрителям получить максимально объективную картину о тех или иных спортивных событиях, явлениях или личностях. С помощью методов, описанных выше, достигается однополярность суждений и выводов зрителей, что ведет к неверному восприятию «спорта высоких достижений» в целом.

Несколько слов стоит сказать о психологическом принуждении.

Как мы уже отмечали, в советских СМИ то, что называлось «массовым спортом», освещалось таким образом, чтобы им было вынуждено заниматься практически все население Советского Союза: утренние программы с гимнастикой, лозунги в стиле «От значка ГТО к олимпийской медали!» и т.д. В современных российских реалиях не все приемы данной технологии в принципе могут работать, однако в существующих на «Матч-ТВ» программах, посвященных массовому спорту, некоторые из них все же применяются.

В 2016 г. в эфире рассматриваемого нами телеканала выходила программа «Инспектор ЗОЖ», где в качестве ведущего выступил путешественник и блогер Сергей Доля, который, по утверждению «Матч-ТВ», похудел на сорок пять килограммов за полгода. Начиная с анонса, зрителей в буквальном смысле призывали: «Докажи, что твой город – ЗОЖ!», и все это на фоне ведущего в костюме супергероя. В самой программе аудитории показывались группы людей, а также отдельные личности, регулярно занимающиеся спортом в разных городах России.

Например, выпуск от 27 августа был снят в Краснодаре, и в нем было рассказано несколько историй о том, как здоровый образ жизни помог обычным людям изменить свою жизнь, а также на что некоторые из них идут, чтобы заниматься массовым спортом. Вот несколько высказываний из выпуска: *«На билет из Ростова Семен потратил последние деньги... Краснодар оценил поступок»*, *«...одному из участников ЗОЖ буквально подарил новую жизнь»*, *«...еще год назад он был вот таким»*, *«парень, ты должен изменить свою жизнь»*. В данных примерах применяется психологическое принуждение на основе убеждения, а также через осознание формально провинившимся (то есть, зрителем) своей вины в том, что он не ведет такой же образ жизни, который в программе заявлен как эталонный. С помощью единых для всех участников упражнений и индивидуальных испытаний достигается индивидуальный и групповой подход принуждения.

Технологии подражания и заражения, в реализации которых важен профессионализм главных авторитетов, на наш взгляд, грамотно используются журналистами «Матч ТВ». С первой это достигается за счет сдержанной, по большей части, профессионально-деловой речи в студийных программах, а со второй – за счет рационального уровня эмоциональности в репортажах непосредственно со спортивных соревнований.

Можно сказать, что на данный момент ситуация с популярностью любого производимого «Матч-ТВ» контента такова: аудитории гораздо важнее личности, которых они видят или слышат в рамках того или иного телепродукта, поэтому в различных программах появляются комментаторы как самые авторитетные эксперты для зрителей [5].

По сути, заведомо самые рейтинговые трансляции не достаются главному общедоступному спортивному каналу страны, что влечет за собой ряд негативных для него тенденций. Он не получает тех рейтингов, которые мог бы от полностью подходящего по формату и содержанию контента. Это, а также невозможность заработка на рекламе в промежутках между соревнованиями, таймами или периодами, хотя именно в рассматриваемое время ее стоимость максимально высока. В определенной степени «Матч-ТВ» несет имиджевые потери оттого, что является не первостепенным средством массовой информации при освещении крупнейших событий, как следствие, потери несут также авторитет и сила воздействия на аудиторию.

В связи с этим мы считаем, что подобное разделение спортивных трансляций нерационально, поскольку несет ощутимый вред телеканалу «Матч-ТВ», который имеет гораздо больше кадровых и технических возможностей для передачи изображения непосредственно с места событий и дальнейшего освещения, чем даже «Первый канал» или «Россия 1». Фактор общедоступности телеканала способствует показу самых интересных для аудитории спортивных событий на максимально обширной территории. Оригинальный контент «Матч-ТВ», включающий в себя реалити-шоу, документальные проекты, информационно-развлекательные передачи и ряд информационно-аналитических программ в подавляющем большинстве интересен массовой аудитории. И этим можно было бы умело пользоваться.

Приведенные статистические данные, рейтинги и социологические опросы позволяют в полной мере оценить воздействие телеканала «Матч-ТВ» на массовую аудиторию. Выявленные тенденции и закономерности могут стать отправной точкой улучшения ситуации в данной области для рассматриваемого средства массовой информации.

ВЫВОДЫ

Электронные средства массовой информации и новые медиа являются самыми актуальными СМИ для освещения спортивных событий, и телевидение, на наш взгляд, можно считать основным в данном контексте. Увидеть трансляцию крупнейших состязаний в прямом эфире можно лишь задействовав ресурсы телевизионных каналов, и не имеет большого значения то, каким образом в дальнейшем доходит информация до зрителя. С конца 2015 года флагманом российской спортивной телевизионной журналистики является общедоступный федеральный канал «Матч-ТВ».

Реализация приемов и методов, которые использует рассматриваемый нами телеканал в рамках различных технологий коммуникации, позволяет сделать вывод, что информирование является главной технологией коммуникации на «Матч-ТВ». Общедоступность на территории всей страны, 24-часовое вещание, наличие филиалов в регионах и опытная команда профессионалов, собранная из бывших работников телеканалов «Россия 2» и «НТВ-Плюс», большой объем новостных выпусков в эфирной сетке – все это способствует максимальному информированию зрителей о самом важном и интересном из мира спорта. Однако, по нашему мнению, качество реализации данной технологии нельзя назвать образцовым, поскольку существуют систематические ошибки, связанные с человеческим фактором.

Усиление воздействия на аудиторию «Матч-ТВ» происходит волнообразно в зависимости от эмоционального настроя самого адресата и согласно той обстановке, в которой происходит потребление информационного контента. Большое влияние на успешную реализацию технологии убеждения оказывают авторитетные журналисты и комментаторы. Подражание, будучи той технологией коммуникации, которая может быть использована СМИ как во благо, так и во вред аудитории, проявляется на «Матч-ТВ» только с положительной стороны.

Таким образом, даже в условиях отсутствия конкуренции телеканал «Матч-ТВ» может стать еще влиятельнее и успешнее, если чаще будет обращаться к разнообразным способам воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. *Алексеев А. Б.* О самопрезентации в спортивном дискурсе (на примере дискурса бойцов смешанных единоборств) // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Вып. 4. – С. 387–393.
2. *Буров А. А., Лебединская В. Г.* Этимология русского языка. – Москва: Юрайт, 2019. – С. 136.
3. *Войтик Е. А.* Актуализация темы «Спорт как бизнес-индустрия в современной российской прессе» // Медиаальманах. – М.: МГУ, 2013. – №6 – С. 52–60.
4. *Данилова М. Н.* Спорт как медиакоммуникационный феномен // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, – № 3. – С. 519–538.

5. *Дмитриев О. А.* Мультимедийные приемы в альтернативных международных медиа (на примере материалов агентства Sputnik) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 154–164.
6. *Егорова Л. Г.* Медiatekst – имиджевый текст: специфика функционирования в пространстве массовых коммуникаций // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – С. 356–363.
7. *Мальцева И. А.* Приемы психологического воздействия СМИ на телеаудиторию посредством выпуска новостей // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 6. – Ч. 1. – С. 137–147.
8. *Мальцева И. А.* Культура речевого поведения телеведущего в современном телеэфире // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. Мат-лы III Междунар. научно-практической конференции, посвященной памяти Г.М. Соловьева. Краснодар, 2020. – С. 185–192.
9. *Солова Е. Г.* Новые речевые процессы в современных массмедиа // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 33–37.
10. *Сахно О. С., Соломахина Э. В.* Межкультурные особенности невербальной коммуникации [Текст] // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. Материалы IV Международной научной конференции. – Уфа, 2021. – С. 233–237.
11. matchtv.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.matchtv.ru> (дата обращения: 28.01.2022)
12. media.metrka.yandex.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.media.metrka.yandex.ru> (дата обращения: 28.12.2021)
13. *Vikulov V. V.* Cyber journalism in Russia: Ethics as a criterion of institutionalization // Russian Journal of Communication. – 2017. – Vol. 9. – Issue 3. – Pp. 300–301. doi.org/10.1080/19409419.2017.1376565.
14. *Pavlovskaya O., Karipidi A., Baturyan M., Sakhno O., Borisova U.* Modern museum communications as a means of visitors attracting International Journal of Criminology and Sociology. – 2020. – Т. 9. – С. 2064–2070.

References

1. *Alekseev A. B.* *O samoprezentatsii v sportivnom diskurse (na primere diskursa boitsov smeshannykh edinoborstv)* [On self-presentation in sports discourse (on the example of the discourse of mixed martial arts fighters)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 4. Saratov, 2021, pp. 387–393.
2. *Burov A. A., Lebedinskaya V. G.* *Etimologiya russkogo yazyka* [Etymology of the Russian language]. Moscow, YUrait, 2019. 136 p.
3. *Vojtik E. A.* *Aktualizatsiya temy «Sport kak biznes-industriya v sovremennoj rossiiskoi presse* [Actualization of the theme "Sport as a business industry in the modern Russian press"]. *Mediaal'manah*. Moscow, MGU, 2013, no. 6, pp. 52–60.
4. *Danilova M. N.* *Sport kak mediakommunikatsionnyi fenomen* [Sport as a media communication phenomenon]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2018, vol. 7, no 3. pp. 519–538.
5. *Dmitriev O. A.* *Mul'timediinye priemy v al'ternativnykh mezhhdunarodnykh media (na primere materialov agentstva sputnik)* [Multimedia techniques in alternative international media (on the example of sputnik agency materials)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 154–164.
6. *Egorova L. G.* *Mediatekst – imidzhevyi tekst: spetsifika funktsionirovaniya v prostranstve massovykh kommunikatsij* [Media text - image text: the specifics of functioning in the space of mass communications]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye kommunikacii»*, 2013, vol. 26 (65). № 1, pp. 356–363.

7. Mal'ceva I.A. *Priemy psichologicheskogo vozdeistviya SMI na teleauditoriyu posredstvom vypuskom novostej* [Techniques of the psychological impact of the media on the television audience through the release of news]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2017, vol. 9, № 6, pp. 137–147.
8. Mal'ceva I.A. *Kul'tura rechevogo povedeniya televedushchego v sovremennom teleefire* [The culture of speech behavior of a TV presenter in modern television]. *ZHurnalistika, mul'timedia: informatsionnyj i sotsiokul'turnyj potentsial. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoi pamyati G.M. Solov'eva*. Krasnodar, 2020, pp. 185–192.
9. Somova E.G. *Novye rechevye protsessy v sovremennykh massmedia* [New speech processes in modern mass media]. *Innovatsionnye protsessy v informatsionno-kommunikatsionnoj sfere. Sbornik materialov Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2021, pp. 33–37.
10. Sahno O.S., Solomahina E.V. *Mezhkul'turnye osobennosti neverbal'noj kommunikatsii* [Intercultural features of non-verbal communication]. *Filologicheskie nauki: sostoyanie, perspektivy, novye paradigmy issledovaniy. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoy konferentsii*. Ufa, 2021, pp. 233–237.
11. *matchtv.ru*. URL: <https://www.matchtv.ru> (accessed: 28.01.2022)
12. *media.metrka.yandex.ru*. URL: <https://www.media.metrka.yandex.ru> (accessed: 28.12.2021)
13. Vikulov V.V. Cyber journalism in Russia: Ethics as a criterion of institutionalization. *Russian Journal of Communication*. 2017, vol. 9, p. 300–301 (The journal is indexed in: Scopus). <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1376565>.
14. Pavlovskaya O., Karipidi A., Baturyan M., Sakhno O., Borisova U. Modern museum communications as a means of visitors attracting. *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020, vol. 9, pp. 2064–2070.

**MANIPULATIVE WAYS OF INFLUENCING THE AUDIENCE
IN THE CONTEXT OF SPORTS MEDIA DISCOURSE
(ON THE EXAMPLE OF THE FEDERAL TV CHANNEL «MATCH-TV»)**

Maltseva I. A.

The article is devoted to the characteristics of manipulative ways of influencing the audience in sports journalism. The materials of the Match-TV channel, one of the main sports channels on federal television, became the basis for the study. As a result of the analysis, it became clear that almost all techniques in broadcasts directly from the venue of sports events are aimed at influencing the emotions and feelings of viewers. In studio programs, the situation is changing, since a calmer and more measured atmosphere disposes to a rational and balanced discussion of certain sports topics. Therefore, manipulative tricks related to argumentation are taken as a basis in the studio. The study defines methods for comparing manipulative ways of influencing the audience in the context of sports media discourse in general. The analysis shows that all journalists of the Match-TV channel adhere to a single professional and business model of behavior. This also applies to journalists, studio guests, experts and athletes. The same characteristics are also suitable for the voice of the presenters, which can also be skillfully used, influencing the audience of the Match-TV channel. The exception is the raised tone of speech characteristic of commentator Dmitry Guberniev not only during live broadcasts, but also when he hosts the program «All for the Match!». Such a reaction can be observed in his comments on the Winter Olympics-22 in Beijing. Such a behavioral model allows you to reduce the degree of emotions from watching sports broadcasts to some extent and, as a result, create the illusion of constructive.

Keywords: sports media discourse, manipulative ways of influencing the audience, popularization of sports and healthy lifestyle, sports journalism.

ОТНОШЕНИЕ ЖЕНСКОЙ АУДИТОРИИ Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ К РЕКЛАМЕ ЛЕКАРСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ТОВАРОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Смеюха В. В., Гордиенко И. Ю.

*Южный федеральный университет;
Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: smeyha@yandex.ru; ir1nagordienko@yandex.ru*

Авторы рассматривают особенности влияния рекламы лекарств и медицинских товаров на аудиторию в условиях изменения санитарно-эпидемиологической ситуации: обращается внимание на увеличение объема данной рекламы и последствия её функционирования (рост продаж, возникновение дефицита лекарств) в 2020 г. На примере изучения отношения женской аудитории г. Ростова-на-Дону к рекламе указанной товарной категории выявляются следующие аспекты взаимодействия рекламной коммуникации и аудиторного сегмента: выбор канала распространения информации рекламного характера, результат воздействия рекламного сообщения (формирование доверия, стимулирование желания приобретения товара и др.). В ходе анкетирования было опрошено 274 респондента, анализ полученных данных позволил сделать заключения о поведении женской аудитории в процессе взаимодействия с рекламной коммуникацией, распространяющей информацию коммерческого характера о фармацевтических препаратах; кроме того, были разработаны рекомендации, направленные на повышение эффективности рассматриваемого рекламного сегмента, касающиеся изменения формата рекламной информации и методов убеждения, используемых в рекламном сообщении; а также этического компонента рекламы.

Ключевые слова: реклама лекарств и медицинских товаров, женская аудитория, воздействие, пандемия, социологическое исследование, эффективность

ВВЕДЕНИЕ

Развитие СМИ, рекламных и имиджевых коммуникаций зависит от ряда факторов: политических, экономических, социальных, культурных [11, 8]. Трансформация общества ведет к изменению деятельности средств массовых коммуникаций: к их активизации, усилению к ним внимания со стороны аудитории, снижению либо повышению экономической эффективности, появлению новых типов медиа и т. д. События 2020–2021 гг. наглядно показали, насколько усиливается интерес социума к медиаинформации в условиях кризисных ситуаций и какой силой воздействия обладают медиаресурсы, распространяющие актуальные сведения. В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию нового коронавируса, меры, направленные на борьбу с инфекционным заболеванием и защиту населения, меняли привычный формат жизнедеятельности населения. Введение режима самоизоляции отразилось на функционировании массмедиа [14], медиапотреблении, рынке рекламы [5, 9, 13] и интернет-продажах [2]. Практически с начала 2020 г. аналитики стали отмечать сокращение и перераспределение рекламных бюджетов, изменение форм ведения рекламной деятельности. В то время, пока одни товарные категории оказывались малостребованными, а, следовательно, их реклама, оплаченная рекламодателем заранее, не приносила планируемого результата, спрос на другие товары увеличивался. Например, интерес аудитории стал падать к таким товарам: одежда, обувь, товары для

отдыха, путешествия и др. Одновременно увеличивался спрос на продукты питания, средства личной гигиены, лекарства, медицинские товары и услуги. Так, по данным исследования компании «Stackline», в США в марте 2020 г. произошел рост интернет-продаж в сравнении с мартом 2019 г.: на одноразовые перчатки на 670 %, средства от кашля – 535 %, устройства для наблюдения за здоровьем – 182 % (Топ-100 самых быстрорастущих и падающих товаров в период карантина // Vc.ru. 15.04.2020). В России также фиксировался рост продаж фармацевтической отрасли. В марте 2020 г. его увеличение в сравнении с данными годичной давности составило 35 %: по данным агрегатора «Все аптеки» проекта «Mail.ru», отдельные лекарства (например, «Нафтизин», «Парацетамол» и «Хлоргексидин») показали рост 300–800 % (см.: Как выживать фармацевтическому рынку в период пандемии COVID-19? // New-retail. 24.04.2020). Выделим два фактора, оказавших непосредственное влияние на увеличение объемов продаж лекарственных препаратов: первый – распространение инфекции и связанный с ней рост заболеваемости; второй – рост информации в массмедиа, посвященной медицинским препаратам. И первый, и второй факторы оказывают психологическое воздействие на аудиторию, которая стремится обезопасить себя и свою семью, следовательно, обращает внимание на публикации медицинского характера и приобретает рекомендуемые медицинские товары и лекарства.

Целью данной статьи является изучение отношения женской аудитории к рекламе лекарств и медицинских товаров в условиях пандемии. На примере отношения к рекламе обозначенной товарной категории женщин, проживающих в г. Ростове-на-Дону, будут рассмотрены следующие вопросы: выбор канала распространения информации рекламного характера, результат воздействия рекламного сообщения (формирование доверия, стимулирование желания приобретения товара и др.).

Необходимо отметить, что реклама фармацевтической продукции рассматривается учеными в юридическом, этическом [17, 6], экономическом [12, 7], филологическом направлениях [3, 18]. Влияние рекламы на женскую аудиторию, особенности гендерно ориентированной рекламы исследуют авторы Н. В. Аниськина, О. А. Зарубалова [1], А. А. Гумерова [4] и др. Нас же интересует аспект взаимодействия данной рекламы с аудиторией в условиях изменения социальной действительности, а именно – эпидемиологической ситуации. Обратим внимание на то, что изучение воздействия рекламной коммуникации на аудиторские группы определяет повышение эффективности рекламной деятельности (см., например, О. Г. Кузьмина, О. Ю. Посухова, Е. В. Шаповалова [10, 15, 16]), вследствие чего анализ влияния рекламы на население в условиях изменения привычных жизненных практик потребителей представляется актуальным.

Авторами были использованы следующие методы исследования: социологические (наблюдение, опрос), описание, сравнение. С целью изучения отношения женской аудитории к рекламе лекарств в условиях пандемии было проведено социологическое исследование: в ноябре 2020 г. были опрошены жительницы г. Ростова-на-Дону. В исследовании были задействованы 274 респондента, им было предложено ответить на заранее подготовленные вопросы анкеты. В силу действовавших ограничений на территории Ростовской области (введение самоизоляции для лиц в возрасте 65+, использование дистанционных форматов в обучении, профессиональной деятельности некоторых организаций) женщины были опрошены с использованием сети Интернет (анкета рассылалась участникам опроса). Возрастная характеристика опрошенной

аудитории является следующей: группа «18–30 лет» составила 41 % от общего числа участников исследования; группа «30–40 лет» – 15 %; группа «40–50» – 19 %, группа «50+» – 25 %.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с началом пандемии объем информации медицинского характера в массмедиа увеличился. Выделим несколько популярных форматов оповещения аудитории о распространяющемся заболевании и средствах защиты от него (лечения): видеоролики социального характера (например, «Профилактика – лучшая защита от коронавируса», «10 шагов по профилактике коронавируса», «Жить, не касаясь» и др.); беседы (интервью, выступления) с врачами, в которых широко обсуждаются как средства защиты, так и медикаментозное лечение; коммерческая реклама лекарств и медицинских товаров (например, «Арбидол», «Мирамистин», антисептические, противовоспалительные, жаропонижающие препараты и др.). Как было отмечено ранее, в условиях пандемии обозначилось изменение практик медиапотребления и медиаповедения аудитории, в популяризации информации медицинского характера стали формироваться ключевые направления – распространение соответствующей информации через сеть Интернет и телевидение: информационные видеоролики медицинской направленности выходят на федеральных телеканалах, размещаются на официальных сайтах и порталах правительства РФ, сайтах медицинских учреждений, а также СМИ.; коммерческая реклама обозначенной товарной категории также активизировалась на телевидении и в сети Интернет. Как следствие, стал фиксироваться рост продаж лекарственных товаров и даже дефицит некоторых препаратов (Лекарственный голод: в России заявили о дефиците 42 препаратов // Известия. 21.12.2020, Регионам не хватает лекарств // РБК. 24.11.2020 и др.); соответственно, аптечные сети увеличили прибыль (Аптекам воздалось арбидолжное. Крупные фармритейлеры заработали на пандемии // Коммерсант. 11.08.2021, Выручка крупных аптечных сетей в пандемию выросла за счет продажи лекарств от COVID-19 и психотропов // 66.ru. 11.08.2021 и др.), при этом наблюдался рост внимания аудитории к медицинским препаратам в сети Интернет и их онлайн-покупке (Рынок фармы после пандемии: онлайн vs офлайн в продажах и рекламе // Adindex.ru. 9.08.2021, Влияние пандемии на фармацевтический бизнес и потребителя 2020–2021. Диджитализация и ее первые успехи // Adindex.ru. 13.12.2020, Российский рынок медицинских изделий. Итоги 2020 года // Meditex.ru. 28.12.2020 и др.).

Обозначенные тенденции характерны и для Ростова-на-Дону. В ноябре 2020 г. региональные власти отметили появившийся дефицит лекарств (Власти Ростова отмечают дефицит некоторых лекарств в городских аптеках // Коммерсант. 16.11.2020, Власти Ростова признали дефицит лекарств в аптеках // 161.ru. 15.11.2020, Нехватку лекарств в аптеках Ростова объяснили власти // КП. Ростов-на-Дону. 14.11.2020 и др.), а ростовская компания «Социальная аптека» вошла в «ТОП-20 интернет-продавцов лекарств в РФ» (по данным за первый квартал 2021 г.).

Ростов-на-Дону является городом-миллионником, следовательно, для него характерны особенности медиапотребления, свойственные крупным городам, население которых широко использует новейшие медиакоммуникации, при этом медиопотребление является не только составной частью профессиональной, социальной деятельности, но и формой досуга, что определяет объем времени, которое горожане тратят на взаимодействие с медиакоммуникациями. По данным исследования, проведенного ростовскими учеными в 2017 г., по степени популярности у ростовчанок на первом месте

находится телевидение, на втором – Интернет, затем – радио и печатная пресса (см.: Смеюха В. В., Подобед Д. А., Сипко Е. С. Медикоммуникации современного города. Ростов н/Д: РГУПС, 2017. 174 с.).

Важным направлением в нашем исследовании стало выявление популярных каналов, предоставляющих аудитории информацию рекламного и рекомендательного характера о медицинских товарах и услугах. Мы учитывали, что значительная часть россиян не доверяет информации, полученной через массмедиа. Опрос, проведенный ВЦИОМ в мае 2020 г., показал, что 54 % населения доверяют традиционным СМИ, 24 % – социальным медиа, 12 % – блогерам (Медиа и пандемия: что смотрят и кому доверяют россияне // Sostav.ru. 18.05.2020). Так как информация, касающаяся здоровья, является важной и актуальной, то мы предложили аудитории оценивать не только медиаканалы, но и такой распространенный источник информации как родственники, друзья и знакомые, а также информацию, полученную от врачей (без определения формата получения информации: онлайн, офлайн, через массмедиа).

Анализ ответов на вопрос «Из каких источников вы получаете информацию о медицинских товарах/услугах в период пандемии коронавируса?» показал, что наиболее распространенными каналами, популяризирующими сведения о медицинских товарах и услугах, оказались Интернет и телевидение. Примечательно, что именно эти каналы указали в своих ответах все возрастные категории, участвовавшие в исследовании: чаще телевидение смотрит аудитория от 40 лет, наиболее активными интернет-пользователями являются девушки и женщины до 40 лет.

Обратим внимание на то, что женская аудитория в качестве источника информации о медицинских препаратах указала родственников, друзей, знакомых. Он упоминался чаще, чем телевидение. А у аудиторной группы «50+» данный источник является преобладающим, из чего можно сделать заключение, что респонденты чаще обращают внимание на мнение знакомых людей, чем рекламу, распространяемую посредством массмедиа.

Повышение степени доверия к рекламному сообщению – вопрос, над решением которого работают психологи, дизайнеры, маркетологи и другие специалисты. Причин, по которым реклама не вызывает доверия у потребителя, несколько: рекламное сообщение носит обезличенный характер – представляет товар и его характеристики без привязки к определенному персонажу (герою ролика, сообщения); продукт позиционируют лидеры мнений (известная личность, «якобы профессионал» или неизвестный актер, выдающий себя за рядового потребителя), выполняющие свою работу, вследствие чего данные сообщения могут вызывать сомнения в их правдивости, ведь основное назначение рекламы – способствовать продаже продукта; обилие рекламных сообщений; несоответствие рекламируемых характеристик товара реальным и т.д. Вследствие чего можем заключить, что женская аудитория активнее реагирует на информацию рекомендательного характера (советы, отзывы), нежели прямую рекламу.

Опрошенная аудитория также указала, что получает информацию по указанной тематике от врачей. Причем данный источник информации оказался на четвертом месте (после телевидения, Интернета, друзей и знакомых), что можно объяснить тем, что в период исследования уровень заболеваемости не был высоким, следовательно, большая часть респондентов не обращалась за соответствующей помощью к врачам. Кроме того, в 2020 г. заболевание было мало изученным, у врачей не было точной информации по его лечению, что отображалось в медиасреде: многочисленные сообщения медицинского

характера, тиражируемые массмедиа, разнились, могли противоречить друг другу, что снижало к ним степень доверия (см., например: Мясников заявил о пользе алкоголя при профилактике коронавируса // Лента.ру. 13.08.2021, Мясников перечислил фатальные ошибки при лечении COVID-19 дома // РИА.24.12.2021, Малышева рассказала, почему коронавирус не так страшен // РИА. 11.09.2020 и др.).

Никто из респондентов не указал в качестве источника получения информации медицинского характера радио; печатную прессу опрошенные практически не используют (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Из каких источников вы получаете информацию о медицинских товарах/услугах в период пандемии коронавируса?»

Канал информации	Аудитория «18–30»	Аудитория «30–40»	Аудитория «40–50»	Аудитория «50+»
Интернет	42 %	39 %	25 %	15 %
Телевидение	11 %	17 %	32 %	37 %
Печатная пресса	2 %	–	–	–
Врачи	14 %	11 %	14 %	8 %
Родственники, друзья, знакомые	31 %	33 %	29 %	40 %

Исследование показало, что более 10 % опрошенных женщин покупали лекарства из группы рекламируемых противовирусных препаратов. Наиболее активными в плане приобретения рекламируемых лекарств, согласно данным опроса, являются женщины в возрасте от 30 до 40 лет: 18 % из них совершали покупки после знакомства с соответствующей информацией рекламного либо рекомендательного характера (см. рис. 1).

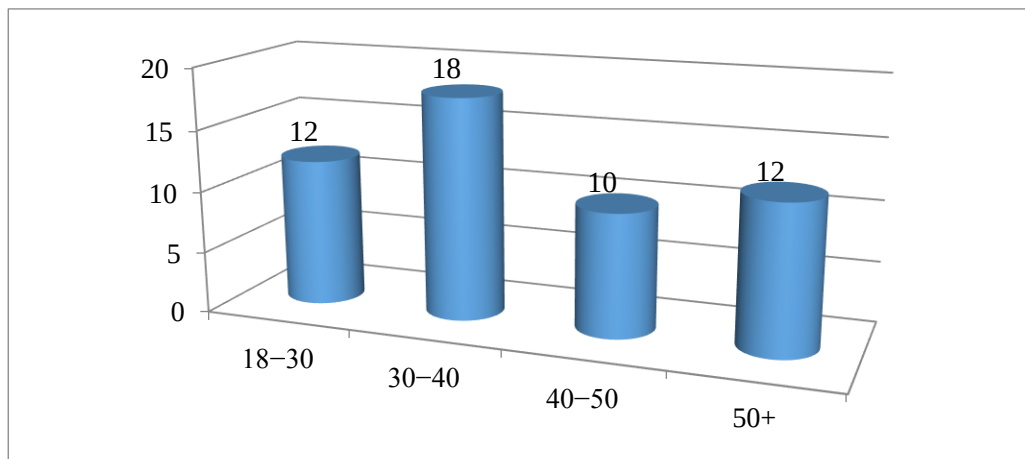

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Покупали ли сами лекарства (медпрепараты) из группы рекламируемых в период пандемии?» (%)

Отметим, покупательская активность, выявленная в ходе исследования, не является низкой: согласно данным компании DSM Group, финансовый рост в сегменте отечественного фармацевтического рынка в 2020 г. составил 10 %, и данное увеличение связывается, в первую очередь, с изменением эпидемиологической ситуации (Мингазов С. В России рекордно выросли продажи лекарств в аптеках // Форбс. 30.10.2020).

Покупка лекарств в обозначенный период исследования не связывалась с резким ростом заболеваемости, стимулирование продаж мотивировалось именно психологическим фактором. Уже в начале 2021 г. объемы продаж фармацевтических препаратов, как и их производство стали снижаться, несмотря на то, что распространение заболеваемости продолжилось. В подтверждение нашей мысли приведем выдержку из аналитического отчета исследовательской компании RNC Pharma: «Здесь совершенно очевидно прослеживается влияние пандемии, начиная с марта прошлого года, на фармрынке уже в полный рост стояла проблема ажиотажного спроса на отдельные [категории] лекарственных препаратов, в текущем же году весна в отношении заболеваемости прошла относительно спокойно» (Натуральный объем производства лекарств сократился на 9,2% за 5 месяцев 2021 года // Фармацевтический вестник. 07.07.2021. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Naturalnyi-obem-proizvodstva-lekarstv-sokratilsya-na-9-2-za-5-mesyacev-2021-goda.html>).

Женская аудитория в процессе приобретения лекарственных препаратов проявила себя активно, что соответствует общим характеристикам женского покупательского поведения – женщины чаще мужчин покупают товары впрок, а в том, что касается фармацевтического сегмента, то в нем данная аудиторная группа приобретает, как правило, продукцию не только для себя, но и для детей, а также семьи (в домашнюю аптечку) (см.: Алтайская Е. Самолечение и выбор лекарств: мнение посетителей аптек // Московские аптеки. 29.08.2016).

Несмотря на то, что большая часть опрошенной аудитории не приобретала рекламируемые лекарства, к подобной рекламе женщины относятся положительно. Так, более 60 % отметили, что она их не раздражает (рис. 2), а это очень важный аспект в оценке рекламного контента. Степень положительного воздействия рекламы на население снижается, что объясняется увеличением объемов рекламных информационных потоков, и снижением качества рекламного контента, вследствие чего она может вызывать негативные эмоции у аудитории (недоверие, раздражение). Например, согласно данным опроса ВЦИОМ 2017 г., 57 % населения страны не доверяют рекламе (при этом 38 % затруднились дать ответ), всего 14 % смотрят и слушают рекламные ролики, очень многие во время рекламных пауз отвлекаются на другие дела (41 %), переключают канал (30 %) (ВЦИОМ: 57% россиян не доверяют рекламе // Коммерсант. 20.10.2017). В нашем же случае часть опрошенных признала рекламу медицинских лекарств полезной: в группе «18–30» данный показатель составил 5 %, в группе «30–40» – 5 %, в группе «40–50» – 12 %, в группе «50+» – 9 %. Обратим внимание на то, что, чем старше аудитория, тем выше степень доверия к рекламируемым лекарствам, что можно объяснить тем, что после 40 лет население, как правило, больше внимания уделяет своему здоровью.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Ваше отношение к рекламе медицинских товаров, услуг в период пандемии?»

На вопрос «Доверяете ли вы рекламе, представляющей информацию об эффективных лекарствах в период пандемии?» положительный ответ дали: 27 % женщин в возрасте от 30 до 40 лет, 16 % – от 40 до 50 лет, 17 % женской аудитории в возрастной группе «50+». И всего 6 % девушек в группе «18–30» указали, что доверяют такой рекламе (рис. 3).

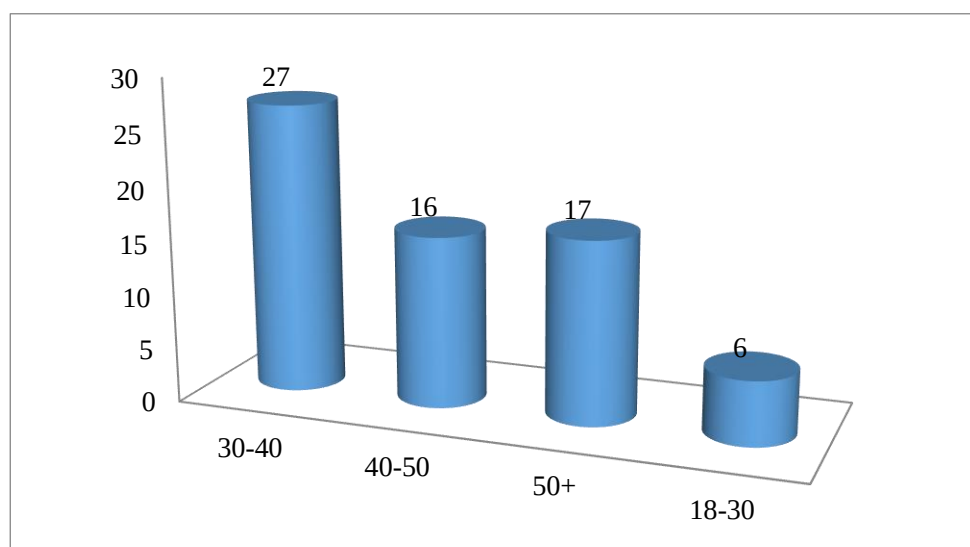

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли вы рекламе, представляющей информацию об эффективных лекарствах в период пандемии?» (%)

Причины недоверия к рекламе на практике, не связанной с резким ухудшением эпидемиологической ситуации, описаны выше. В период пандемии этические проблемы рекламы медицинских товаров и услуг усилились, что не могло не отразиться на доверии аудитории как к обозначенному сегменту рекламы, так и к фармацевтической отрасли. В 2020 г. Федеральной антимонопольной службой был выявлен ряд нарушений в рекламе лекарств, данные нарушения широко освещались в СМИ. Например, выяснилось, что реклама препарата «Арбидол» нарушает «Закон о рекламе»: в рекламном ролике утверждалось, что лекарство эффективно в борьбе с новой инфекцией, в инструкции же об этом свойстве не упоминалось (ФАС заинтересовалась рекламой «активного против коронавируса» «Арбидола» // РБК. 28.01.2020, ФАС начала расследование рекламы «Арбидола» // Коммерсантъ. 25.02.2020; Некрасова Е. «Арбидольная» мадам против конкурентов? // РГ. 16.06.2020 и др.). СМИ стали публиковать заявления врачей, юристов, подвергавших сомнению эффективность рекламируемых препаратов, например «Кагоцел», «Ингавирин» (Жили И. Золотая пустышка // Новая газета. 5.09.2020; Вирченко К. Производители «Арбидола» и «Ингавирина» начали рекламу с коронавирусом // Ведомости. 28.01.2020; Эрлих А. Кагоцел – показательный позор Российской медицины // Эхо Москвы. 25.02.2020 и др.).

ВЫВОДЫ

Реклама лекарств и медицинских препаратов составляет значительный объем рекламы, распространяемой различными видами медиа. В условиях изменения социальной действительности, в нашем случае – ухудшения эпидемиологической ситуации, внимание к данной рекламе усиливается, что приводит к следующим последствиям: привлечению и увлечению аудитории, стимулированию её покупательской способности; увеличению объемов продаж и возникновению дефицита лекарств. Усиление внимания к рассматриваемой рекламе и, как следствие, рост спроса на рекламируемые лекарства объясняются психологическим состоянием аудитории, стремлением обезопасить и защитить себя и своих родных.

Анализ отношения женской аудитории к рекламе лекарств и медицинских товаров в условиях пандемии позволил сделать следующие выводы:

1. Популярность медиаканалов, через которые женская аудитория получает рекламную информацию о лекарствах, определяется общими характеристиками медиапотребления данного аудиторного сегмента.

2. Рекламу лекарств и медицинских товаров следует признать эффективной: она вызывала доверие у женщин и мотивировала их на покупку рекламируемых лекарств.

3. Повышение доверия к данной рекламе видится в русле решения следующих задач: изменение формата рекламной информации и методов убеждения – так как именно женщины активно покупают медицинские товары, то следует обратить внимание на психологические методы воздействия: перейти от активного убеждения к рекомендациям, что можно делать не только в самих видео-, аудиороликах, рекламных макетах, но и отзывах, советах.

4. Усилить надзор за рекламной деятельностью фармацевтической отрасли. Незетичная, недобросовестная реклама снижает степень доверия к рекламе в целом.

Список литературы

1. Аниськина, Н. В. Особенности средств воздействия в рекламе косметики: гендерный аспект / Н. В. Аниськина, О. А. Зарубалова [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 109–114.
2. Беляков, С. А. Изменение потребительского поведения и тренды маркетинга, перемены после пандемии COVID-19 [Текст] / С. А. Беляков, В. Е. Эйрих, И. О. Степина // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 3 (25). – С. 363–373.
3. Волохова, Э. В. Особенности текстов рекламы фармацевтической продукции в печатной прессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.10 / Э. В. Волохова. – М.: РУДН, 2015. – 19 с.
4. Гумерова, А. А. Сравнение как прием концептуализации в гендерно-ориентированной рекламе (на материале британских, французских и российских глянцевого изданий для женщин) / А. А. Гумерова [Текст] // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 4. – С. 1152–1155.
5. Ежова, Е. Н. Добрые дела рожают доброе имя: коммуникационные технологии как ресурс управления репутацией и снятия напряженности в обществе в период пандемии [Текст] / Е. Н. Ежова // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: матер. Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: РГУПС, 2020. – С. 11–19.
6. Калиновская, В. Н. От площадного лекаря к врачебному шарлатанству [Текст] / В. Н. Калиновская, Н. В. Скрябина // Славянская историческая лексикология и лексикография. – 2020. – № 3. – С. 93–102.
7. Кириллова, Т. К. Особенности фармацевтического маркетинга [Текст] / Т. К. Кириллова, Ю. А. Якобсон // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 6. – С. 83–90.
8. Коханая, О. Е. Медиа социализация молодежи в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы [Текст] / О. Е. Коханая // III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. – М.: МосГУ, 2020. – С. 404–411.
9. Кривоносов, А. Д. Брендинг и пандемия: ревизия идей или форсайт? [Текст] / А. Д. Кривоносов, Т. Ю. Лебедева // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. – СПб: СПбГЭУ, 2021. – С. 9–12.
10. Кузьмина, О. Г. Управление образом бренда в интернет-пространстве: цели, задачи, стратегии и тактики [Текст] / О. Г. Кузьмина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 7 (389). – С. 89–96.
11. Лобовикова, Е. А. Реклама в пространстве современной культуры [Текст] / Е. А. Лобовикова // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: матер. Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: РГУПС, 2020. – С. 43–47.
12. Межжорина, Д. Н. Реклама лекарственных средств: этические и экономические аспекты [Текст] / Д. Н. Межжорина // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6. – № 6. – С. 1212.
13. Морозова, А. А. Особенности рекламы в социальных сетях в условиях пандемии COVID-19 [Текст] / А. А. Морозова // Коммуникации в эпоху цифровых изменений: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Париж – Санкт-Петербург: L'Harmattan, СПбГЭУ, 2020. – С. 311–315.
14. Подобед, Д. А. Российское медиа общество в условиях пандемии: новые формы работы [Текст] / Д. А. Подобед, Д. А. Ступко // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: матер. Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: РГУПС, 2020. – С. 229–235.
15. Посухова, О. Ю. Интегрированные маркетинговые коммуникации: теория и практика рекламы [Текст] / О. Ю. Посухова, О. Г. Кузьмина. – Ростов н/Д: Издательский Центр РИОР, 2018. – 187 с.
16. Шаповалова, Е. В. Маркетинговые и журналистские способы привлечения аудитории к сайтам СМИ [Текст] / Е. В. Шаповалова // Медиа среда. – 2020. – № 17. – С. 104–108.

17. Шишарина, С. Правовое регулирование рекламы безрецептурных лекарственных средств [Текст] / С. Шишарина, Л. Гарин // Вести научных достижений. – 2019. – № 4. – С. 40–41.
18. Шмелева, О. В. Специфика воздействия медицинской и косметической рекламы в современном китайском и русском медиадискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20 / О.В. Шмелева. – М.: МПГУ, 2017. – 27 с.

References

1. Aniskina, N. V., Zarubalova O. A. *Osobennosti Sredstv Vozdejstviya v Reklame Kosmetiki: Gendernyj Aspekt* [Features of Means of Influence in Cosmetics Advertising: Gender Aspect] // *Yaroslavskij Pedagogicheskij Vestnik*. 2014, Vol. 1, № 1, pp. 109–114.
2. Belyakov S. A., Ejrih V. E., Stepina I. O. *Izmenenie Potrebitelskogo Povedeniya i Trendy Marketinga, Peremeny Posle Pandemii COVID-19* [Changes in Consumer Behavior and Marketing Trends, Changes after the COVID-19 Pandemic] // *CITISE*. 2020, № 3 (25), pp. 363–373.
3. Volohova E. V. *Osobennosti Tekstov Reklamy Farmaceuticheskoy Produktii v Pechatnoj Presse: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. N.: 10.01.10* [Features of Pharmaceutical Product Advertising Texts in the Printed Press]. M.: RUDN, 2015. 19 p.
4. Gumerova, A. A. *Sravnienie Kak Priem Konceptualizacii v Genderno-orientirovannoj Reklame (na Materiale Britanskikh, Francuzskikh i Rossijskikh Glyancevyh Izdanij Dlya Zhenshchin)* [Comparison as a Method of Conceptualization in Gender-oriented Advertising (Based on the Material of British, French and Russian Glossy Publications for Women)] // *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2013, Vol. 18, № 4, pp. 1152–1155.
5. Ezhova E. N. *Dobrye Dela Rozhdayut Dobroe Imya: Kommunikacionnye Tekhnologii kak Resurs Upravleniya Reputaciej i Snyatiya Napryazhennosti v Obshchestve v Period Pandemii* [Good Deeds Give Birth to a Good Name: Communication Technologies as a Resource for Reputation Management and Relieving Tension in Society During a Pandemic] // *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations: Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-Don: RSTU, 2020, pp. 11–19.
6. Kalinovskaya V. N., Skryabina N. V. *Ot Ploshchadnogo Lekarya k Vrachebnomu Sarlatanstvu* [From an Area Doctor to Medical Quackery] // *Slavyanskaya Istoricheskaya Ieksikologiya i Ieksikografiya*. 2020, № 3, pp. 93–102.
7. Kirillova T. K., Yakobson Y. A. *Osobennosti Farmaceuticheskogo Marketinga* [Features of Pharmaceutical Marketing] // *Vestnik Altajskoj Akademii Ekonomiki i Prava*. 2018, № 6, pp. 83–90.
8. Kohanaya O. E. *Mediasocializaciya Molodezhi v Epohu Socialnyh i Tekhnologicheskikh Transformacij Mediasfery* [Media Socialization of Young People in the Era of Social and Technological Transformations of the Media Sphere] // *III Moses Readings: Culture and Humanitarian Problems of Modern Civilization: Reports and Materials of the All-Russian (national) Scientific Conference*. M.: Moscow University for the Humanities, 2020, pp. 404–411.
9. Krivonosov A. D., Lebedeva T. Y. *Branding i Pandemiya: Reviziya Idej ili Forsajt?* [Branding and the Pandemic: Revision of Ideas or Foresight?] // *Branding as a Communication Technology of the XXI Century: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021, pp. 9–12.
10. Kuzmina O. G. *Upravlenie Obrazom Brenda v Internet-Prostranstve: Celi, Zadachi, Strategii i Taktiki* [Brand Image Management in the Internet Space: Goals, Objectives, Strategies and Tactics] // *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2016, № 7 (389), pp. 89–96.
11. Lobovikova E. A. *Reklama v Prostranstve Sovremennoj Kultury* [Advertising in the Space of Modern Culture] // *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations: Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-don: RSTU, 2020, pp. 43–47.
12. Mezghorina D. N. *Reklama Lekarstvennyh Sredstv: Eticheskie i Ekonomicheskie aspekty* [Advertising of Medicines: Ethical and Economic Aspects] // *Byulleten Medicinskih Internet-konferencij*. 2016, Vol. 6, № 6, pp. 1212.

13. Morozova A. A. *Osobennosti Reklamy v Socialnyh Setyah v Usloviyah Pandemii COVID-19* [Features of Advertising in Social Networks in the Context of the COVID-19 Pandemic] // *Communications in the Era of Digital Change: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Paris – Saint Petersburg: L'Harmattan, St. Petersburg State University of Economics, 2020, pp. 311–315.
14. Podobed D. A., Stupko D. A. *Rossijskoe Mediasoobshchestvo v Usloviyah Pandemii: Novye Formy Raboty* [The Russian Media Community in the Context of a Pandemic: New Forms of Work] // *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations: Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-Don: RSTU, 2020, pp. 229–235.
15. Posuhova O. Y., Kuzmina O. G. *Integrirovannye Marketingovye Kommunikacii: Teoriya i Praktika reklamy* [Integrated Marketing Communications: Theory and Practice]. Rostov-on-Don: RIOR, 2018. 187 p.
16. Shapovalova E. V. *Marketingovye i Zhurnalisticheskie Sposoby Privlecheniya Auditorii k Sajtam SMI* [Marketing and Journalistic Ways to Attract an Audience to Media Sites] // *Mediasreda*. 2020, № 17, pp. 104–108.
17. Shisharina S., Garin L. *Pravovoe Regulirovanie Reklamy Bezrecepturnyh Lekarstvennyh Sredstv* [Legal Regulation of Advertising of over the Counter Medicines] // *Vesti Nauchnyh Dostizhenij*. – 2019, № 4, pp. 40–41.
18. Shmeleva O. V. *Specifika Vozdejstviya Medicinskoj i Kosmeticheskoy Reklamy v Sovremennom Kitajskom i Russkom Mediadiskurse: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. N.: 10.02.20* [The Specifics of the Impact of Medical and Cosmetic Advertising in the Modern Chinese and Russian Media Discourse]. M.: Moscow Pedagogical State University, 2017. 27 p.

THE ATTITUDE OF THE FEMALE AUDIENCE OF ROSTOV-ON-DON TO THE ADVERTISING OF MEDICINES AND MEDICAL PRODUCTS IN THE CONDITIONS OF A PANDEMIC

Smeyukha V. V., Gordienko I. Y.

The authors consider the peculiarities of the influence of advertising of medicines and medical products on the audience in the conditions of changing sanitary and epidemiological situation: attention is drawn to the increase in the volume of this advertising and the consequences of its functioning (sales growth, the emergence of a shortage of medicines) in 2020. On the example of studying the attitude of the female audience of Rostov-on-Don, the following aspects of the interaction of advertising communication and the audience segment are identified for advertising of the specified product category: the choice of an advertising information distribution channel, the result of the impact of an advertising message (building trust, stimulating the desire to purchase goods, etc.). The authors used the following research methods: sociological (observation, survey), description, comparison. During the survey, 274 respondents were interviewed, the analysis of the data obtained allowed us to draw conclusions about the behavior of the female audience in the process of interacting with advertising communication that distributes commercial information about pharmaceuticals; in addition, recommendations were developed aimed at improving the effectiveness of the advertising segment under consideration, concerning changes in the format of advertising information and methods of persuasion used in the advertising message; as well as the ethical component of advertising.

Keywords: advertising of medicines and medical products, female audience, impact, pandemic, sociological research, effectiveness

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ЖИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Шахбазян М. А., Безрукавая М. В.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: kafhic@mail.ru*

Статья посвящена проблеме современных жанровых трансформаций в церковной публицистике. В результате анализа охарактеризованы самые значительные изменения в современной агиографии, обозначены два вектора этих изменений, выявлена их связь с представлением в медиапространстве. Первое направление предполагает уменьшение внутрижанрового многообразия, обезличенность и тяготение к информативности и краткости, что связано как с объективным возвращением к одному из традиционных типов проложных житий, так и с выбором печатных СМИ и епархиальных интернет-ресурсов в качестве основной площадки для публикаций житий новомучеников. Для второго направления характерны отход от канона вплоть до разрушения жанровой структуры, несмотря на обращение к традиционным житийным сюжетам, жанровая индивидуализация, ослабление догматической точности, нарастание авторского начала и публицистичности текста, при этом площадкой становятся печатные сборники, публикации на епархиальных интернет-ресурсах, YouTube-каналы и соцсети. Во втором случае также отмечается сокращение объема житийного текста. Исследование подтверждает, что жанровые трансформации агиографических сочинений вписываются в общую картину жанровой динамики в современных средствах массовой информации.

Ключевые слова: агиография, публицистика, жанровая трансформация, индивидуализация, персонализация, секуляризация.

ВВЕДЕНИЕ

Агиография прочно занимает место в церковной науке. Являясь одной из древнейших форм христианской литературы, житие одновременно имеет богословский характер, так как имеет целью привести читателя/слушателя ко спасению, и изучается в агиологии. В светской науке как правило агиографию изучают в культурологическом или литературоведческом ключе, в том числе описывая жанровые трансформации в свете социокультурных изменений. Однако христианская литература с самого зарождения носила и выраженный публицистический характер. Это касается не только раннехристианских полемических сочинений апологетов, таких как Татиан, Ириней Лионский или Тертуллиан, но и жанра проповеди, который на протяжении всего времени отличался обращением к социально-политическим и морально-этическим темам, осмысленным в сотериологическом контексте. В этом же плане можно рассматривать и жития святых, которые давали образец для подражания как во время исторических потрясений, так и в повседневной мирной жизни, не теряя из виду эсхатологическую перспективу.

На современном этапе, когда Русская православная церковь довольно успешно освоила медиапространство, встала проблема не только архаичности церковного языка, развитие которого «встало на паузу» в XX веке, но и трансформации

некоторых жанров, которые перестали восприниматься современной аудиторией. К таким жанрам относится и жанр жития.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется наличием очевидных жанровых изменений в агиографических текстах, зачастую не имеющих прецедентов в каноне.

Целью предлагаемого исследования является анализ современных трансформаций канонических житий в контексте изменений в церковном сознании, социокультурных процессов и технологических изменений в СМИ.

Материалом исследования стали житийные тексты протоиерея Андрея Ткачёва.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В конце XX века в агиографии возникли изменения, которые были продиктованы процессом канонизации новомучеников. С 2000 года их канонизировано уже более полутора тысяч, изыскания продолжаются. Разумеется, это вызвало интерес и у научного сообщества, хотя и не очень интенсивный. Можно назвать таких исследователей, как игумен Дамаскин (Орловский), священник Леонид Полетаев, Л. Г. Дорофеев, М. М. Лоевская, Е. К. Макаренко, А. П. Толочко, однако они рассматривали проблему в контексте апелляции к традиции и канону. Разумеется, житийный канон подвергался изменениям на протяжении всей истории существования, но сохранял при этом основные жанровые характеристики. Поэтому совершенно справедливо наблюдение Е. К. Макаренко: «...Членами Московской епархиальной комиссии был выбран наиболее адекватный нашему времени ранний, краткий, проложный тип житийного жанра. Проложный тип характеризуется тем, что агиограф, следуя традициям древних мученических актов, излагает только истинные события жизни святого. Проложный тип жития должен быть написан лаконичным и простым языком, поскольку описывает только фактическую сторону» [3, с. 99]. Исследовательница видит сходство между гонениями на ранних христиан и гонениями на Церковь в XX веке, которое порождает и следование жанровому канону. Но она добавляет ещё две важные характеристики – «информационный текст» и «авторскую обезличенность». Эти характеристики, на наш взгляд, являются важными признаками не только проложного типа жития, но и способа представления жития в современном коммуникативном пространстве.

Е. К. Макаренко указывает на так называемые «интернет-жития» [3, с. 100], отмечая их краткость по сравнению с книжными версиями. Но здесь стоит отметить, что сокращённые версии житий появляются в конце XIX – начале XX века именно в сборниках, нацеленных на широкую аудиторию, например А. Н. Бахметевой [1]. Тогда же появляются и тематические житийные сборники, и сборники для детей, где тексты также укорочены и упрощены для восприятия. Одновременно сокращённые жития можно увидеть на страницах периодики. После октябрьской революции на протяжении почти всего XX века житийные сборники не издавались, так как церковное книгоиздание было практически запрещено, и жития редких канонизированных в советский период святых публиковались в «Журнале Московской патриархии». После начала процесса канонизации новомучеников количество житий стало столь велико, что иного оперативного канала, нежели

церковные СМИ, нет. Аудитория этих СМИ, как правило, воцерковлена неглубоко, а потому нуждается в ещё большем упрощении изложения, чем в начале XX века. Полагаем, что сочетание процесса секуляризации и выбор СМИ в качестве канала коммуникации для знакомства с житиями святых приводит к сокращению объёма житийных текстов к концу XX века. Стоит принять во внимание и особенности интернета, которые позволяют при помощи мультимедийного инструментария, например, видеоряда, усиливать воздействие даже короткого информативного текста.

В XXI веке появился ещё один вид трансформации житийных текстов, связанный с особенностями медиапредставления. Жанровая динамика в СМИ такова, что помимо информативности и обезличенности мы видим и противоположную тенденцию – индивидуализацию жанров [4] и персонификацию [2]. Примером такого подхода являются житийные тексты, созданные, а точнее, переработанные протоиереем Андреем Ткачёвым, который на сегодняшний день является одной из наиболее популярных церковных медиаперсон.

Протоиерей Андрей Ткачёв разрушает жанровую структуру жития, не только отказываясь от традиционной композиции, но и не следуя сюжету. Точнее, он берёт только какой-нибудь единичный факт из жизни святого, сосредоточивая на нём своё внимание, и не всегда это факт, лёгший в основу канонизации. Например, в главе «Апостолы Пётр и Павел» такое начало: «Трудно найти в мире людей столь не похожих друг на друга, как Петр и Павел. Начнем с семьи. Павел – девственник. Он хотел, чтоб люди подражали ему и, будучи свободными, всецело служили Богу. А Петр женат. Христос приходит к нему в дом и исцеляет его тещу. И потом в апостольских трудах супруга была его спутницей и помощницей. Семейный человек и старый холостяк – это люди с разных планет» [5]. Композиционно автор должен начинать с вступления, в котором объяснить, почему он обращается именно к этому святому, но этого нет, как нет у него зачастую и похвалы святому в финале. Здесь мы также видим ещё одно существенное нарушение: описываются сразу двое святых, каждый из которых имеет собственное житие. А в главе «Прописаны в Небесном Иерусалиме» их названо больше десятка, правда, особое внимание уделяется только четверым [5].

Протоиерей Андрей Ткачёв подчёркнуто субъективен в своём выборе святых, у него даже название главы о Николае Чудотворце – «Любимый святой». А заканчивает он на высокой эмоциональной ноте: «Много святых на земле было, много еще будет. Но мы так к Чудотворцу привязаны, будто живем не в нашей полуночной стране, а в Малой Азии, и не в эпоху Интернета, а в IV веке, в эпоху Первого Вселенского Собора. И это даже до слез замечательно» [5].

Особенностью житий протоиерея Андрея Ткачёва является также интимизация повествования, когда он рассказывает о святых так, словно они его соседи или даже родственники.

Приведём пример, когда автор-священник в своём субъективизме незаметно нарушает границы дозволенного, предвзяв главу «Победоносный воин Георгий» [5] эпиграфом из стихотворения Марины Цветаевой. Дело в том, что Цветаева покончила с собой, что закрывает ей в посмертной участи возможность общения со святыми, не

говоря уж о богообщении. Так что упоминание поэтессы в тексте о святом некорректно в рамках церковной традиции.

Протоиерей Андрей Ткачёв издаёт свои житийные произведения в сборниках, где смешаны различные публицистические жанры; также они представлены на большинстве православных ресурсов в виде отдельных публикаций, на YouTube в авторском исполнении и в соцсетях.

ВЫВОДЫ

Таким образом, наблюдаемые трансформации жанра жития и уменьшение внутрижанрового многообразия связаны с общими процессами жанровых трансформаций в современных СМИ. Одной из существенных причин является то, что церковные медиа стали основной площадкой для публикации как житий новомучеников (газеты, журналы, интернет-порталы), так и переработанных известных житийных сюжетов (интернет-порталы, YouTube, соцсети). Основными видами трансформации стали информативность и обезличенность с одной стороны (жития новомучеников) и индивидуализация и персонификация – с другой (переработанные традиционные житийные сюжеты). Упрощение и сокращение текстов житий является не только проявлением секуляризации, но также вписывается в общую тенденцию уменьшения объёма текстов в СМИ.

Список литературы

1. Бахметева А. Н. Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четых-Миней. – М., 1858–1860. – 12 вып.
2. Кройчик Л. Е. Стратегические ресурсы публицистических текстов // Эволюция жанров в российской журналистике: сборник научных статей II и III Всероссийских конференций – Самара, 2010. – С. 317–327.
3. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. – 2011. – №1. – С. 95–102.
4. Самусевич О. М. Индивидуализация текстовой деятельности журналиста // СМИ в современном мире: Петербургские чтения: тезисы межвузовской науч.-практич. конф. – СПб., 2009. – С. 166-167.
5. Ткачев Андрей, протоиерей. Мы вечны! Даже если этого не хотим. Книга 2 // Золотой корабль. Православная библиотека. [Электронный ресурс] Режим доступа – URL: <http://www.golden-ship.ru/load/zhitija/1857/3-1-0-2225>.

References

1. Bahmeteva A. N. *Izbrannye zhitija svjatyh, kratko izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej* [Selected hagiographies of the saints, summarized according to the guide of Chetyi-Minei]. M., 1858–1860, vol. 12.
2. Kroychik L. E. *Strategicheskiye resursy publicisticheskikh tekstov* [Strategic resources journalistic texts], in: *Evoljuziyazhanrov v rossijskojzhurnalistike* [The evolution of genres in Russian journalism] : Sb. nauchnyh statey II i III Vserossijskih konferenciy, Samara, 2010, pp. 317–327.
3. Makarenko E. K. *Agiografija XX veka. Problema zhanra i metodov ego issledovaniya* [Hagiography of the 20th century. The problem of genres and methods of its research]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 95–102.
4. Samusevith O. M. *Individualizaciya tekstovoy deyatel'nosti zhurnalista* [Individualization of textual activity], in: *SMI v sovremennom mire: Peterbugskie chteniya* [Media in the modern

world: the St. Petersburg reading] : tezisy mezhvuz. nauch.-practich. konf., Peterburg, 2009, pp. 166–167.

5. Tkachev Andrej, archpriest. *Мы вечны! Dazhe esli jetogo ne hotim. Kniga 2.* [We are eternal! Even if we don't want to. Vol. 2]. *Zolotoj korabl'. Pravoslavnaia biblioteka.* [Internet resurs]. URL: <http://www.golden-ship.ru/load/zhitija/1857/3-1-0-2225>.

TRANSFORMATION OF THE GENRE OF HAGIOGRAPHY IN MODERN CHURCH MEDIA COMMUNICATIONS

Shakhbazian M. A., Bezrukavaya M. V.

The article is devoted to the problem of modern genre transformations in church journalism. As a result of the analysis, the most significant changes in modern hagiography were characterized, two vectors of these changes were identified, and their relationship with representation in the media space was revealed. The first direction involves a decrease in intra-genre diversity, impersonality and a tendency to be informative and brevity, which is associated both with an objective return to one of the traditional types of the synaxarion lives, and with the choice of print media and diocesan Internet resources as the main platform for publishing the Lives of the New Martyrs. The second direction is diverged from the canon up to the destruction of the genre structure, despite the appeal to traditional hagiographic stories, genre individualization, the weakening of dogmatic accuracy, the growth of the author's personality and the publicism of the text, at the same time the platform is become printed collections, publications on diocesan Internet resources, YouTube channels and social media. Also there is a reduction in the volume of the hagiographic text. The study confirms that the genre transformations of hagiographic works fit into the overall picture of genre dynamics in modern media.

Keywords: hagiography, journalism, genre transformation, individualization, personalization, secularization.

4. IN MEMORIAM

АЙДЕР МЕМЕТОВИЧ МЕМЕТОВ

Меметов И. А., Сухоруков А. Н., Меджитова Э. Н., Меметова Э. Ш.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: isken25@mail.ru; sankafd2004@gmail.com;
medzhitova-ydi2008@yandex.com; edie70@mail.ru.*

27 января 2022 г. на 78-м году жизни скоропостижно скончался Айдер Меметович Меметов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой восточной филологии Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, член Российского комитета тюркологов, заслуженный работник народного образования Украины, заслуженный работник науки и техники Республики Крым, член экспертного совета ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации по филологии и искусствоведению, основатель и руководитель научной школы крымтатарологии и востоковедения.

Айдер Меметович Меметов родился 22 марта 1944 года в селении Янджо (Путиловка) Куйбышевского района Крымской АССР. Через два месяца семья Айдера Меметова была вынуждена покинуть Крым. Следующие 13 лет они проживали в Костромской области, в 1957 году переехали в Узбекистан, где Айдер Меметов окончил среднюю школу и выполнил норматив мастера спорта СССР по греко-римской борьбе.

В 1964 году А. М. Меметов поступил на афгано-персидское отделение восточного факультета Ташкентского государственного университета. Во время обучения ему удаётся совмещать занятия спортом и изучение восточных языков. В 1967 году Айдер становится чемпионом Универсиады СССР, в 1968 году –

призером Всесоюзного общества «Локомотив». С течением времени учёба и наука заняли в его жизни первое место. Уже на старших курсах А. М. Меметов начинает собирать фактический материал по персидским заимствованиям в крымскотатарском языке, параллельно устраивается на работу в газету «Ленин Байраги».

В 1969 году А. М. Меметов с отличием окончил Ташкентский государственный университет по специальности «Иранист-филолог-востоковед, преподаватель персидского языка и литературы со знанием английского». По распределению некоторое время работал в г. Термез на таможне в качестве переводчика, но затем обратился к руководству университета с просьбой предоставить возможность заниматься наукой в Ташкенте. В 1970 году А. М. Меметов был переведён в Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами на филологический факультет. По многочисленным просьбам там было открыто отделение татарского языка и литературы. Айдер Меметов был принят сначала на должность преподавателя персидского языка и литературы, затем ему поручили разработать учебный план и рабочие программы по основным читаемым дисциплинам на татарском отделении. Так он стал первым штатным преподавателем на отделении татарского языка и литературы. Для составления конспектов по фонетике, лексикологии, фразеологии, морфологии и диалектологии крымскотатарского языка Айдер Меметов направился в Москву и там, в библиотеке им. Ленина, подготовил лекции, которые потом лягут в основу первого учебника по крымскотатарскому языку для вузов.

Об авторитете и компетенции Айдера Меметова говорит тот факт, что в 1971 году, когда в Советский Союз из Ирана была направлена крупная группа специалистов для прохождения практики и ознакомления с работой советских металлургических заводов, именно А. М. Меметов возглавил коллектив переводчиков из 13 человек. На протяжении 6 месяцев они обеспечивали языковое сопровождение 49 иранцев в овладении навыками работы и технологией выплавки металла. В 1972 году в Ташкент для прохождения практики и ознакомления с системой образования в СССР из Афганистана прибыла делегация сотрудников и выпускников Кабульской академии педагогических наук, и опять же старшим переводчиком был назначен именно Айдер Меметов.

В 1972 году А. М. Меметов завершил работу над диссертацией на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Персидские заимствования в крымскотатарском языке», но потребовалось ещё 3 года на согласование и получение разрешения ВАК СССР для проведения разовой защиты по крымскотатарскому языку. Защита диссертации состоялась в 1975 году, и Айдер Меметов стал первым кандидатом филологических наук в области крымскотатарского языкознания.

В 1982 году А. М. Меметов закончил работу над диссертационным исследованием на соискание ученой степени доктора филологических наук по тематике иноязычных заимствований в крымскотатарском языке. Исследование прошло обсуждение в секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР и было рекомендовано к защите. Тем не менее потребовалось

ещё несколько лет настойчивых усилий и борьбы, чтобы преодолеть препятствия политического характера.

В 1989 году в Институте языкознания АН Казахстана А. М. Меметов защитил докторскую диссертацию на тему «Источники формирования лексики крымскотатарского языка». В этом фундаментальном исследовании был произведён всесторонний анализ лексики крымскотатарского языка в сравнительном и сопоставительном аспектах, показаны пути и способы проникновения заимствованных слов в крымскотатарский язык, семантические, фонетические и морфологические особенности адаптации инноваций на новой языковой почве, а также определено количество заимствований путем статистического анализа.

В 1990 году А. М. Меметов, уже получив учёное звание профессора, привлекается к подготовке закона о государственном языке Узбекистана. Его вклад в разработку этого закона был отмечен Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекистана.

В эти же годы А. М. Меметов при поддержке А. А. Балича (проректора заочного отделения ТГПИ им. Низами) взял на себя ответственность за перевод части крымскотатарских студентов и преподавателей Ташкентского государственного педагогического института на обучение в главный крымский вуз. В течение 1991 и 1992 гг. все студенты крымскотатарского отделения вместе с преподавателями переехали из Ташкента в Крым. Вскоре в Симферопольском университете при филологическом факультете было открыто крымскотатарское отделение. Айдер Меметов возглавил кафедру крымскотатарского языкознания в Симферопольском госуниверситете (1994). Он значительно расширил тематику проводимых здесь научных исследований: в том же 1994 году на базе филологического факультета открылось отделение турецкого языка и литературы, в 1996 году – отделение арабского языка и литературы, в 2001 году – отделение персидского языка и литературы. Через год по инициативе А. М. Меметова был создан отдельный факультет крымскотатарской и восточной филологии, который он сам же и возглавил.

Одновременно с работой в Симферопольском государственном университете А. М. Меметов возглавил востоковедное направление в Таврическом экологическом институте, где под его руководством с 1994 по 2007 год готовили референтов-переводчиков с персидского, арабского и турецкого языков.

За 51 год своей педагогической деятельности А. М. Меметовым подготовлено свыше трёх тысяч специалистов по крымскотатарскому, турецкому, арабскому, персидскому и узбекскому языкам. Ныне эти выпускники работают в сфере народного образования, в средствах массовой информации и в других отраслях.

Под научным руководством А. М. Меметова было успешно защищено 15 кандидатских и одна докторская диссертация по крымскотатарскому, турецкому, арабскому и персидскому языкам.

Наряду с подготовкой педагогических кадров для школ и вузов Крыма А. М. Меметов создает ряд учебников по крымскотатарскому языку для обучающихся с 5-го по 11-ый классы включительно. Айдером Меметовичем Меметовым изданы также три орфографических словаря (1993, 1994, 2014 гг.), один

фразеологический словарь в соавторстве (2009 г.) для учеников средней школы, учебники «Современный крымскотатарский язык» (2006), Морфология крымскотатарского языка» (2003), «Фонетика крымскотатарского языка» (2013), «Старокрымскотатарская письменность на основе арабской графики» (2013) для студентов и преподавателей вузов, учителей школ и аспирантов, опубликовано около 200 научных статей.

Профессор А. М. Меметов подготовил и издал вместе со своими учениками оригинальные учебники нового поколения, отвечающие всем требованиям современной дидактики. Комплекс созданных А. Меметовым учебников и учебных пособий охватывает все стороны науки о языке – фонетику, орфографию, лексикологию, фразеологию, морфологию и синтаксис. Книги профессора А. М. Меметова составляют полный цикл обучения крымскотатарскому языку – от пятого до одиннадцатого класса, а также высшей школы (пять учебников для вузов). Все учебники и учебные пособия прошли полную апробацию в реальных школьных и вузовских условиях, доказали эффективность в научном, дидактическом и воспитательном отношениях, издавались и многократно переиздавались под грифом Министерства образования.

Превосходный знаток восточных языков (персидского, турецкого, крымскотатарского и арабского), А. М. Меметов подготовил и опубликовал ряд ценных монографических исследований по крымскотатарскому языку, среди которых можно выделить следующие: «Источники формирования лексики крымскотатарского языка», «Лексикология крымскотатарского языка», «Крымскотатарский язык. Морфология», «Крымскотатарский язык. Фонетика».

В последние годы внимание учёного привлекали вопросы истории крымских татар, и владение восточными языками позволило ему по-новому взглянуть на некоторые аспекты, которые, казалось бы, уже были приняты научным сообществом и не подлежат сомнению. Резонанс среди крымской общественности вызвало появление таких трудов, как «Происхождение крымских татар. Древние народы Крыма» (2016); «Этническая история крымских татар: лингво-социокультурный анализ» (2017), которые были посвящены комплексному историческому анализу образа жизни, верований, традиций, обычаев и языков древних этносов и народностей Крыма: тавров, киммерийцев, скифов, сармат, саков и гуннов.

Айдер Меметович Меметов отдавал много сил и энергии научно-организационной и редакторской работе. В течение ряда лет он был членом ВАКа Украины, потом – Российской Федерации, долгое время являлся действительным членом Академии наук Республики Крым, членом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по филологии и искусствоведению, членом Российского фонда фундаментальных исследований, членом комиссии Государственного Совета республики Крым по назначению научных стипендий аспирантам и молодым ученым, членом Российского комитета тюркологов, членом редколлегии многих научных изданий.

Профессор А. М. Меметов участвовал в работе ряда крупных международных конференций (Ленинград, 1975; Фрунзе, 1988; Алма-Ата, 1990; Махачкала, 1991; Ташкент, 1993; Тегеран, 1995), Выступал с докладом в Римском университете по

проблеме создания искусственного интеллекта и компьютерного перевода (2004), на Международной конференции по распространению персидского языка и литературы (Тегеран, 2012 г.) с докладом «Иранские элементы в крымскотатарском языке», на Международной конференции в университете Османгази (г. Эскишехир, Турция, 2013 и 2014), на Международной конференции «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа» (Москва, 2014 г.), на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы отечественной и зарубежной иранистики» (Казань, 2015), Международном симпозиуме по языку, литературе и культуре в турецком мире в XXI веке (Турция, 2021), а также неоднократно выступал с докладами на Годичных собраниях Российского комитета тюркологов (г. Москва).

Итогом многолетних усилий Айдера Меметовича Меметова стало формирование собственной научной школы. Официально зарегистрирована она была в 2015 году и получила название «Научная школа крымтатарологии и востоковедения». Характер этой школы определяется основными научными и человеческими качествами её основателя, который как учитель всегда старался воспитать в своих учениках безграничную преданность науке и исследовательскую целеустремленность в избранной сфере научных интересов.

В знак признания многолетних заслуг Айдера Меметовича Меметова в различных отраслях науки и образования он был удостоен следующих наград и званий: Почётной грамоты Президиума Верховного Совета Узбекистана (1990), Почётного звания Заслуженный работник народного образования Украины (1995), премии Автономной Республики Крым (2003), премии Совета Министров Автономной Республики Крым (2004), премии им. В. И. Вернадского (2006), грамоты Национальной Академии педагогических наук Украины (2008), ордена «За заслуги III степени» (2009), почётного звания «Заслуженный деятель науки и техники Республики Крым» (2018), Золотой медали имени В. И. Вернадского (2019). Кроме того, был признан победителем конкурса «Золотые имена высшей школы» (Москва, 2018).

Айдер Меметович Меметов прожил яркую жизнь и внёс неоценимый личный вклад в развитие изучения крымскотатарского языка. Он был мудрым и принципиальным руководителем, человеком широкой души, обладал открытым сердцем и всегда был готов оказать поддержку и дать верный совет.

Светлая память об Айdere Меметовиче Меметове, человеке, посвятившем всю свою жизнь науке, навсегда останется с нами.

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА СПИРИДОНОВА

От Редколлегии

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Симферополь, Российская Федерация

E-mail: milage2704@gmail.com

11 января 2022 года ушла из жизни Лидия Алексеевна Спиридонова, выдающийся литературовед, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, многолетний руководитель Отдела изучения и издания творчества А. М. Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Крымские ученые-филологи с горечью узнали об этой утрате. Лидия Алексеевна много раз выступала с докладами на научных конференциях нашего университета, была постоянным участником Шмелевских чтений в музее И. С. Шмелева в Алуште.

Л. А. Спиридонова – автор целого ряда научных трудов по истории русской литературы XX века, творчеству А. М. Горького, И. С. Шмелева, в том числе таких широко востребованных исследователями монографий, как «Русская сатирическая литература начала XX века» (М.: Наука, 1977), «А. М. Горький: диалог с историей» (М.: Наука, 1994), «Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья» (М.: Наследие, 1999), «А. М. Горький: новый взгляд» (М.: ИМЛИ РАН, 2004), «А. М. Горький в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей». – 3-е изд. (М.: Русское слово, 2012. Серия «В помощь школе»), «Настоящий Горький: мифы и реальность» (М.: ИМЛИ РАН, 2013), «Художественный мир И. С. Шмелёва» (М.: ИМЛИ РАН, 2014).

Последнюю свою монографию «Горький – мыслитель, художник, человек», работу над которой она завершила незадолго до кончины, Лидия Алексеевна не успела увидеть опубликованной. Книга готовится к печати. Но у нас есть возможность получить представление о ее содержании по рецензии на рукопись монографии доктора филологических наук, профессора А. В. Наumenко-Порохиной.

Алла Владимировна Наumenко-Порохина – выпускница Симферопольского университета, в 1985–1999 гг. – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Симферопольского государственного университета, ныне профессор Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации – делится также воспоминаниями о Л. А. Спиридоновой.

Светлая память Лидии Алексеевны Спиридоновой!

«...ОТ НЕЁ СВЕТЛО»: ПАМЯТИ Л. А. СПИРИДОНОВОЙ

Науменко-Порохина А. В.

*Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ,
Москва, Российская Федерация*

Мы глубоко скорбим о недавно ушедшей от нас, но по-прежнему дорогой для всех Лидии Алексеевне Спиридоновой.

Моя первая встреча с Лидией Алексеевной состоялась 11 мая 1987 г. в Коктебеле, во время конференции, посвящённой творчеству М. А. Волошина. Очень хорошо помню этот день: весна в Крыму была дружной и тёплой, дни стояли солнечные, море блистало всеми оттенками синего и голубого, горы и холмы ещё не начали рыжеть от солнечного зноя, а Коктебель ещё не заполнился отдыхающими.

В перерыве между пленарными заседаниями все участники дружно прогуливались по Набережной, от клуба посёлка – к дому М. Волошина, наслаждаясь крымским теплом, солнцем и морем. Тогда я и подошла к Лидии Алексеевне с просьбой от оргкомитета конференции сдать текст доклада для публикации в сборнике материалов (после защиты кандидатской диссертации в 1985 г., я работала на кафедре русской и зарубежной литературы Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе).

Разговор был кратким, доброжелательным и открытым, что всегда располагает собеседников к общению. Думаю, что именно с той поры и установились между нами вначале едва уловимые, а затем и более прочные контакты, приведшие к длительному сотрудничеству.

Лидия Алексеевна была всегда чутка и внимательна к людям, умела видеть и чувствовать человека, – за это ей низкий поклон. При всей своей занятости, погружённости в науку она всегда находила время и для душевной беседы, а это такая бесценная роскошь!

Лидия Алексеевна была харизматичной личностью, она всегда притягивала к себе людей, её верность долгу и призванию вызывала восхищение и глубочайшее уважение.

Мне довелось рецензировать последнюю книгу Лидии Алексеевны «Горький – мыслитель, художник, человек». Наверное, она понимала ее итоговость. Скорбно сознавать, что она не успела увидеть ее опубликованной. Но я очень хотела бы привлечь внимание коллег и учеников Лидии Алексеевны к этой монографии, а потому решаюсь поместить здесь свою рецензию, которая представит перед читателем плоды многолетних трудов Лидии Алексеевны – хоть и не так полно и красноречиво, как то могла бы сделать сам автор.

«Горький – мыслитель, художник, человек» – это фундаментальное научное исследование, базирующееся на богатейшем архивном материале, вводимом в научный оборот в основном впервые. Осмысление представленных документов обуславливает неоспоримую актуальность исследования Л. А. Спиридоновой, его важное и непреходящее значение в деле изучения оригинального художественного творчества А. М. Горького,

его мировоззренческой позиции и позволяет постичь эту поистине великую личность.

Факты творческой и личной биографии писателя, свидетельствующие о сложном, часто противоречивом, но вполне закономерном для личности А. М. Горького, пути поисков и постижения смысла человеческого бытия на рубеже XIX–XX вв. изложены в историко-хронологическом порядке и научно обоснованы. С опорой на архивные документы, исторические факты, письма А. М. Горького анализируются художественные и публицистические произведения писателя, даются необходимые разъяснения тому или иному явлению в его творчестве, что способствует постижению читателем истинных причин творческих и мировоззренческих взлётов или неудач классика. Такой взвешенный, строго научный подход к изучаемому материалу всегда востребован, поскольку обеспечивает правильное и основательное понимание настоящей, а не мифологизированной истории не только личности А. М. Горького, но нашего Отечества.

В этом научном труде всё вызывает глубокий интерес: и анализ формирования и становления личности А. М. Горького (гл.: «Классики не умирают», «Горький и философия пессимизма», «Поиски веры»), и раскрытие его мучительных поисков нового человека и новой веры (гл.: «Религия человека и человечества», «Горький и философия прагматизма», «Синтез национального и интернационального»), и характеристика его титанического труда не только по преобразованию своей личности, но всего русского народа, истинным патриотом и защитником которого он был, да и остаётся благодаря произведениям, оказывающим очистительное, облагораживающее воздействие на новые поколения читателей (гл.: «Горький на Капри», «Религия человека и человечества», «Триумф или трагедия?»).

Характеризуя эволюцию творческого метода А. М. Горького, Л. А. Спиридонова убедительно и документально обоснованно пишет о независимости позиции писателя в этом вопросе и показывает логичные изменения от первоначального сочетания реализма с романтизмом, через социальный романтизм – к изображению действительности в её революционном развитии, то есть, к синтезу реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, ставшего характерной особенностью его художественной системы. Это новое слово в горьковедении. Это особенно важно для специалистов-филологов, студентов филологических факультетов, учителей-словесников, ибо многие ещё до сих пор не освободились от литературоведческих штампов, представляющих Горького основателем социалистического реализма. Этот идеологический догмат раскрыт и опровергнут в данном исследовании, что, по сути, сделано впервые.

Главы, посвящённые собственно личности А. М. Горького («Странный я человек, Катя» и «Я не люблю свою личную жизнь»), помогают читателю открыть «другого» Горького, который мало кого допускал в свой внутренний мир. Эта часть данного научного труда Л. А. Спиридоновой – явление историческое, новое и долгожданное не только специалистами, но и обычным читателем! Используя материалы недавно открывшихся архивных фондов А. М. Горького, большое количество писем писателя личного и общественного характера, автор исследования представляет необычного и вместе с тем глубоко человеческого Человека, имевшего, не смотря ни на что, свою «высшую правду», за которую он боролся всю жизнь.

Итоги исследования, изложенные в последней главе «Мировое значение Горького», основательны и закономерны. В предельно точных, ёмких и однозначных положениях сконцентрирован большой научный материал и исследовательский опыт, дана оценка современному состоянию горьковедения, констатируется большой вклад А. М. Горького, получившего мировое признание, в развитие отечественной и мировой литературы и культуры. Научный труд Л. А. Спиридоновой «Горький – мыслитель, художник, человек» представляет собой законченное, в высшей степени актуальное и оригинальное исследование, является большим вкладом в современную филологическую науку, практически применимо, а также необходимо и полезно не только для учёных-филологов, но и для самого широкого круга читателей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, Россия

Безрукавая Марина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Вышенская Юлия Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков (структурное подразделение) ФГБОУ «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия

Галушко Алёна Дмитриевна – аспирант второго года обучения Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гордиенко Ирина Юрьевна – студент Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гришина София Андреевна – обучающаяся четвертого курса направления подготовки 45.03.01 Филология (русский язык и литература) кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дьякова Татьяна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного образовательного учреждения культуры Луганской Народной Республики «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР

Керимова Раузат Абдуллаховна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Россия

Клинцова Мария Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лаук Надежда Германовна – магистрант второго курса кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мальцева Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и новых медиа факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Меджитова Эдибе Назимовна – старший преподаватель Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Меметов Искандер Айдерович – кандидат философских наук, доцент, доцент Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Меметова Эдие Шевкетовна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Науменко-Порохина Алла Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

Немцева Анастасия Александровна – аспирант кафедры русской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Остапенко Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Резник Оксана Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности и межкультурных коммуникаций ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», г. Симферополь, Россия

Рязанова Валерия Александровна – аспирант второго года обучения ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Смеюха Виктория Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сухоруков Алексей Николаевич – старший преподаватель Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», г. Симферополь, Россия

Шахбазян Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Шестакова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Северодвинск, Россия

Шилова Лилия Витальевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры театрального искусства ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Галушко А. Д. «СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» В ОПИСАНИИ ТАВРИДЫ П. И. СУМАРΟКОВЫМ.....	3
Вышенская Ю. П. СТИЛЬ АНГЛИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ТЕКСТА ЭПОХИ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ» ГОТИКИ В РЕАЛЬНОМ И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	17
Керимова Р. А. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ПОЭЗИИ М. Х. МОКАЕВА.....	31
Орехов В. В. «РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА». ЧАСТЬ I: КРЫМ И «ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ».....	42
Орехова Л. А. АВТОР И АДРЕСАТ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АРХИВА А. М. РАЕВСКОЙ.....	58
Остапенко И. В., Гришина С. А. ЛИРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА «Я С КАЖДЫМ МОГУ ГОВОРИТЬ НА ЕГО ЯЗЫКЕ...».).....	75
Резник О. В., Чепурина И. В., Шилова Л. В. БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (АНАЛИЗ АЛЛЮЗИЙ И ЦИТАТ).....	92
Шестакова Е. Ю. ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ЭПОПЕЕ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ».....	99

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Архипова И. В. ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	112
Дьякова Т. А. СРАВНЕНИЕ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО ПОЭЗИИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО.....	125

СОДЕРЖАНИЕ

Петров А. В., Лаук Н. Г. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»).....	139
--	-----

Немцева А. А. «ВСЮДУ СО МНОЙ МОРЕ...»: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО.....	149
---	-----

Рязанова В. А. СПЕЦИФИКА СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ АББРЕВИАТУР.....	158
---	-----

3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Клинцова М. Н. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА СМИ-ИНОАГЕНТОМ «КРЫМ.РЕАЛИИ» ВО ВРЕМЯ СПЕЦОПЕРАЦИИ РОССИИ ПО ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ И ДЕНАЦИФИКАЦИИ УКРАИНЫ	170
--	-----

Мальцева И. А. МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ В КОНТЕКСТЕ СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ТЕЛЕКАНАЛА «МАТЧ-ТВ»).....	177
--	-----

Смеюха В. В., Гордиенко И. Ю. ОТНОШЕНИЕ ЖЕНСКОЙ АУДИТОРИИ Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ К РЕКЛАМЕ ЛЕКАРСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ТОВАРОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	188
--	-----

Шахбазян М. А., Безрукавая М. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ЖИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ.....	199
--	-----

4. IN MEMORIAM

Меметов И. А., Сухоруков А. Н., Меджитова Э. Н., Меметова Э. Ш. АЙДЕР МЕМЕТОВИЧ МЕМЕТОВ.....	204
--	-----

От Редколлегии ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА СПИРИДОНОВА.....	209
--	-----

Науменко-Порохина А. В. «...ОТ НЕЁ СВЕТЛО»: ПАМЯТИ Л. А. СПИРИДОНОВОЙ.....	210
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	213
---------------------------------	-----